

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (95) / 2018



Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
З. А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П. В. Васюченко, Т. П. Карпилович, С. Е. Кунцевич,
Г. Ф. Лепесская, Л. М. Лещёва, В. В. Макаров,
А. А. Романовская, О. А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Бартенева И. И.</i> Структурно-семантическая организация художественного текста.....	7
<i>Борзенец С. Е.</i> Реализация категории интенсивности в перифрастической топонимике США.....	13
<i>Гладко М. А.</i> К вопросу о специфике конструирования коммуникации белорусских менеджеров	19
<i>Козлова Т. А.</i> Сходства и различия языковых средств выражения моральных качеств в английском и белорусском языках.....	26
<i>Ляшенко Е. С.</i> Ситуация качественного изменения: модели, типы, варианты языковой репрезентации.....	34
<i>Рингевич В. В.</i> Индивидуальный лексикон языковой личности в русском и английском языках	43
<i>Турчинская М. В.</i> Структурно-семантические особенности наименований детенышей животных в современном английском и белорусском языках.....	50
<i>Мижегули Уфуэр.</i> Исследование лексико-семантического поля «Образование» в китайском языке на фоне уйгурского	59
<i>Гэн Цзянь, Михалькова Н. В.</i> Структурно-семантические модели традиционных и упрощенных иероглифических знаков китайского языка ...	67

Романское и германское языкознание

<i>Годжаева Хатира Аваз кызы.</i> Об интонационном анализе дискурса в английском языке	83
<i>Karimova Shujaet Mashrif.</i> Radial, Chain and Mixed Polysemy in Polysemantic Words in English.....	88
<i>Карневская Е. Б., Ретина К. П.</i> Критерии надежности перцептивной идентификации единиц английской речевой просодии	94
<i>Крючкова А. Е., Макеенко А. С.</i> Структурные и языковые особенности пресс-релизов Организации Объединенных Наций на французском и английском языках	101

<i>Куценко Н. В.</i> Интерпретация семантики косвенных предложений носителями немецкого языка	108
<i>Mahmudova Aygun Vahid.</i> Interpretation of the Word Wisdom on the Basis of Dictionaries and its Symbolic Landscape in the English Language	116
<i>Рускевич Л. В.</i> Просодическая интерференция в устных высказываниях с экспрессивной лексикой на английском языке.....	121

Исследования славянских языков

<i>Белова К. А.</i> Средства демонстрации знаний, умений, эмоций и мнений в белорусском интернет-дискурсе	127
--	-----

Литературоведение

<i>Кудрявцева И. К.</i> Актуализация категории художественного конфликта в произведениях писателей Юга США (на примере романа П. Тейлора «Вызов в Мемфис»)	133
<i>Левшун Л. В.</i> «Смерть жанра» в свете христианского богословия творчества: культурологический аспект.....	140
<i>Первушина Л. В.</i> Литература польской эмиграции в многонациональной художественной культуре США: общий взгляд	150
<i>Радкевіч В. І.</i> Генезіс паняцця «інтэртэкстуальнасць» у тэорыі літаратуры.....	166
<i>Хомич В. В.</i> Словесно-ассоциативные поля в формировании художественного подтекста	172
<i>Наши авторы</i>	182

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Barteneva I. I.</i> Semantic and Structural Organization of the Literary Text.....	7
<i>Borzenets S. E.</i> The Implementation of the Category of Intensity in Toponymic Periphrases of the USA.....	13
<i>Gladko M. A.</i> Revisiting the Specifics of Belarusian Managers' Communication .	19
<i>Kazlova T. A.</i> Similarities and Differences in Language Means Representation of Moral Qualities in English and Belarusian	26
<i>Lyashenko Ye. S.</i> The Situation of Qualitative Change: Models, Types, Variants of Language Representation.....	34
<i>Ringevich V. V.</i> The Individual Vocabulary of the Language Personality in Russian and English Languages.....	43
<i>Turchinskaya M. V.</i> Structural and Semantic Features of the Words Denoting Young Animals in Modern English and Belarusian	50
<i>Mireguli Wufuer.</i> The Study of the Lexico-Semantic Field "Education" in Chinese against the Background of the Uighur.....	59
<i>Geng Jian, Mikhalkova N. V.</i> Structural-Semantic Models of Traditional and Simplified Characters in the Chinese Language.....	67

Romance and Germanic Linguistics

<i>Gojaeva Khatira Avaz.</i> On the Intonational Analysis of Discourse in the English Language	83
<i>Karimova Shujaet Mashrif.</i> Radial, Chain and Mixed Polysemy in Polysemantic Words in English	88
<i>Karnevskaya E. B., Repina K. P.</i> Reliability Criteria of English Speech Prosody Perceptual Identification.....	94
<i>Kruchkova H. E., Makeyenka H. S.</i> Structural and Linguistic Particularities of United Nations Press Releases in French and English	101
<i>Kutsenko N. V.</i> Interpretation of the Semantics of Indirect Sentences by Native Speakers of the German Language	108

<i>Mahmudova Aygun Vahid. Interpretation of the Word Wisdom on the Basis of Dictionaries and its Symbolic Landscape in the English Language</i>	116
<i>Ruskevich L. V. Interference in the Prosody of English Utterances with Expressive Words</i>	121

Slavonic Languages

<i>Belova K. A. Means of Demonstrating Knowledge, Skills, Emotions and Opinions in Belarusian Internet-Discourse</i>	127
--	-----

Studies in Literature

<i>Kudriavtseva I. K Actualization of the Literary Category of Conflict in the Works by Writers from the American South (on the Example of Peter Taylor's Novel <i>A Summons to Memphis</i>)</i>	133
<i>Levshun L. V. "The Death of the Genre" in the Context of Christian Theology of Artistic Creativity: Culturological Aspect</i>	140
<i>Pervushina L. V. Polish Émigré Literature in the US Multinational Artistic Culture: General View</i>	150
<i>Radkevich V. I. Genesis of the "Intertextuality" Concept in the Theory of Literature</i>	166
<i>Khomich V. V. Word-Associative Fields in the Formation of Artistic Implication</i>	172
<i>Our authors</i>	182

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

И. И. Бартенева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Данная статья представляет собой подробный анализ единого референциального пространства некоторых текстов французских авторов, подразумевающий изучение их структуры и семантики с целью установления показателей связности текста, его верного перевода и правильной интерпретации читателем. Рассматривается интерпретация художественного текста с точки зрения эволюции персонажа по задумке автора. Именно общая кореферентная цепочка как текстообразующее средство обеспечивает семантическую и синтаксическую целостность художественной истории. Выявлено, что внимательный читатель, аккуратно проанализировавший кореферентные цепочки номинаций дискурсивного объекта, разгадает задумку автора текста, и следовательно, коммуникация будет успешной.

Релевантные текстовые категории, основные единицы, составляющие текст, межфразовые отношения и связи – это то, чему исследователи всегда посвящали множество работ. Текст рассматривается исследователями как структурно-семантическое образование, характеризуется коммуникативной целостностью, грамматическими и семантическими связями.

Остановимся на структурно-семантической организации именно художественного текста. Начнем с определения понятия этого типа текста. *Художественный текст* – это повествование, описывающее жизнь людей, происходящие с ними изменения, различные события, которые могут быть вымышленными или же иметь место в реальной действительности. В художественном тексте, в отличие от сказочного, мифологического и фантастического, волшебные силы не вмешиваются в процессы изменения персонажей: они зависят от самого персонажа, обстоятельств или его окружения [1, с. 58].

В центре внимания автора и читателя, прежде всего, находится человек, т.е. его жизнь, поступки, характер, поэтому дискурсивный объект в художественном тексте постоянно требует индивидуализации. На смену глаголам-трансформаторам, которые, в основном, передают мгновенные превращения, часто приходит развертывание «целого ряда номинаций, раскрывающих разнообразные признаки одного и того же референта» [2, с. 76].

Ведь чтобы воспринять смысл целого, важны повторяющиеся, единопавленные микросмыслы [3, л. 41], заключенные в кореферентных языковых единицах, составляющих тематическую целостность цепочки – художественной истории персонажа.

Закономерность развертывания языковых единиц определяется автором и направлена на усвоение читателем не только поверхностных – линейных –

значений, но и внутренней глубинной связи подтекстовых смыслов [3, л. 40]. Языковой знак приобретает новые смысловые оттенки лишь в перспективе целого: в таком комплексе каждая единица, находясь в тесной, контактной или дистантной связи с другой, не только обусловлена этой единицей, но и сама дополняет ее. Вполне логично предположить, что повторные и вторичные номинации одного и того же дискурсивного объекта – персонажа – используются автором с целью показать динамику и направленность его развития [1, с. 60].

Для первичного обозначения референта говорящий употребляет прямые номинации, входящие в словарный состав языка с конкретным лексическим значением, закрепляющим представление (образ) о данном объекте/референте. К семантическим повторам относится и новое наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества:

/1/ *Luc aperçut **un rocher** qui émergeait des dunes. Il se précipita vers **cet abri**.* [4, р. 90].

На явную соотнесенность первичного обозначения антецедента *un rocher* и его вторичной номинации *cet abri* указывает анафорический демонстратив.

Общность семантических повторов в анафорической структуре проявляется в парадигматическом (семантическая структура наименований), синтагматическом (взаимное расположение наименований) и функциональном или коммуникативном планах (цель, с которой выбирается семантическая структура или расположение номинаций в высказывании/тексте).

Парадигматический аспект семантических повторов раскрывается:

– в их идентичности как повторяемых номинаций, если во втором случае референт получает то же наименование, что и в первом;

– в их вариативности как повторных или вторичных номинаций, если новое наименование в смысловом отношении отличается от предыдущего [5, с. 524].

Возможность варьирования номинаций объясняется опосредованной связью между наименованием/знаком и референтом, которая заключается в том, что один и тот же объект может восприниматься по-разному и иметь различные обозначения. Иными словами, анафорическое имя способно называть один из воспринимаемых говорящим признаков референта, когда последний уже обозначен. Так, одно и то же лицо может быть названо его собственным именем, или за основу номинации берутся его внешние, возрастные признаки, национальность, пол, профессия, общественное положение и т.п.

Вариативность и выбор наименований зависят от говорящего субъекта: ему отводится особая роль при выделении признака референта. При этом объект подводится под разное восприятие, многоаспектность которого и находит свое выражение в таких семантических отношениях, как тождество, включение или пересечение [5, с. 525].

В тексте:

/2/ *J'adore **mon cousin**. **Cet original** m'étonne tout le temps.* (A. Ernaux)

контактность *mon cousin – cet original* и анафорический демонстратив свидетельствуют о наличии тождественности отношений этих компонентов. Вместе с тем, в отличие от прямой кореферентности *un homme – l'homme, ses gants – ils*, например, или в отличие от смещенной *la police – ils*, которая базируется на отношении целое – его содержание/его часть (т.е. полиции, естественно, не существует без полицейских и т.д.), в отсылке *mon cousin – cet original* появляется значение субъективной оценки говорящего. Номинация *cet original* (этот оригинал) не является сущностным признаком человека: в данном случае доминирует оценочное отношение к двоюродному брату (*cousin*) со стороны говорящего (*mon, je*).

Такие наименования обозначаются термином *квалификативные*, т.к. они отражают «субъективное отношение именующего к объекту» [5, с. 525]. Следовательно, вариативность и образность номинации обуславливаются как характером референта/объекта, так и характером отношения субъекта именования. Однако употребление анафорического демонстратива *cet* и контактность компонентов *mon cousin – cet original* снижают образность семантического повтора.

Несмотря на то, что в художественной истории волшебство исключается, для обозначения изменений персонажа довольно часто используются те же глаголы-трансформаторы, что и в специализированном или сказочном тексте.

В высказывании:

/3/ *Le miracle fût que ce n'était plus **un Narcisse** qui se contemplait tout le temps, mais **Christian** se transforma en **un gentilhomme** sérieux et très attentif à propos des autres.* (A. Cousteaux)

говорится о «превращении» Кристиана - Нарцисса в джентльмена (серьезного и внимательного к другим) как о чуде (волшебстве). Коррелирующие номинации *Christian (Narcisse)* и *en gentilhomme* вполне адекватно передают сущность изменения персонажа. В греческой мифологии *Narcisse* – “*un jeune homme d'une grande beauté épris de ses propres traits; il périt de langueur en contemplant son visage dans l'eau d'une fontaine et fut changé en la fleur qui porte son nom*” [6, с. 1255]. Отсюда и перенос имени *Narcisse* не только на цветок, но и на человека: *le narcissé* – “*homme exclusivement ou complaisamment attaché à sa propre personne*” [Там же].

Речь идет о Кристиане, молодом человеке, который, как Нарцисс, сосредоточен только на себе (*exclusivement attaché à sa propre personne*), а отсюда и его вторичная номинация. И этот самовлюбленный Нарцисс «превращается» в джентльмена: *en un gentilhomme* (“*nom donné autrefois aux nobles*” [7, с. 352]).

Естественно, Кристиан не стал «благородным по рождению» (“*homme de naissance noble*” [8, с. 686]), т.е. не получил нового социального статуса. Но он

изменился психологически: из эгоиста превратился в человека высоких моральных качеств. Такое изменение не связано с волшебством: *le miracle* берется не в значении 'l'effet de la volonté divine' [8, с. 1047], а в значении 'fait, chose extraordinaire qui cause la surprise et l'admiration' [Там же, с. 1047]. Иными словами, новый облик – джентльменское поведение К р и с т и а н а – вызвал удивление и восхищение окружающих, которые знали его как самовлюбленного эгоиста.

Важным моментом становится имплицитное сравнение: сначала К р и с т и а н у приписываются признаки, свойственные Н а р ц и с с у, а затем – признаки благородного человека, что и меняет облик персонажа: К р и с т и а н (эгоист) как Н а р ц и с с на К р и с т и а н (благородный) как джентльмен. Такое «превращение» К р и с т и а н а из Н а р ц и с с а в джентльмена – результат творческой деятельности автора текста.

В высказывании – описанное «превращение» С а б и н ы в в о с т о ч н у ю п р и н ц е с с у:

/4/ *Sabine* monta se changer et redescendit métamorphosée en **princesse orientale**, dans une robe d'intérieur en soie orange à passementerie émeraude. (H. Troyat)

также есть результат имплицитного сравнения как внешнего изменения персонажа: в домашнем оранжевом шелковом платье, отделанном изумрудной тесьмой, С а б и н а стала похожей на в о с т о ч н у ю принцессу. В восприятии нового облика С а б и н ы важны ассоциации, которые возникли при виде спускающейся в широком длинном платье С а б и н ы. Именно по ассоциации с в о с т о ч н о й п р и н ц е с с о й появилась образная номинация (en) *princesse orientale*.

Значимость ассоциации становится особенно эффективной, если один и тот же персонаж воспринимается говорящим (je) контрастно. Так, в тексте:

/5/ *En écoutant Renée parler d'Odile, j'avais imaginé une femme très belle mais très dangereuse. En écoutant Philippe, je vis une frêle petite fille qui avait fait de son mieux.* (A. Maurois)

художественная история Одили построена на контрастности возрастных и качественных признаков: *Odile – une femme très belle – très dangereuse – une frêle petite fille*.

Естественно, О д и л и я не может одновременно находиться во взрослом и детском состояниях или сразу перейти из взрослого в детское. Двусмысленность снимается, поскольку речь идет о субъективном восприятии разных обликов Одили: говорящий (je), слушая Рене, представляет ее прекрасной, но опасной женщиной; слушая Филиппа, у него возникают противоположные ассоциации, и он видит маленькую хрупкую девочку. В этом и состоит экспрессивность текста: «Невидимые нити могут протягиваться между словами, там, где при грубом учете их значений не может быть никакой связи» (П. А. Флоренский, цит. по [3, л. 49]).

В следующем тексте речь идет о персонаже, имеющем своим прототипом реально существующего человека:

/6/ *Brigitte fait si bien la différence entre la Brigitte du dehors et celle du dedans, qu'elle en vint à parler d'elle – enfin de l'autre, celle du public – à la troisième personne: “... je suis très, très contente d'être... Brigitte Bardot! Elle m'amuse beaucoup”.*

...La Brigitte “laide” c'est l'écolière et la petite ménagère! Mais dès cet âge elle sait se métamorphoser. La Brigitte ballerine n'a pas de lunettes... Au cours de danse Brigitte n'est pas perdue parmi les autres enfants. (C. Rihoit).

Автор представляет читателю разные облики персонажа, что в тексте, например, находит свое отражение в наличии артикля перед именем собственным: *la Brigitte “laide”, la Brigitte ballerine, la Brigitte “laide”, la Brigitte du dehors, la Brigitte du dedans* и т.д. Референциальная цепочка

Brigitte – la Brigitte du dehors – celle du dedans – elle – elle – l'autre – celle du public – elle – elle; Brigitte “laide” – l'écolière – la petite ménagère – elle – la Brigitte balerine – Brigitte вполне эксплицитно доносит до читателя различные облики персонажа-актрисы.

Переплетения коррелятивных и анафорических отношений прямо и косвенно кореферентных номинаций в цепочке объединены референциальным образом, отражающим личность Б. Бардо как женщины-актрисы *femme/actrice*. «Художественная история» включает не только тему жизненной линии актрисы, но и тему ее восприятия как женщины (со стороны или самой себя изнутри). Б. Бардо сама может говорить о себе в третьем лице, хорошо понимая разницу ее восприятия изнутри (*du dedans*) или снаружи (*du dehors*).

Развернутая последовательность прямо и косвенно кореферентных и семантически разнообразных номинаций (повторных, вторичных) формирует разноаспектные коррелятивно-анафорические цепочки, которые последовательно объединяются в единую художественную историю главного персонажа (и отношения к нему) [1, с. 70].

Дискурсивные объекты/персонажи живут собственной жизнью: они постоянно меняют свой облик, вызывают разное отношение к себе; меняется их окружение, соответственно, и отношение к ним и т.д. Все эти преобразования находятся в компетенции автора, цель которого – донести до читателя внутреннюю динамику текста через создаваемые им разные – живые – образы/облики персонажей (объективные и субъективные): читатель должен адекватно воспринимать и интерпретировать «реальность» вымышленного мира.

Анафорические и коррелятивные цепочки в художественном тексте могут следовать одна за другой, последовательно включаться в одну общую цепочку или пересекаться. Однако именно общая кореферентная цепочка как текстообразующее средство обеспечивает семантическую и синтаксическую целостность художественной истории.

Анализ анафорических и коррелятивных отношений знаков, их объединения в кореферентные цепочки важен не только для выявления

семантико-синтаксической организации текста и разных художественных историй, но и для сохранения целостности основной, общей художественной истории, скрепляющей «скелет» текста в целом.

Несмотря на разноаспектность художественных историй коррелятивно-анафорических цепочек, семантическая связность текста обеспечивается в основном коррелятивными номинациями, а синтаксическая – анафорическими местоимениями. У читателя, который не проявляет интереса к разгадке скрытых (в кореферентной цепочке) «превращений» дискурсивных объектов как авторского замысла, диалога не будет ни с персонажем, ни с автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартенева, И. И.* Семантико-синтаксическая организация текстов разных типов: для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих лексику, грамматику и теорию французского языка / И. И. Бартенева, А. Н. Степанова. – Минск : Витпостер, 2014. – 88 с.
2. *Конобеева, И. И.* Некоторые особенности повторной номинации в тексте Нового Завета / И. И. Конобеева // Актуальные проблемы французской филологии : сб. науч. ст. / Московский гос. пед. ун-т ; редкол.: Г. Г. Соколова [и др.]. – Вып. № 3. – М. : Прометей, 2005. – С. 76–81.
3. *Асланова, Р. Г.* Образная номинация в структуре комического текста : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р. Г. Асланова. – Махачкала, 2003. – 170 л.
4. *Charolles, M.* Référents évolutifs et évolution de la référence / M. Charolles // Les référents évolutifs entre linguistique et philosophie: Recherches linguistiques. – 1997. – № 24. – P. 39–99.
5. *Гак, В. Г.* Повторная номинация / В. Г. Гак // Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 786 с.
6. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert. Le Petit Robert; préface par P. Robert, rédaction: A. Rey [et d'autres]. – Paris : Le Robert, 1977. – 2174 p.
7. Dictionnaire encyclopédique pour tous. Nouveau Petit Larousse en couleurs; rédaction: C. Dubois (réd. en chef) [et d'autres]. – Paris : Libr. Larousse, 1971. – 1680 p.
8. Dictionnaire Hachette encyclopédique; rédaction: J.-P. Mével (réd. en chef) [et d'autres]. – Paris : Hachette, 2001. – 1858 p.

The article is devoted to consideration of one of the most interesting phenomena in modern languages, the coherence of the text. The analysis of its semantic and structural organization of the text showed the importance of its interpretation. This interpretation is based on the anaphoric and correlative relations of the hero nominations in the texts.

Поступила в редакцию 29.05.18

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ ТОПОНИМИКЕ США

Статья посвящена исследованию особенностей актуализации категории интенсивности в метафорических топонимических перифразах, имеющих хождение на территории США. В работе анализируются лексические, морфологические и синтаксические интенсифицирующие средства современного английского языка и их взаимодействие для выражения усилительной семантики. Исследуется возможность использования прецедентных онимов в качестве интенсификатов. Приводятся данные по частотности употребления различных интенсифицирующих средств.

Категория интенсивности является одной из базовых языковых категорий. Так, Ш. Балли, рассматривавший интенсивность в широком смысле, утверждал, что «...количественное различие, либо различие в интенсивности, является одной из тех общих “категорий”, в которые мы вводим любые объекты нашего восприятия или нашей мысли» [1, с. 203]. *Интенсивность* – вид количественной характеристики признака, лексическим воплощением которого можно считать слово *очень*. Такая «усилительная» характеристика противопоставляется нейтральной, демонстрируя отклонение от «нормальной» меры (узуальной, окказиональной, идеальной), понимаемой в данном случае как «общие для говорящего и слушающего усредненные представления о данном классе» [2, с. 131].

Определяя место категории интенсивности среди близких «качественно-количественных» семантических категорий (категории меры признака, градуальности, недискретного количества), исследователи в качестве важнейшей сущностной характеристики указывают субъективно-оценочный характер интенсивности [3; 4]. Так, Н. Д. Федяева указывает, что категория интенсивности отражает «не столько объективные свойства явлений, сколько отношение воспринимающего субъекта к этим явлениям» [5, с. 131].

В настоящее время исследования категории интенсивности сосредоточены на описании способов интенсификации и деинтенсификации высказывания. Целью данной статьи является изучение структуры языковых средств интенсифицирующего содержания в топонимических метафорических перифразах, имеющих распространение в США.

Метафорические перифразы – описательные обозначения объекта на основании выдвигания на первый план какой-либо его особенности, качества, признака. Выдвижение такого рода базируется на субъективном представлении говорящего (языкового коллектива) о выделенном признаке как о более интенсивном в сравнении с нормальной мерой. Подчеркнем, что эта «выделительная» прагматическая функция метафорических перифраз видится особо примечательной в свете взаимовключения понятий «интенсивность» и «выделенность / выдвижение», на которое указывает

С. Е. Родионова. Так, исследователь определяет категорию интенсивности как «занимающую промежуточное положение между категориями качественности и количественности? с одной стороны, и особой прагматической категорией, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий “выделенность” (релевантность), “выдвижение” – с другой» [3, с. 304]. Представляется, таким образом, продуктивным исследовать категорию интенсивности на материале метафорических перифраз.

Методом сплошной выборки с интернет-сайтов городов США были отобраны их перифрастические наименования, содержащие языковые средства со значением усилительности, в количестве 763 единиц. Отметим, что перифрастические наименования отдельных городов могут полностью совпадать или отличаться незначительно (например, *Emerald City (Seattle)* и *The Emerald City (Wichita)*). И в том, и в другом случае такие метафорические перифразы входили в выборку исследования в качестве самостоятельных единиц для конструирования объективной статистической картины исследования.

Рассмотрим средства объективации категории интенсивности.

Морфологические средства выражения интенсивности. Таковыми следует считать сравнительную и превосходную степени прилагательных, наречий, например: *More Than Just a Song (Shenandoah)*, *More Than You Imagined (Auburn)*, *Climate Best By Government Test (Redwood City)*, *America's Finest City (San Diego)*, *Richest Square Mile on Earth (Central City)*, *America's Most Haunted City (Savannah)*, *America's Wettest City (Hilo)*.

Отметим численное преобладание метафорических перифраз с суперлативом (50 единиц) над перифразами с компаративом (3 единицы).

Не всякий случай употребления степени сравнения является средством выражения интенсивности. Так, превосходная степень сравнения в *Connecticut's Smallest City (Derby)* может быть и констатацией факта, и средством актуализации категории интенсивности (в случае субъективной оценки). В случае с перифразой *The Biggest Little Town in Arkansas (Emerson)* мы имеем дело с субъективной оценкой, а, следовательно, с интенсификацией, так как не существует объективных критериев дифференциации наибольшего маленького городка и наименьшего крупного города.

Синтаксические средства выражения интенсивности. Среди синтаксических средств объективации категории интенсивности наиболее распространена генитивная конструкция *of the World* (297 единиц): *The Fire Hydrant Capital of the World (Albertville)*, *Sock Capital of the World (Fort Payne)*, *Wave Pool Capital of the World (Decatur)*. Синонимичная ей конструкция с существительным в притяжательном падеже значительно менее частотна (9 единиц): *The World's Image Centre (Rochester)*, *World's Popcorn Capital (Marion)*, *The World's Fruit Basket (Reedley)*. Количество локативов *on Earth* и генитивов *of the Universe* составляет 6 и 2 единицы

соответственно: *Best Town on Earth* (Madisonville), *The Richest Hill on Earth* (Butte), *Hub City of the Universe* (Marion), *The Hub of the Universe* (Boston).

Ожидаемы случаи сочетания синтаксических и морфологических средств усиления: *Home of the World's Largest Cheeto* (Algona), *The Sweetest Place on Earth* (Hershey), однако они не столь частотны (12 единиц).

В перифразах *The West's Most Western Town* (Scottsdale), *A Great Place on a Great Lake* (Milwaukee) в функции объективатора категории интенсивности выступает повтор.

Лексические средства выражения интенсивности. Среди 710 метафорических перифраз, содержащих лексические интенсифицирующие средства, только 7 единиц содержат так называемые эксплицитные интенсификаторы (интенсивы) *very, too, so*: *The town too beautiful to burn* (Port Gibson), *The City Too Busy to Hate* (Atlanta), *So Very Virginia* (Charlottesville). Такая низкая частотность интенсивов объясняется неизбежной девальвацией их интенсифицирующей способности.

В проанализированной нами выборке топонимических перифраз чрезвычайно широко распространены интенсификаты – лексические единицы, у которых «сема интенсивности имплицитно содержится в их значении» [3, с. 307], единицы, соединяющие в своей семантике название признака и его усиление. Индикатором высокой степени проявления признака является наличие в дефинициях лексических единиц метаслов или метасловосочетаний *сильно, излишне, крайне, чрезмерно, чрезвычайно, в самой высокой степени* в русском языке [6, с. 89] и *very, highly, too, especially, extremely, unusually, the best, the most* в английском.

Среди частотных интенсификатов, входящих в состав исследованных перифраз, назовем *capital* 'a centre for an industry or business, **the most important or pivotal area**', *pride* '**the best thing in a group**', *marvel* 'something that is **extremely** useful', *magic* '**very** good or very enjoyable', *wonder* '**very** good and effective', *gem* 'something that is **very** special or beautiful', *jewel* 'something that is **very** valuable, attractive or important', *pearl* 'something that is **especially** good or valuable', *treasure* 'a **very** valuable or important object', *golden* '**highly** favored', *hub* '**the most** important part of an area', *star* '**the best or most** successful in a group', *queen* 'place that is considered to be **the best**', *heart* '**the most** important or central part of something', *top* '**best or most** successful', *unique* '**unusually** good or special', *great* '**very** good'.

Подчеркнем, что именно переносные значения вышеуказанных лексических единиц несут в себе усиление.

Топонимические перифразы, имеющие в своей структуре интенсификат, представляют собой многочисленную группу. В зависимости от прямого значения элемента перифразы, содержащей сему интенсивности в переносном значении, выделяются следующие тематические группы:

1) нечто чудесное (17 единиц суммарно): *The Magic City of the Plains* (Cheyenne), *The Marvel City* (Bessemer), *City of Seven Wonders* (Flagstaff);

2) нечто драгоценное (29 единиц суммарно): *Gem City of the Southwest* (Kingsville), *The Jewel City* (Glendale), *A Colorado Treasure* (Sterling), *America's Golden Door* (Jersey City), *The Pearl of the South* (Ponce);

3) важнейшая, лучшая часть чего-либо (31 единица суммарно): *Heart of the Bay* (Heyward), *Hub of the Plains* (Lubbock);

4) нечто или некто, обладающий высоким статусом (348 единиц суммарно): *Queen of the Alabama Black Belt* (Selma), *The Unique Dining Capital of Texas* (Roanoke), *Top City* (Topeka), *The Star City* (Lincoln).

Численное преобладание перифраз, относящихся к последней из перечисленных высокочастотных тематических групп, достигается за счет активнейшего употребления лексико-синтаксического усилительного комплекса *Capital of the World / the World's Capital* (297 единиц): *Literary Capital of the World* (Monroeville), *World's Popcorn Capital* (Marion).

Реализация категории интенсивности может осуществляться не только в случае включения в состав перифраза интенсификата, но и посредством намека на него, что можно наблюдать на примере перифразы *The Garden of Eaton* (Eaton). Созвучие названия города *Eaton* мифическому топониму *Eden* и усиливающий «библейские» ассоциации контекст – “*The Garden of...*” – позволяют увидеть интенсификат там, где формально его нет: *Eaton* → *Eden* → *paradise* ‘a place or situation that is **extremely** pleasant, beautiful’.

В структуру топонимической перифразы могут входить топонимы, обладающие значимостью «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении» [7, с. 216], то есть прецедентные топонимы. В отдельных случаях они функционируют в качестве лексических интенсифицирующих средств.

Прецедентные топонимы, использующиеся в топонимических перифразах – это, прежде всего, астионимы США: *Chicago*, *New York City*, *Las Vegas*, *Pittsburgh*, *Detroit*, *Hollywood*, *San Francisco* (22 единицы суммарно). Вторую по степени представленности группу составляют наименования древних городов в период их наивысшего расцвета: *Athens*, *Baghdad*, *Babylon*, *Rome* (15 единиц суммарно). Третья группа прецедентных астионимов, частотность которых не столь значительна, включает наименования столиц: *Paris*, *Havana*, *Manila* (9 единиц суммарно).

Отметим, что ядром описательного именованного какого-либо города может стать не только прецедентный астионим, но также прецедентный хороним (*Switzerland of Wayne County* (Northville), *Little Sweden* (Lindsborg)), прецедентный годоним (*Wall Street of the West* (Denver)), прецедентный ойкодомоним (*Bastille by the Bay* (San Quentin)).

Прецедентный топоним может являться средством выражения усиления признака при соблюдении следующих условий:

– достаточно высокий уровень прецедентности топонима (коллективный, национальный или общечеловеческий [8, л. 10]) для реципиента высказывания, содержащего этот топоним. Так, возможности функционирования в качестве интенсификата снижены у астионима *Pittsburgh* (национальный уровень прецедентности) в сравнении с астионимом *New York City* (общечеловеческий уровень прецедентности) при рецепции перифраз *the Pittsburgh of the South* (Birmingham) и *New York of the South* (Atlanta).

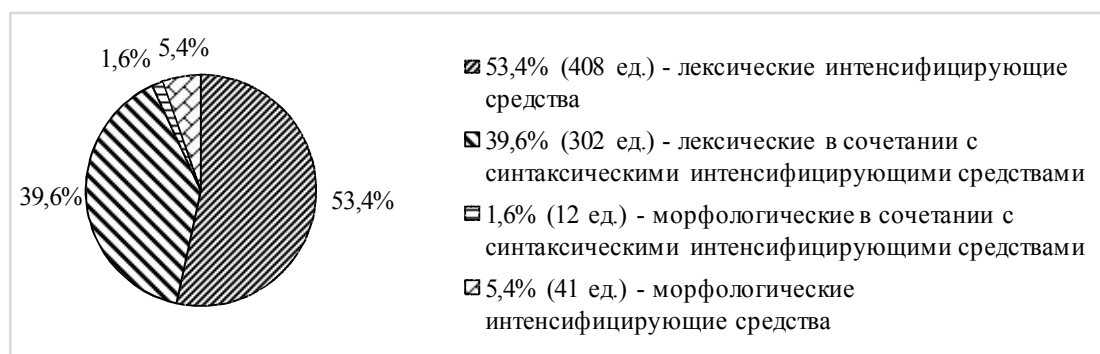
– выделенность признака (комплекса признаков), в репрезентации которого прецедентный топоним считается «эталонным». Так, сравнивая

астионимы *Paris* и *London* (их уровень прецедентности для представителей американской культуры следует признать одинаковым), обнаруживаем, что первый в рассматриваемой культуре является эталоном высокой степени проявления признака «романтичность», в то время как со вторым языковой коллектив не связывает никаких характеристик. Поэтому в перифразе *Little London (Colorado Springs)*, метафорическое значение которого можно описать как «похож на Лондон во всем / во многом», прецедентный топоним не является средством выражения интенсивности. Метафорическое значение перифразы *Paris of the South (New Orleans)* «**очень** романтичный, как Париж» содержит имплицитную сему «очень», что делает топоним *Paris* лексическим средством реализации категории интенсивности.

Среди топонимов, способных выступать в интенсифицирующей функции, назовем *New York* (эталон признаков «большой, многолюдный», «занимающий лидирующее положение в бизнесе»), *Las Vegas* (эталон признака «занимающий лидирующее положение в игорном бизнесе»), *Chicago* (эталон признака «имеющий крайне разветвленную криминальную сеть»), *Detroit* (эталон признака «занимающий лидирующее положение в машиностроении»), *Pittsburgh* (эталон признака «занимающий лидирующее положение в сталелитейной промышленности»), *Hollywood* (эталон признака «занимающий лидирующее положение в киноиндустрии»), *San Francisco* (эталон признаков «очень красивый», «терпимый к гомосексуальным проявлениям»), *Wall Street* (эталон признака «занимающий лидирующее положение в финансовой сфере»), *Athens* (эталон признаков «просвещенный», «обладающий богатым архитектурным наследием»), *Babylon* (эталон признаков «характеризующийся аморальным поведением», «страждущий удовольствия»), *Venice* (эталон признаков «очень романтичный», «имеющий множество каналов»).

Таким образом, прецедентный топоним, встраиваясь в структуру топонимического перифраза, способен выступать в роли интенсификата – лексического средства имплицитного выражения значения усиления. Функционирование прецедентного топонима в этом качестве ограничивается уровнем его прецедентности и выделенностью признака, эталонным репрезентантом которого он является.

Подводя итоги, отметим, что значение усиления в американских топонимических перифразах может выражаться морфологически, синтаксически и лексически. В рамках лексических средств наиболее распространены и широко употребимы имплицитные способы выражения интенсивности вследствие их повышенной экспрессивности и компактности формы (рисунок).



Разноуровневые интенсифицирующие средства не существуют изолированно, а взаимодополняют друг друга, образуя комбинации синтаксических и морфологических средств, лексических и синтаксических. Спецификой рассмотренных метафорических перифраз является использование в их структуре прецедентных топонимов (астонимов, хоронимов, годонимов, ойкодомонимов) в качестве лексических усилительных средств, однако интенсифицирующий потенциал таких топонимов реализуется не всегда. Исследованный материал позволил выделить две продуктивные модели интенсификации: 1) использование лексико-синтаксического усилительного комплекса и 2) использование лексических единиц, соединяющих в своей семантике название признака и его усиление (интенсификатов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
2. Князев, Ю. П. Степени сравнения и точки отсчета / Ю. П. Князев // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / ред. А. В. Бондарко [и др.]. – СПб. : Наука, 1996. – С. 129–144.
3. Родионова, С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий [Электронный ресурс] / С. Е. Родионова // Славян. вестн. – Вып. 2. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/sv2/rodionova.pdf>. – Дата доступа : 22.05.2018.
4. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – М. : Высш. шк., 1990. – 173 с.
5. Федяева, Н. Д. Норма в кругу семантических категорий русского языка / Н. Д. Федяева // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – № 2 (10). – Волгоград : ВолГУ, 2009. – С. 240–246.
6. Савичева, Х. Н. Понятие семантической категории интенсивности и ее языковое выражение [Электронный ресурс] / Х. Н. Савичева, Э. Ф. Рахимова. // Междунар. науч.-исслед. журнал. – 2016. – № 3 (45). – Ч. 4. – С. 87–89. – Режим доступа : <http://research-journal.org/languages/ponyatie-semanticheskoy-kategorii-intensivnosti-i-ee-yazykovoe-vyrazhenie/>. – Дата доступа : 22.05.2018.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Попадинец, Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка: экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Р. В. Попадинец. – Курск, 2006. – 196 л.

The article investigates the linguistic means of intensification used in toponymic periphrases of the USA. The question of precedent-related toponyms functioning as intensification means is being touched upon.

Поступила в редакцию 22.06.18

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ БЕЛОРУССКИХ МЕНЕДЖЕРОВ

Статья посвящена анализу коммуникативной компетентности менеджеров белорусских организаций. По результатам исследования выявлены уровни развития коммуникативной компетентности менеджеров государственных и негосударственных компаний, проведен их сопоставительный анализ; определено соотношение уровня коммуникативной компетентности менеджеров с уровнем их самооценки. Установлены ключевые ситуации, организующие профессиональное коммуникативное пространство белорусских менеджеров, степень развитости коммуникативных умений последних. Выявлен репертуар компетенций, реально свойственный респондентам и желаемый (которыми они хотели бы овладеть). Исследование показывает, что менеджеры, принявшие участие в исследовании, не владеют в полной мере тактиками конструктивной критики, не умеют спокойно реагировать на критику, не знакомы со структурой правильного отказа, но владеют различными приемами убеждения.

Эффективная коммуникация является необходимым условием достижения цели организации. Коммуникация на предприятии – это тот инструмент, который обеспечивает координацию всей деятельности в организации, позволяет получить всем участникам организационных процессов необходимую для осуществления профессиональной деятельности информацию. От качества передаваемой информации зависит и дальнейшая деятельность организации. Возросшая роль коммуникативных взаимодействий в функционировании и развитии предприятия ставит в фокус внимания проблему управления коммуникациями как внутри предприятия, так и между предприятием и ее средой, с целью проведения оптимально благоприятных для организации коммуникационных процессов [1].

Этот факт объясняет возросшее внимание к компетентности современного руководителя. Грамотный руководитель – ценный ресурс любой организации. В современном мире к ним предъявляется особенно высокий уровень требований. Современному успешному руководителю важно владеть двумя видами компетенций: *базовыми* и *специальными*. К *специальным* компетенциям относятся знания, умения и навыки, которые связаны с профессиональной деятельностью. К *базовым* – интеллектуальные, коммуникативные, нравственные, волевые качества.

С необходимостью развития коммуникативной компетентности каждый руководитель в ходе своей профессиональной деятельности сталкивается огромное количество раз. Коммуникативная компетентность является совокупностью внутренних ресурсов для конструирования эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций межличностного взаимодействия. Поэтому данное исследование посвящено анализу уровня развития коммуникативной компетентности, а также его соотношения с уровнем самооценки коммуникативных компетенций принявших участие в исследовании белорусских руководителей.

Коммуникативный акт состоит из анализа и оценки конкретной ситуации с последующим формированием цели и состава действия, реализации плана и его коррекции, оценки эффективности. Для диагностики коммуникативной компетентности важным является анализ внутренних средств деятельности, которые используются при ориентировке в коммуникативных ситуациях [2, с. 6].

Большое количество методик по диагностике коммуникативной компетентности основано на анализе «свободных описаний» разнообразных коммуникативных ситуаций. Такие ситуации дают возможность согласовывать ситуацию с контекстом реальной или потенциально возможной сферы деятельности испытуемого.

Помимо методик «свободного описания» существует также «методы анализа конкретных ситуаций». Данные методы позволяют определить степень эффективности использования когнитивных ресурсов при решении коммуникативной задачи [Там же, с. 8].

Проанализировав доступность и эффективность различных методов, мы сочли наиболее подходящим для нашего исследования анкетирование и метод анализа конкретных ситуаций, поскольку эти методы позволяют минимизировать временные затраты, упростить анализ и систематизацию собранных данных, собрать достаточно большой объем информации.

В анкетировании приняли участие 50 менеджеров, 25 из которых работают в белорусских частных организациях, а другие 25 – в государственных.

Проведенное эмпирическое исследование включало два этапа. На первом этапе проверялся уровень развития коммуникативной компетентности руководителей, а также их представление о своем уровне развития коммуникативной компетентности. На втором этапе проверялась валидность коммуникативной компетентности на основе оценки коммуникативных ситуаций.

Анализируя полученные данные респондентов, которые работают в государственных и частных учреждениях, мы пришли к выводу, что высоким уровнем развития коммуникативной компетентности в государственных учреждениях обладают только 20 % респондентов, тогда как в частных – 60 %. Средний уровень компетентности в государственных учреждениях – у 70 % опрошенных, а в частных – у 40 %. Низкий уровень развития коммуникативной компетентности характерен для 5 % менеджеров, работающих в государственных учреждениях. Таким образом, у работников частных предприятий коммуникативная компетентность развита выше, а именно:

- больше работников с высоким уровнем;
- меньше со средним уровнем;
- отсутствуют работники с низким уровнем развития коммуникативной компетентности.

Далее мы анализировали соотношение уровня самооценки с результатами опросника. Интересен тот факт, что руководители государственных

организаций склонны занижать свой уровень коммуникативной компетентности, тогда как по результатам теста он может оказаться выше. Например, по данным теста высоким уровнем коммуникативной компетентности обладают 20 % респондентов, но оценивают свой уровень компетентности как высокий только 10 % опрошенных. Результаты со средним уровнем совпали: 70 % респондентов по результатам теста имеют средний уровень и 70 % оценивают свой уровень как средний. Что же касается низкого уровня коммуникативной компетентности, то по результатам теста всего 5 % обладают им, но 20 % респондентов полагают, что владеют таковым.

Менеджеры частных организаций также имеют тенденцию занижать свой уровень коммуникативной компетентности. Высоким уровнем компетентности по результатам теста обладают 60 %, тогда как оценивают свой уровень как высокий только 30 % респондентов. Средний уровень имеют 40 %, но оценивают свой уровень как средний 70 % опрошенных. Интересно, что ни по результатам теста, ни по данным оценки своего уровня никто из респондентов не обладает низким уровнем развития коммуникативной компетентности.

Анализируя необходимые для руководителя коммуникативные компетенции, респонденты выбрали из предложенного списка компетенций те, которые, по их мнению, они хотели бы в себе развить:

- 1) способность гасить конфликты в зародыше, неконфликтность (80 %);
- 2) владение коммуникативными стратегиями и тактиками (75 %);
- 3) ораторское искусство (75 %);
- 4) умение организовывать и вести переговоры, иные деловые встречи – (65 %);
- 5) умение анализировать внешние сигналы (телодвижения, мимика, интонации) (50 %);
- 6) умение соблюдать этику и этикет общения (45 %);
- 7) владение навыками активного слушания (15 %);
- 8) развитость устной речи (в том числе четкость, правильность) (10 %);
- 9) развитость письменной речи (5 %);
- 10) знание личностных особенностей и типичных проблем людей, с которыми предстоит общаться (5 %);

Никто из респондентов не выбрал такие компетенции, как:

- 1) владение той или иной лексикой;
- 2) умение проникнуться интересами другого человека;
- 3) ассертивность (уверенность).

Таким образом, наибольшее число респондентов (80 %) указало на важность умения гасить конфликты в зародыше, неконфликтность. Этот процент респондентов в большей степени составляют работники государственных учреждений, а именно: врачи, педагоги. Респонденты сообщили, что довольно часто сталкиваются с конфликтными ситуациями на работе и хотели бы научиться грамотно их разрешать.

Также большое число опрошиваемых (75 %) сделали акцент на таких компетенциях, как ораторское искусство и владение коммуникативными стратегиями. Такой большой процент объясняется тем, что руководителям часто приходится выступать перед публикой, например, доносить информацию до сотрудников, мотивировать их, подталкивать к действиям.

65 % испытуемых выделили важность умения организовывать и вести переговоры, а также иные деловые встречи, поскольку они проводят на них большое количество времени.

Половина респондентов (50 %) хотела бы научиться анализировать внешние сигналы, такие как телодвижения, мимика, интонации и др. для лучшего понимания собеседника и повышения эффективности коммуникации с ним.

45 % опрошиваемых указали на важность знания этики и этикета общения, так как считают это одним из важнейших компонентов в работе.

Такую компетенцию, как активное слушание, выбрали 15 % респондентов. Здесь испытуемые сообщили, что не всегда понимают, как можно показать собеседнику, что его не только слышат, но и внимательно слушают, разделяют эмоции и чувства.

Наименьшее число респондентов хотели бы улучшить свои навыки устной (10 %) и письменной (5 %) речи, поскольку считают, что они недостаточно хорошо развиты.

Следующий этап изучения коммуникативной компетентности – анализ коммуникативных ситуаций. Выбор коммуникативных ситуаций был обусловлен их частотностью. Менеджеры считают, что постоянно с ними сталкиваются.

В ходе отбора литературного материала для анализа мы старались приводить как можно более разнообразные примеры коммуникативных ситуаций в деловом общении. Были отобраны примеры межличностных деловых контактов, в результате которых респондент должен был подготовить четыре короткие речи:

- **о критике своих подчиненных.** Данная коммуникативная ситуация помогает выяснить, знает ли руководитель, как нужно правильно критиковать, что такое конструктивная критика, структура конструктивной критики;

- **о реакции на критику** вышестоящего руководителя респондента. Здесь мы выясняли, умеет ли руководитель правильно реагировать на критическое замечание своего начальника, как он реагирует на критику в присутствии своих подчиненных, может ли реакция респондента на критику привести к конфликту;

- **о убеждении** владельца пиццерии продать свое заведение респонденту. По результатам этой коммуникативной ситуации мы узнали, умеют ли наши респонденты убеждать, имеют ли опыт в убеждении, знают ли структуру убеждающей речи, какие тактики, стратегии и апелляции испытуемые обычно используют при убеждении;

- **об отказе** международной компании в проведении семинара для подчиненных респондента. Благодаря этой коммуникативной ситуации нами было выяснено, умеют ли наши испытуемые отказывать, испытывают ли дискомфорт при отказе, знакомы ли со структурой отказа.

Анализируя полученные данные, мы столкнулись с тем, что никто из респондентов не использует в своей речи эффективную схему конструктивной критики. Так, в критических высказываниях наших респондентов присутствуют следующие тактики:

- **детализации** (по словам анкетирруемых, необходимо быть более точным и детальным в описании сути, того, что надо поменять и улучшить) в сочетании с негативно заряженной императивной тактикой указания на должное поведение – 85 % респондентов: *Девушки, я только что обслужила вашего клиента, в то время как вы о чем-то разговаривали. Пожалуйста, впредь не отвлекайтесь от своей работы;*

- **демонстрации** своего видения поведения критикуемых сотрудников – 61 %: *Мне бы хотелось, чтобы вы отложили свои личные дела в рабочее время и обслуживали клиентов сами; Мне и клиентам не нравится ваша сегодняшняя работа;*

- **приказа** относительно процесса, действия, которые следует исполнить безоговорочно – 90 %: *Заканчивайте разговоры и идите обслуживать клиентов; Пожалуйста, перестаньте обсуждать личные вопросы при покупателях и идите работать;*

- **запрета** – акцент делается на (не)соответствии поведения сотрудника требованиям, нормам организации – 50 %: *Девушки, личные разговоры на рабочем месте у нас недопустимы;*

- **«поглаживания»**, позитивного программирования и понимания – всего 15 %: *Вы умные девушки, и я уверен, что в будущем подобная ситуация не повторится; Надеюсь на ваше понимание.*

Так, лишь 15 % респондентов используют положительно заряженные тактики. Основными средствами вербализации критики являются: повелительное наклонение, отрицательные императивы *не отвлекайтесь, не стойте*, глаголы завершения действия *перестаньте, заканчивайте, прекратите*, отрицательные превентивы *не повторится, не получится*. Хотя законы конструктивной критики диктуют позитивную направленность высказывания, внедрение массы элементов «поглаживания» для стимулирования необходимого критикующему поведения.

10 % респондентов сообщили, что никогда раньше не слышали о правилах конструктивной критики. Этот процент опрашиваемых не скрывает своих негативных эмоций, использует обвинительный тон в своей речи и не дает готовые решения-приказы в работе. Вот пример подобной критики: *Почему снова прохлаждаетесь? Из-за вас постоянно страдают мои клиенты, и мне приходится все время переделывать вашу некачественную работу! Это ужасно!* Такая критическая речь не является эффективной, поскольку не достигает поставленной цели, а именно не помогает объекту улучшить себя, свое поведение, не стимулирует на развитие.

Следующим этапом стало выявление уровня умений реагировать на критические замечания. Мы пришли к выводу, что 100 % респондентов не умеют конструировать правильную/эффективную реакцию. Почти у всех опрашиваемых (90 %) превалирует негативная реакция на факт критики перед подчиненными. Было выяснено, что респондентам сложно держать эмоции при себе, несмотря на то, что многие знакомы с техниками борьбы с негативными эмоциями.

После эмоциональной реакции на критику многие респонденты использовали тактику контратаки (65 %): *Вы считаете сейчас уместным делать подобные замечания?, Вы очень предвзято ко мне относитесь!.* Респонденты (5 %) использовали тактику оправдания: *Вы же знаете, что у меня не было времени подготовит нормальную речь.* 30 % респондентов предпочли проигнорировать критику своего начальника. Таким образом, мы выяснили, что ни одна тактика по правильной реакции на критическое высказывание не была применена нашими респондентами, что свидетельствует о неумении испытуемых реагировать на критику.

Переходя к анализу умения менеджеров убеждать, отметим, что, несмотря на то, что в своих анкетах они использовали стратегии и тактики убеждения, 85 % респондентов заявили о факте незнания каких-либо способов убеждения. Для достижения успеха во многих сферах своей жизнедеятельности человек должен уметь убеждать других людей в чем-либо. Особенно это качество должно быть развито у руководителя, поскольку ему постоянно приходится убеждать клиентов, партнеров в сотрудничестве, в необходимости приобретения товаров и услуг, в перспективности своей идеи, чтобы люди поверили ему, пошли к нему, пошли за ним.

При анализе полученных данных, замечено, что наиболее частотными тактиками убеждения являются:

- диагностика, построенная на открытых вопросах с целью выяснения интересов и потребностей убеждаемого: *На сколько вы готовы сделать скидку при продаже пиццерии?, Какой процент прибыли удовлетворил бы вас?;*

- апелляция к выгоде: *Через пару лет вы сможете получить больший процент прибыли, Продав мне пиццерию вы сможете увеличить не только мой доход, но и собственный, Все члены вашей семьи будут иметь большую скидку;*

- демонстрация своей информированности в определенном вопросе, предъявление статистических данных, а также размышления и прогнозы о будущих событиях: *Мы изучили конъюнктуру рынка и наметили план для более полного удовлетворения спроса на наш товар, для более рационального использования всех имеющихся у пиццерии возможностей, Насколько мне известно, ваши конкуренты «Pizzeria da Ivo» собираются открыть свое заведение недалеко от вас. В случае вашего положительного ответа на мое предложение я сумею договориться с владельцем «Pizzeria da Ivo» повременить с открытием или вовсе изменить их желаемое месторасположение.*

- ссылки на авторитет: *Мой финансовый аналитик уже дал мне некоторые рекомендации по планированию и повышению прибыли на следующий год, По результатам исследования....*

Только 15 % респондентов закончили свою речь, используя заключительную часть убеждающей структуры: *Если вы согласны на мои условия, то почему бы не подписать договор уже сегодня?, Вы не пожалеете, если продадите пиццерию мне, Позвольте мне еще раз напомнить, что вы сможете обрести при продаже пиццерии мне.*

Проанализировав полученные данные респондентов, мы пришли к выводу, что все испытуемые знакомы с основными/ключевыми техниками убеждения, поскольку довольно часто сталкиваются с необходимостью убеждать.

Еще одним важным умением руководителя является умение отказывать. Большинство успешных руководителей легко отказываются от невыгодной сделки, проекта. Но, с другой стороны, при менее очевидных сомнениях или при серьезном намерении организации что-то предпринять, руководителям становится труднее отказать и не испытывать при этом чувство вины, сожаления, неуверенности. Неспособность руководителя отказывать в нужный момент может привести к подрыву ценностей, уважения, дисциплины в организации.

Как оказалось, 90 % руководителей не придерживаются какой-либо структуры отказа: *Нет, спасибо. Наша компания не может позволить себе таких трат на двухдневный семинар, К сожалению, сумма вашего гонорара превышает ту сумму, которую мы готовы платить за семинар, Пожалуй, мы воспользуемся вашими услугами позже.*

10 % респондентов использовали некоторые тактики в структуре отказа: благодарность, предложение альтернативы: *Спасибо, что приехали. Ваше предложение показалось нам довольно интересным. Мы готовы будем воспользоваться предложенными услугами, только в случае уменьшения суммы гонорара.*

Также было выяснено, что испытуемые не знакомы со структурой отказа и не используют ее в своей работе.

Подводя итог, отметим, что менеджеры, принявшие участие в исследовании, не владеют в полной мере тактиками конструктивной критики, не умеют спокойно реагировать на критику, не знакомы со структурой правильного отказа, но владеют различными приемами убеждения, поскольку часто используют их в своей профессиональной деятельности.

Были выделены коммуникативные компетенции, которые наши респонденты хотели бы развить. Среди наиболее востребованных оказались: знание конфликтологии, владение коммуникативными стратегиями и тактиками, ораторское искусство, умение организовывать и вести переговоры, умение анализировать внешние сигналы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Морозова, Н. А.* Коммуникации в организации : комплексный подход [Электронный ресурс] // Современные технологии управления. – Режим доступа : <https://sovman.ru/article/0902/>. – Дата доступа : 15.05.2018.
2. *Болотова, А. К.* Социальные коммуникации : учеб. пособие / А. К. Болотова. – М. : Гардарики, 2008. – 279 с.

The article is devoted to the analysis of communicative competence of the managers of Belarusian organizations: levels of communicative competence; key competences and communicative situations to apply them; tactics constructing the communicative landscape.

Поступила в редакцию 26.06.18

Т. А. Козлова

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье на основе лексикографических данных английского и белорусского языков проводится сопоставительный анализ средств выражения моральных качеств: определяется критерий выделения единиц, номинирующих моральные качества, анализируется количественный состав, осуществляется группировка лексем в соответствии с идентифицирующей формулой.

Процесс социализации индивида проходит параллельно с усвоением языка. Вместе с языком усваивается система норм и ценностей, которые являются обязательными и общепринятыми в том обществе, в котором происходит формирования и становления личности. Именно с помощью языка обеспечивается преемственность «универсалий духовной культуры» [1, с. 17].

Язык является «духовной культурой» народа, его «национальной идентичностью», «спрессованным опытом многовековой интроспекции его носителей», поскольку фиксирует и сохраняет лишь те единицы, которые являются наиболее значимыми, то есть те, которые пережили различные эпохи, теории, идеологии [2, с. 14, 109]. То есть в значении слова определенным образом фиксируется понимание внеязыковой действительности, моделируется определенный фрагмент реальности.

Общечеловеческие смыслы культуры изменяются при восприятии окружающего через призму конкретной культуры в соответствии с ее спецификой, системой норм и ценностей, традиций и устоев. Усвоение указанных правил и обычаев происходит благодаря национальному языку, который «фиксирует неповторимый культурно-исторический опыт народа» [3, с. 7–8].

Восприятие окружающей действительности членами определенного общества происходит избирательно и носит оценочный характер [4, с. 116]. С самого начала существования человечества различные народы по-разному проводили ранжирование предметов и явлений.

Такое понимание взаимосвязи языка и культуры позволяет при рассмотрении языкового материала, в частности семантики слов, изучить систему ценностей и антиценностей конкретного народа, так как лексическая система любого языка, наиболее гибкая в отношении изменений, позволяет исследовать картину мира, которая зафиксирована с его помощью, и в «упакованном виде» представляет собой оформленные вербально культурные особенности [1, с. 124]. «Бесценными ключами» к пониманию ценностей и установок социума называет языковые единицы А. Вежбицкая [5, с. 9]. Значение слова представляет собой «интерпретацию мира человеком», поэтому оно не только антропоцентрично, но и этноцентрично, поскольку ориентировано на определенный народ [6, с. 5–6].

Особенность исследования языковых средств выражения моральных качеств заключается в том, что моральные качества нематериальны, поэтому информацию о них нельзя получить на основе наблюдений реальной действительности. Представители различных культур, а соответственно, и языков, не могут одинаково фиксировать информацию в языке в связи с различной иерархией ценностей, существующей в культуре и зафиксированной в этом языке, поэтому можно говорить об уникальности смыслового пространства как культуры, так и языка [3, с. 16]. А поскольку осознание своей принадлежности тому или иному народу является, по мнению Г. С. Воркачева, одной из наиболее важных эмоциональных и мобилизирующих сил, то именно национальная солидарность в большой степени определяет моральные нормы и правила [1, с. 19].

С целью выявления лексических единиц, репрезентирующих категорию «моральные качества» рассматриваемых в языках, были использованы идеографический словарь «Roget's International Thesaurus» (раздел 4 «Morality») [7] для английского языка и тематический словарь «Чалавек» [8] для белорусского языка. В связи с тем, что указанные словари неравнозначны по объему, выравнивание списков лексем, называющих моральные качества в двух языках, происходило за счет включения новых единиц на основе перевода.

В дальнейшем перечень слов, называющих моральные качества в английском и белорусском языках, был дополнен на основании слов-синонимов, использованных в лексикографических описаниях слов, а также метода сплошной выборки [9, с. 64]. Источниками языкового материала в английском языке выступили толковый словарь «Oxford dictionary of English» [10], объем которого оставляет 355 000 слов, и 12-томный толковый словарь «The Oxford English Dictionary» [11]. В белорусском языке дефиниционный анализ осуществлялся на основе материала «Тлумачальнага слоўніка беларускай

мовы» [12] в пяти томах, объем которого составляет 97 000 слов, а также «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» [13], объем которого – более 65 000 слов.

С целью точного выявления необходимых лексем и отличия слов, репрезентирующих категорию *моральные качества*, от слов, называющих другие характеристики человека, обратимся к дефинициям лексических единиц *morality* и *мараль* в лексикографических источниках. В «Oxford dictionary of English» соответствующая лексема представлена следующим образом: «principles concerning the distinction between right and wrong or good and bad behaviour» [10]. Согласно «The Oxford English Dictionary», *morality* – «1) obs. ethical wisdom; knowledge of moral science; 2) moral qualities or endowments... 7) moral conduct; usually, good moral conduct; behaviour conformed to the moral law; moral virtue» [11]. «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» представляет такое значение лексемы *мараль*: «правілы, нормы паводзін людзей у адносінах паміж сабой» [12]. «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы» дает следующее определение указанной единицы: «сукупнасць прынцыпаў і норм паводзін людзей між сабой і ў адносінах да грамадства» [13]. На основе метаописаний данных лексем выделяем метаэлементы, благодаря которым оказывается возможным выявление «идентифицирующей формулы». Под «идентифицирующей формулой», вслед за А. А. Романовской, мы понимаем общую сущностную часть лексикографического описания лексемы, свойственную ряду слов [14, с. 29–31]. Таким образом, приведенные дефиниции позволяют выделить следующие метаэлементы указывающие на:

- 1) систему правил, взглядов (*principles, прынцыпы, правілы, нормы*);
- 2) регулирование поведения человека (*behaviour conformed to the moral law, нормы паводзін людзей*).

На основе указанных элементов идентифицирующая формула звучит следующим образом: «норма, регулирующая поведение людей». Использование этой формулы позволило выделить 481 единицу, номинирующую моральные качества в английском языке: из них 219 лексем обозначают положительные моральные качества, 262 – отрицательные моральные качества. В белорусском языке общее количество слов-репрезентантов данной категории составило 384 единицы: 197 слов называют положительные моральные качества, 187 – отрицательные моральные качества.

Различия в количественном отношении, на наш взгляд, не отражают того факта, что для носителей английского языка категория моральных качеств играет более значимую роль, чем для носителей белорусского языка. Данное расхождение может быть результатом различной лексикографической практики. Ранее нами уже была отмечена разница в объеме толковых словарей. Кроме того, замечено, что в случае отсутствия дефиниции существительного в английском языке словарь фиксирует прилагательное и указывает форму отвлеченного существительного, образованного от дан-

ного прилагательного. В белорусскоязычных толковых словарях наличие прилагательного не дает ответа на вопрос, существует ли в языке соответствующее отвлеченное существительное. Примером могут служить следующие прилагательные, которые в одном из своих значений называют отношение к моральному качеству: *высокагуманны, высокамаральны, міласцівы, бесшабашны, брудны, грэшны, злаязычны, прыцісклівы* и т.п. Данный факт свидетельствует также о том, что разные языки могут называть одну и ту же идею разными способами: с помощью существительного, прилагательного, свободного или устойчивого выражения, описательно. Кроме того, ряд существительных, используемых носителями языка в речи, не отражен в словарях (*амбіцыйнасць, карумпаванасць, падкупнасць, нядобрапрыстойнасць* и т.д.).

Исследуемая категория не является однородной, поэтому на первом этапе все единицы, ее представляющие, были сгруппированы на основе их соотнесения с религиозными добродетелями и смертными грехами, признаваемыми христианством [15; 16]. Такой подход стал возможен в связи с тем, что в странах, где сопоставляемые языки репрезентируют титульную нацию, христианство является доминирующей религией [17; 18], а 10 христианских заповедей – источником происхождения и основного содержания понятий *мораль* и *нравственность* [19, с. 775]. На данном этапе были выделены три объединения слов положительных моральных качеств (*courage, justice, temperance*) и четыре объединения лексем, соответствующие смертным грехам (*greed, obscenity, arrogance, laziness*).

Следующим этапом выделения объединений стала группировка лексем на основе выделения антонимических пар для добродетелей и смертных грехов, так как изначально добродетели и смертные грехи не представляют собой антонимических пар. Результатом данного этапа работы стало выявление пяти новых объединений слов: *industriousness, immodesty, boastfulness, injustice, cowardice*.

Лексемы, не вошедшие ни в одно из указанных выше объединений, были сгруппированы на основе общности лексикографического описания. На этом этапе были выявлены следующие объединения слов, представляющие собой антонимические пары: *goodness – viciousness, kindness – ill-will, honesty – dishonesty, loyalty – disloyalty, courtesy – discourtesy, considerateness – aloofness, reliability – unreliability, responsibility – irresponsibility*.

На заключительном этапе группировка лексем, не вошедших ни в одно указанное выше объединение, позволила выделить следующие группы слов: *mercy, parsimony, patriotism, selfishness, cruelty, masterfulness, illiberality, stubbornness, revengefulness, jealousy, recklessness*.

Количественный состав лексем, называющих положительные моральные качества в английском и белорусском языках, представлен в табл. 1 в порядке от наиболее многочисленной категории в английском языке к наименьшей по численности входящих в нее единиц.

Количественный состав лексем,
репрезентирующих положительные моральные качества
в английском и белорусском языках

Название объединения	Английский язык, ед.	Белорусский язык, ед.
Goodness	40	31
Kindness	32	35
Courage	29	18
Honesty	19	15
Courtesy	19	22
Justice	16	6
Mercy	10	14
Generosity	9	1
Loyalty	8	4
Considerateness	7	5
Reliability	6	3
Modesty	6	5
Fortitude	6	11
Responsibility	5	3
Manageability	4	15
Chastity	4	7
Industriousness	4	5
Altruism	3	8
Temperance	2	2
Parsimony	1	3
Patriotism	1	2
Tolerance	1	6

Приведенная таблица демонстрирует общность в представлении наиболее важных положительных моральных качеств для носителей английского и белорусского языков. Это такие качества, как *высоконравственность, доброжелательность, смелость, честность, вежливость, сострадательность*. Возможным различием в представленности идеи справедливости может быть исторически сложившееся мнение о том, что *правда* и *справедливость* не всегда взаимосвязаны: «правда у нас отлична от правосудия, а закон от совести» [2, с. 36]. Кроме того, на протяжении длительного периода белорусский народ входил в состав других государств, что, с нашей точки зрения, объясняет различие в представленности таких качеств, как *толерантность, уступчивость, настойчивость* и *самоотверженность*.

Аналогичным образом в табл. 2 отражены объединения лексем, называющие отрицательные моральные качества в английском и белорусском языках.

Т а б л и ц а 2

Количественный состав лексем,
репрезентирующих отрицательные моральные качества
в английском и белорусском языках

Название объединения	Английский язык, ед.	Белорусский язык, ед.
Viciousness	38	19
Dishonesty	23	17
Discourtesy	21	19
Obscenity	20	10
Arrogance	19	18
Immodesty	18	11
Greed	17	15
Aloofness	15	11
Selfishness	11	7
Cruelty	11	12
Ill-will	10	13
Disloyalty	10	5
Cowardice	7	6
Stubbornness	7	3
Illiberality	6	1
Laziness	5	2
Injustice	5	3
Unreliability	4	3
Revengefulness	4	1
Masterfulness	3	5
Boastfulness	2	—
Irresponsibility	4	5
Jealousness	2	2
Recklessness	1	1
Spinelessness	1	4
Excessive leniency	—	1

Данная таблица также свидетельствует о сходстве в представлении носителей исследуемых языков о том, что является аморальным в системе ценностей и вызывает порицание со стороны общества. Это такие качества,

как *порочность, нечестность, невежливость, заносчивость, нескромность, жадность, отчужденность, жестокость, недоброжелательность*. Интересно, что различия в представленности таких пороков, как *эгоистичность, неверность* и *нетерпимость* компенсируются противоположной тенденцией, наблюдаемой в количественном составе единиц, называющих положительные моральные качества.

Кроме разницы в количественном составе, важно учитывать взаимосвязь между представленными объединениями слов. Так, в дефинициях лексем в английском языке наблюдается взаимосвязь таких качеств, как *щедрость* и *доброжелательность* (*bounteousness, bountifulness*), *вежливость* и *смелость* (*chivalry, chivalrousness, gentlemalikeness, genlemanliness*). Для лексем белорусского языка характерна связь таких качеств, как *целомудренность* и *честность* (*цнатлівасць, цнота, цнотнасць, чэснасць, сумленнасць*), *доброжелательность* и *душевность* (*душэўнасць, задушэўнасць, шчырасць, сардэчнасць, пранікнёнасць*). И для английского, и для белорусского языков характерна взаимосвязь категорий «доброжелательность» и «вежливость».

Следует отметить, что и в английском, и в белорусском языках есть лексемы, которые в одном из своих значений обозначают положительное качество, а в другом – отрицательное. При этом обращает на себя тот факт, что наличие качества «в норме» считается положительной чертой, а в избытке – отрицательной. К таким лексемам в английском языке следует отнести слова *assiduity, audacity, indifference, indifferency* и слова *стрыманасць, упартасць, важнасць* в белорусском языке. Подобная ситуация наблюдается и в словах *parsimony* и *зацятасць* с той разницей, что отрицательное значение появилось в современных словарях, а изначально данные лексемы не несли отрицательной коннотации. Лексема *sanctimony* интересна тем, что «в норме» также обозначает положительное качество, но неискренность при его проявлении приводит к значению слова с отрицательной коннотацией. Противоположная ситуация характерна для лексем *ліслівасць, мяккасць, памяркоўнасць*, у которых отрицательная коннотация в связи с неискренностью при выражении качества переходит в положительную, так как описываемое качество представляется искренним.

Интересна для рассмотрения пара лексем *pride* – *гонар*: в английском языке изначально слово имеет отрицательную коннотацию, а в белорусском языке, наоборот, положительную. Избыток качества трансформирует значение из положительного в отрицательное в белорусском языке, а меньшая интенсивность отрицательного качества – из отрицательного в положительное в английском языке.

Кроме того, в английском языке положительное качество, называемое лексемой *shamefulness*, отмечается в словарях как устаревшее, а при отрицательном значении такой пометы нет. У лексемы *lowliness*, наоборот, отрицательная коннотация не первого значения отмечена как устаревшая.

В заключение отметим, что различие в географическом положении и климате, в историческом прошлом и существующей экономической и политической ситуации, безусловно, нашли отражение в различии дефиниций

в лексикографических источниках двух языков, однако общность моральных установок, основанных на религиозных взглядах, с одной стороны, говорит об универсальности таких моральных качеств, как *высоконравственность, доброжелательность, смелость, честность, вежливость, сострадательность*, а с другой, неодобрении представителями двух культур таких отрицательных качеств, как *порочность, нечестность, невежливость, заносчивость, нескромность, жадность, отчужденность, жестокость, недоброжелательность*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев, С. Г. Страна своя и чужая : идея патриотизма в лингвокультуре / С. Г. Воркачев. – М. : ИНФРА-М, 2016. – 151 с.
2. Радбиль, Т. Б. Язык и мир : Парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. – 2-е изд. – М. : Изд. дом ЯСК : Яз. слав. культуры, 2017. – 592 с.
3. Чеснокова, Л. В. Концепты немецкой культуры / Л. В. Чеснокова. – Ногинск : Аналитика РОДИС, 2017. – 432 с.
4. Варданян, Л. В. Концепт «душа» в философии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистике / Л. В. Варданян. – Саранск : Мордов. гос. пед. ун-т, 2015. – 129 с.
5. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М. : Яз. слав. культуры, 2001. – 288 с.
6. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Рус. словари, 1996. – 416 с.
7. Roget's International Thesaurus / ed. R. L. Chapman. – N. Y. : Harpercollins, 1992. – 1142 p.
8. Чалавек : тэматычны слоўн. / склад. : В. Дз. Астрэйка [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – 576 с.
9. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2010. – 360 с.
10. Oxford dictionary of English / ed. : C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. – 2088 p.
11. The Oxford English Dictionary : in 12 vol. / ed. : A. N. James, A. I. Murray. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1961. – 12 vol.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / рэдкал.: М. Р. Суднік [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл. імя П. Броўкі, 1977–1984. – 5 т.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : больш за 65 000 слоў / уклад.: І. Л. Капылоў [і інш.] ; пад рэд. І. Л. Капылова. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 968 с.
14. Романовская, А. А. Типологические критерии установления идентифицирующей формулы лексико-семантического поля / А. А. Романовская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2018. – № 3 (94). – С. 28–33.
15. Католическая энциклопедия : в 3 т. / гл. ред. о. Г. Церох. – М. : Изд-во францисканцев, 2002. – Т. 1. – 1010 с.

16. Религия : энцикл. / сост. и общ. ред.: А. А. Грицанов, Г. В. Синоло. – Минск : Книжный дом, 2007. – 960 с.
17. Full story: What does the Census tell us about religion in 2011? [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/articles/fullstorywhatdoesthecensustellusaboutreligionin2011/2013-05-16>. – Date of access : 15.04.2018.
18. Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belarus21.by/Articles/1439296790>. – Дата доступа : 15.04.2018.
19. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. Проект, 2004. – 991 с.

The article covers the problem of defining the category of moral qualities in English and Belarusian, similarities and differences in their language means representation. The study shows that the defined category is based on religious virtues. The lexical units representing the named category are identified by means of establishing the common part of their definitions.

Поступила в редакцию 02.08.18

Е. С. Ляшенко

СИТУАЦИЯ КАЧЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ: МОДЕЛИ, ТИПЫ, ВАРИАНТЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Данная статья сфокусирована на ситуации качественного изменения, в частности на параметрической ситуации и ситуации превращения, рассматриваемых как денотат предложений, описывающих процессы качественных преобразований. Обобщенные модели указанных ситуаций получают графическое представление, которое наглядно фиксирует их предполагаемых участников, отображает ход протекания сложного процесса изменения. В статье разграничиваются подтипы выделенных ситуаций и конкретизируются возможные способы их языкового воплощения в предложении. Установленные варианты вербализации ситуации качественного изменения также изображаются схематично, где особое внимание обращается на соотношение трех уровней предложения: денотативного, сигнификативного, поверхностного.

В лингвистическом смысле понятие ситуации традиционно связывается с такой языковой единицей, как предложение. Предложение, в свою очередь, оценивается как сложная коммуникативная и номинативная единица, анализ которой может проходить на нескольких уровнях; для описания номинативного аспекта обратимся к трем структурам: *денотативной*, *сигнификативной* и *синтаксической* (поверхностной).

Денотативная составляющая содержит информацию о вещах и явлениях внеязыковой действительности, наречение которой, как отмечает Е. С. Кубрякова, может происходить в рамках целых высказываний и предложений [1, с. 39]. При этом предложение, вслед за О. И. Москальской, можно рассматривать «как номинацию особого рода, денотатом которой является не предмет, а целая ситуация, факт» [2, с. 9]. Используя в своих научных

изысканиях понятие *предикатное выражение*, которое организуется сочетанием предикатного и непредикатных знаков, В. В. Богданов указывает, что денотатом предикатного выражения выступает «описываемая им ситуация или факт реальной действительности» [3, с. 9]. Ситуация как «ансамбль» отдельных компонентов объективной действительности принимается в качестве денотата предложения и в теории И. П. Сусова [4, с. 15]. Подобную идею развивает О. Н. Селиверстова, утверждая: поскольку человек способен объективно устанавливать существования объектов, то предложения, вербализующие ту или иную ситуацию («протоситуацию»), могут иметь ее своим денотатом [5, с. 386]. При обозначении участников ситуации (т.е. составляющих денотативной структуры) оперируем следующими понятиями: субъект, объект, инструмент, параметр, исходная форма, результат.

Моделью с и г н и ф и к а т и в н о г о уровня является пропозиция, включающая предикат, ряд номинативных элементов и сирконстантов как атрибутов (характеристик) процесса. Представление пропозиции в виде структуры, образованной предикатом и присоединяемыми им номинативными элементами, описываемыми в терминах агентива, патиентива, инструментива, фактитива и т.п., восходит к падежной грамматике Ч. Филлмора и семантико-синтаксической теории У. Л. Чейфа. Подробная дескрипция данного явления предложена в концепциях С. Д. Кацнельсона, В. В. Богданова, Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Д. Г. Богушевича и других исследователей. Детальному анализу пропозиция также подвергается и в теориях зарубежных ученых, в частности когнитивистов и психолингвистов, которые расширяют исходное понимание пропозиции как логической структуры и рассматривают ее как базовую единицу семантики и языка в целом, служащую для репрезентации значения и обработки мысли [6; 7].

С и н т а к с и ч е с к а я структура, которая традиционно описывается в терминах функциональных единиц (подлежащего, сказуемого, дополнения и т.д.), хотя и восходит к субъектно-предикатной структуре мысли (суждения), в данной триаде уровней рассматривается как «поверхностная», в том смысле, что именно она «дана непосредственно в ощущениях», т.е. в различных формах слов, выполняющих определенные синтаксические функции, а в английском языке еще и занимающие те или иные позиции в строении предложения.

В данной статье представлены результаты изучения денотативного уровня предложений с предикатами качественного изменения, которые заключаются в формальной экспликации обобщенных моделей описания ситуации качественного изменения, определении разновидностей ее структуры, выявлении возможных вариантов языковой репрезентации составляющих ситуации в поверхностной структуре предложения.

Процессы качественного изменения объектов протекают с разной степенью интенсивности. С одной стороны, они приводят к изменению отдельного качественного параметра при сохранении тождества самому себе. С другой стороны, они могут вызвать изменение совокупности существенных свойств объекта, в результате которого он приобретает радикально

новый статус. Исходя из этого, можно выделить два отдельных типа ситуации качественного изменения: параметрическую ситуацию и ситуацию превращения. В наиболее полном варианте их обобщенные модели имеют следующие структуры. В развернутой ситуации параметрического изменения денотативный субъект с помощью инструмента (орудия, средства или органа) намеренно оказывает воздействие на денотативный объект (живое существо, предмет или явление), вследствие чего происходит частичное преобразование объекта, т.е. изменение какого-то его качественного параметра (признака, свойства, характеристики). Развернутая ситуация превращения состоит в том, что денотативный субъект с помощью инструмента намеренно оказывает воздействие на денотативный объект, в итоге происходит преобразование исходной формы в принципиально иную сущность (результат). Обобщенные модели описания параметрической ситуации и ситуации превращения представлены графически на рис. 1, 2.

Так, первая модель наглядно демонстрирует, что в процессе изменения субъект воздействует на объект посредством/при помощи инструмента, которое приводит к определенному результату. При этом изменению подвергается какой-то конкретный параметр объекта. Логический ход развития события, направленность отмечаются символом «→».

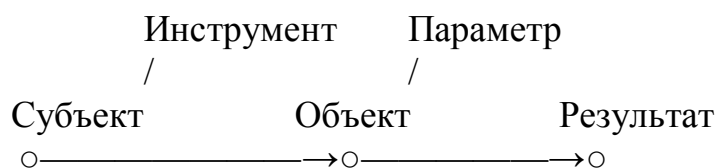


Рис. 1. Модель описания параметрической ситуации

Примером языкового воплощения параметрической ситуации служит предложение (1), где отображается модификационное изменение объекта *hair* по параметру 'форма', осуществляемое субъектом *he* с помощью инструмента *gel*.

(1) *He flattened his hair down with gel* [OALD] 'Он разгладил волосы гелем'¹.

Во второй модели отражено, что в процессе превращения объект из своей исходной формы существования переходит в конечную, т. е. результат.

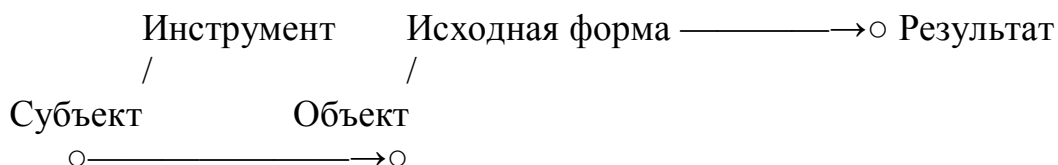


Рис. 2. Модель описания ситуации превращения

В качестве примера рассмотрим предложение (2). Оно описывает полное преобразование исходного объекта и является примером эксплицитного

¹ Здесь и далее в статье перевод предложений с английского языка на русский наш. – Е. Л.

представления в предложении всех возможных составляющих ситуации превращения. Так, субъект *the fairy godmother* посредством *a wave of her magic wand* воздействует на объект *it* и превращает его из *the pumpkin* – исходная форма в *a coach* – результат.

(2) *With a wave of her magic wand, the fairy godmother turned it from the pumpkin into a coach* ‘Взмахом волшебной палочки фея превратила ее из тыквы в карету’.

Отметим, что в реальных языковых употреблениях редко проявляется такая полная экспликация всех участников ситуации качественного изменения. Во многом это связано с существованием каузируемых и некаузируемых процессов, или, в терминологии Е. В. Падучевой, «агентивных действий и неагентивных процессов» [8, с. 8]. Учет этого позволяет выделить в ситуации качественного изменения объекта (будь то параметрическое изменение или превращение) три различных подтипа.

Первый подтип – ситуация качественного изменения объекта под целенаправленным и контролируемым воздействием субъекта-деятеля. Например:

(3) *The aerobics instructor varies the routine each week* [OALD] ‘Инструктор по фитнесу меняет программу каждую неделю’.

Второй подтип – ситуация качественного изменения объекта под воздействием субъекта-силы или субъекта-каузатора (причины). Пример:

(4) *A sudden shower of rain soaked the spectators* [OALD] ‘Внезапный ливень промочил зрителей’.

Третий подтип – ситуация параметрического изменения или превращения без видимого осознаваемого непосредственного воздействия субъекта, контролирующего процесс изменения. Иными словами, речь идет о самопроизвольном изменении, где первым участником (актантом) является любой объект или явление, способное изменяться «само по себе» в силу определенных внешних обстоятельств или собственных внутренних свойств, а не в результате действия чьей-либо воли. Например:

(5) *Blood began to coagulate around the edges of the wound* [OALD] ‘Кровь стала сворачиваться по краям раны’.

Частным случаем последнего подтипа является ситуация самокаузации, в которой причиной изменения служит диалектическое внутреннее противоречие или сознательное волеизъявление субъекта, т.е. источником и предметом воздействия является сам деятель. На денотативном уровне данная особенность проявляется в синкретизме двух участников ситуации: субъекта и объекта.

Последующий этап изучения особенностей отражения ситуации качественного изменения в английском языке связан с установлением возможных вариантов языковой репрезентации данной ситуации в предложении. В этой связи отдельного внимания заслуживает вопрос о форме выражения денотативного субъекта изменения в предложении. Результаты анализа предложений с предикатами качественного изменения продемонстрировали, что данный участник может получать эксплицитную и имплицитную представленность в поверхностной структуре предложения.

Эксплицитный денотативный субъект выполняет функцию подлежащего и выражается лексическими единицами, именующими такие разряды субстанций, как антропонимы, зоонимы, природные явления, стихийные бедствия или катастрофы, формы энергии, а также события или конкретные предметы, которые могут послужить причиной качественного изменения первоначального объекта. Субъект изменения объективируется в предложении при языковом воплощении участников параметрической ситуации и ситуации превращения «от деятеля/источника/каузатора к объекту изменения (в его исходной форме) или его параметру при помощи инструмента/средства и далее к результату» при активном предикате. В данном случае речь идет о языковой репрезентации первых двух подтипов, а именно, ситуации, в которой изменение происходит под воздействием субъекта-деятеля, и ситуации, в которой изменение происходит под воздействием субъекта-силы/каузатора. Подобные ситуации находят свою вербализацию в предложениях, где актуализируются значения акциональности и каузативности соответственно. Для таких употреблений характерно прямое соотношение участников ситуации, номинативных элементов пропозиции и синтаксических функций: ситуативный субъект (S) выступает в роли агента (Ag) в пропозиции и в функции подлежащего (Подл.) в поверхностной структуре; объект (O)/параметр (Par) – в роли патиентива (P) и синтаксической функции прямого дополнения (Пр. доп.); исходная форма (In F) – в роли пред-фактитива (Ante-F) и функции предложного дополнения (Предл. доп.); инструмент (I) – в роли инструментатива (Ins) и функции предложного дополнения; результат (R) – в роли фактитива (F) и функции предложного дополнения. Соотношение трех уровней предложения представлено на рис. 3 и 4.

Sit. = S	[V]	O Par	(I)	R
Prp. = Ag	[Pr-te]	P	(Ins)	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	Пр. доп.	(Предл. доп.)	Предл. доп.

Рис. 3. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с эксплицитным субъектом в первой позиции при воплощении параметрической ситуации

Sit. = S	[V]	O	In F	(I)	R
Prp. = Ag	[Pr-te]	P	Ante-F	(Ins)	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	Пр. доп.	Предл. доп.	(Предл. доп.)	Предл. доп.

Рис. 4. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с эксплицитным субъектом в первой позиции при воплощении ситуации превращения

Примером прямой корреляции различных уровней служит предложение (6), в котором денотативный **субъект** *a generator*, являющийся источником

энергии (силой), выступает агентивом в пропозициональной структуре и подлежащим в поверхностной; **объект изменения** *the shaft power* соотносится с патиентивом в пропозиции и прямым дополнением в синтаксисе; **результат** *electrical power* является фактитивом на пропозициональном уровне и предложным дополнением в поверхностной структуре предложения.

(6) <...> *and a generator converts the shaft power into electrical power* [ME, “Windmill”] ‘<...>, а генератор превращает мощность, передаваемую валом, в электрическую энергию’.

Вместе с тем, как отмечалось ранее и подтверждается примером (6), некоторые участники, спроецированные валентностью глагола, могут вообще не актуализироваться в предложении.

Кроме того, данные результата семантико-синтаксического анализа языкового материала показали, что ситуативный источник изменения может также вербализовываться в предложных словосочетаниях как, например, в предложениях (7) и (8).

(7) *Both ADP and AMP can be reconverted to ATP by plants, through photosynthesis, or by animals, through chemical energy* [ME, “Metabolism”] ‘И АДФ, и АМФ могут быть преобразованы в АТФ растениями в ходе фотосинтеза или животными посредством химической энергии’.

(8) *At even higher temperatures and pressures, shale and siltstone completely recrystallize, forming schist or gneiss...* [ME, “Metamorphic Rock”] ‘При еще более высоких температурах и давлениях глинистый сланец и алевролит полностью перекристаллизуются, образуя аспидный сланец или гнейс...’.

В случае (7) описывается ситуация преобразования нуклеотидов *ADP* и *AMP* в химическое соединение *ATP*. Данный процесс осуществляется вербализуемыми с помощью предложных сочетаний субъектами *by plants* или *by animals*. В случае (8) денотативный каузатор отражается в предложном сочетании *at even higher temperatures and pressures*, которое является сирконстантом в пропозиции и обстоятельством в синтаксисе. Что касается денотативного объекта изменения, то он находится в первой актантной позиции, традиционно и логически закрепленной за субъектом-агентивом, вытеснив непосредственного субъекта-каузатора из состава номинативных элементов. Схематично описанный вариант отражения ситуации в предложении можно представить следующим образом (рис. 5).

Sit. = S	[V]	O Par	(In F)	R
Prp. = Ag	[Pr-te]	—	(Ante-F)	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	—	(Предл. доп.)	Предл. доп.

Рис. 5. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с субъектом, вербализованном в предложном сочетании

Что касается *имплицитного субъекта*, то для него характерна «нулевая» представленность в предложении. Однако отсутствие видимой эксплицитной

формы выражения в предложении не отрицает наличия во внеязыковой ситуации, по крайней мере, неких каузирующих обстоятельств/сил (причины), побуждающих исходный объект к изменению. Так, анализ эмпирического материала показал, что вытеснение непосредственного субъекта-деятеля или каузатора из номинативных составляющих наблюдается в предложениях с пассивным предикатом. При этом эксплицированный в поверхностной структуре предложения объект-пациентив помещается в первую агентивную позицию. Это приводит к отсутствию конгруэнтности различных уровней предложения (рис. 6, 7).

Sit. = S	[V]	O Par	I	R
Prp. = Ag (O)	[Pr-te]	–	Ins	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	–	Предл. доп.	Предл. доп.

Рис. 6. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с конкретным имплицитным субъектом при воплощении параметрической ситуации

Sit. = S	[V]	O	In F	I	R
Prp. = Ag (O)	[Pr-te]	–	Ante-F	Ins	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	–	Предл. доп.	Предл. доп.	Предл. доп.

Рис. 7. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с конкретным имплицитным субъектом при воплощении ситуации превращения

Подобные модели можно проиллюстрировать предложениями (9), (10).

(9) *He knew them, though their faces **were much changed*** [B, p. 624]
 ‘Он узнал их, хотя их лица были сильно изменены’.

(10) *The molten metal from several blast furnaces **may be mixed** in a large mixer vessel before it is converted to steel* [ME, “Iron and steel manufacture”]
 ‘Расплавленный металл из нескольких доменных печей может быть смешан в большом сосуде-смесителе перед тем, как он превращается в сталь’.

В случае (9) языковую репрезентацию получает ситуация параметрического изменения объекта *faces*, претерпевающего изменение под воздействием конкретного субъекта, на что указывает форма страдательного залога. Однако он не получил эксплицитного представления в предложении. В случае (10) описывается ситуация превращения объекта *it* <*the molten metal*> в *steel*.

Особое внимание стоит обратить на предложения, в которых используется словосочетание *get done*, выражающее незапланированную каузацию. В этих предложениях субъект изменения (каузатор) не вербализуется в поверхностной структуре; эксплицитное представление получают только объект изменения (каузации) и его новое состояние. При этом форма причастия II указывает на изменение состояния ситуативного объекта как следствие некоторого непреднамеренного неконтролируемого воздействия.

Например:

(11) *She stepped on a rusty nail and got infected* [Н, р. 274] ‘Она наступила на ржавый гвоздь и занесла инфекцию’.

Имплицитный обобщенно-неопределенный субъект характерен для ситуации самопроизвольного изменения, при репрезентации которой в предложении актуализируется значение процессуальности. Компонентная и позиционная представленность составляющих данной ситуации в предложении отражена на рис. 8, 9.

Sit. = S	[V]	O Par	R
Prp. = Ag (O)	[Pr-te]	–	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	–	Предл. доп.

Рис. 8. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с имплицитным обобщенно-неопределенным субъектом при воплощении параметрической ситуации

Sit. = S	[V]	O Par	I	R
Prp. = Ag (O)	[Pr-te]	–	Ante-F	F
Syn. = Подл.	[Сказ.]	–	Предл. доп.	Предл. доп.

Рис. 9. Вариант взаимодействия ситуационной, пропозициональной и синтаксической структур с имплицитным обобщенно-неопределенным субъектом при воплощении ситуации превращения

Такого рода изменения, прежде всего, касаются непроизвольной деятельности человека (дыхания, кровообращения и т.д.); различных проявлений природы; биологической эволюции, т.е. естественного процесса развития и превращения форм живых организмов. Например:

(12) *These gill-breathing tadpoles commonly metamorphose, that is, their bodies change and they grow into air-breathing adults* [ME, “Amphibian”] ‘Эти жабродышащие головастики обычно подвергаются метаморфозу, то есть их тела изменяются, и они превращаются во взрослых земноводных, дышащих легкими’.

В данном предложении объект изменения *gill-breathing tadpoles* ‘жабродышащие головастики’ в процессе эволюции превращаются во взрослых земноводных, дышащих легкими. Кроме того, на непроизвольный характер протекания схожих процессов также могут указывать эксплицированные в предложении сирконстанты со значением случайности, ненамеренности как, например, *suddenly* в примере (18).

(13) *The sweat on his face had suddenly turned to prickles of icy water.* [В, р. 226] ‘На его лице выступил холодный пот’ (дословно: ‘Пот на его лице вдруг превратился в иголки льда’).

Таким образом, обобщенные модели описания ситуаций параметрического изменения и превращения отображают структуру ситуации качественного изменения, которая включает субъект, объект, инструмент

и результат, а также параметр или исходную форму в зависимости от своей разновидности. В результате последующей дифференциации данных ситуаций в каждой из них было выделено три подтипа, а именно, ситуация под воздействием субъекта-деяателя, ситуация под воздействием субъекта-силы/каузатора, ситуация самопроизвольного изменения, к частному случаю которой относится ситуация самокаузации. Дальнейшее изучение вариантов вербализации выявленных типов ситуации качественного изменения в предложении позволило установить специфику ее языковой репрезентации в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова, Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : URSS : ЛКИ, 2008. – 156 с.
2. *Москальская, О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) : учеб. пособие / О. И. Москальская. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1981. – 175 с.
3. *Богданов, В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10. 02.19. / В. В. Богданов ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л., 1977. – 31 с.
4. *Сусов, И. П.* Семантическая структура предложения : на материале простого предложения в современном немецком языке / И. П. Сусов ; отв. ред. М. В. Раевский. – Тула : Тул. гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого, 1973. – 141 с.
5. *Селиверстова, О. Н.* Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 960 с.
6. *Kintsch, W.* Cognition and representation / W. Kintsch // *Comprehension: A paradigm for cognition* / W. Kintsch. – N. Y. : Cambridge Univ. Press, 1998. – Ch. 2. – P. 13–48.
7. *Perfetti, C. A.* Where do propositions come from? / C. A. Perfetti, M. A. Britt // *Discourse Comprehension: Essays in Honor of Walter Kintsch* / ed. by C. A. Weaver, III [et al]. – Hillsdale (NJ) : Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 1995. – P. 11–34.
8. *Падучева, Е. В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову – Вендлеру / Е. В. Падучева // *Вопросы языкознания*. – 2009. – № 6. – С. 3–20.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

В – *Barker, Cl.* The Great and Secret Show / Cl. Barker. – N. Y. : Harper Perennial, 1999. – 658 p.

Н – *Hiaasen, C.* Stormy Weather / C. Hiaasen. – N. Y. : Warner Books, 2001. – 400 p.

ME – Microsoft Encarta // Encyclopedia Standard Edition [Электронный ресурс]. – 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary [Electronic resource] / ed. J. Turnbull. – 8th ed. – Oxford Univ. Press, 2011. – Mode of access : <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/dictionary/change>. – Date of access : 30. 04. 2018.

The article is focused on the situation of qualitative change, considered as the denotation of the corresponding sentences. It distinguishes subtypes of the situation of qualitative change and describes possible ways of their linguistic embodiment in the sentence. The selected variants of the verbalization of the given situation are also presented schematically, where special attention is paid to the ratio of the three levels of the sentence: situational, propositional, surface.

Поступила в редакцию 04.07.18

В. В. Рингевич

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты анализа вербально-семантического уровня языковых личностей Анны Карениной в одноименном романе Л. Н. Толстого и Китти Гарстин в романе У. С. Моэма «Разрисованная вуаль». Для выявления и сопоставления особенностей отражения языковой личности в русском и английском языках рассматривается индивидуальный лексикон главных героинь произведений. Сопоставление полученных результатов позволяет установить, что динамика распределения единиц лексикона по лексико-семантическим группам в речи Анны Карениной и Китти Гарстин совпадает. Таким образом, язык коммуникации не влияет на особенности отражения русскоговорящей и англоговорящей языковых личностей, так как в речевом поведении литературных героинь обнаружены схожие черты.

Антропоцентрическое направление лингвистических исследований обусловило актуальность изучения особенностей отражения языковой личности в разных типах дискурса. Это объясняется тем, что в последнее время интерес лингвистов все больше охватывает характеристики, связанные с социокультурным контекстом и языковой личностью. У Ю. С. Степанова находим: «Новая парадигма <...> поставила в центр внимания координату “Я”, рассматривая ее как необходимую основу для всего остального. На координате “Я” зиждется анализ более общего и столь же важного для этой парадигмы понятия субъекта» [1, с. 217]. Отметим, что язык в исследованиях такого характера рассматривается как неотъемлемый компонент индивидуальности.

В данном исследовании вслед за Ю. Н. Карауловым под языковой личностью будем понимать личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную в основных своих чертах на базе языковых средств [2, с. 38].

Очевидно, что анализ языковой личности не может быть осуществлен без учета дискурсивных условий. В данной статье языковые личности

литературных героинь рассматриваются в литературном дискурсе, под которым понимается стратегический процесс порождения художественного текста и, как результат, сам художественный текст со всей его многомерностью, которая саморазвертывается в процессе взаимодействия текста и читателя.

Ученый Ю. Н. Караулов предлагает рассматривать языковую личность по трехуровневой модели, включающей вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни [2, с. 48–57].

В данной статье представлены результаты анализа вербально-семантического уровня языковых личностей Анны Карениной в одноименном романе Л. Н. Толстого и Китти Гарстин в романе У. С. Моэма «Разрисованная вуаль».

Классификация выборки основана на подходе, предложенном авторами «Русского семантического словаря», согласно которому весь словарный состав членится на четыре основных макрокласса. При анализе учитывались первые два: слова указующие и слова именующие, или слова, «за лексическими значениями которых стоит понятие о предмете, признаке, состоянии или процессе» [3, с. 7]. За пределами классификации остались слова «собственно-связующие» и ряд онимов – имен собственных персонажей романа.

Рассмотрим подробнее особенности индивидуального лексикона главных героинь романов.

В субъектной дискурсной сфере «Анна Каренина» были выделены 57 дискурсных объектов, в которых героиня не обращается к какому-либо адресату (внутренний дискурс), 9 дискурсных фрагментов представлены в письменном формате (записки, письма), остальные фрагменты относятся к прямым высказываниям героини (ее внешний дискурс).

Индивидуальный лексикон героини составлен на основе сплошной выборки в пределах дискурсных фрагментов – ситуаций и включает в себя 1 333 позиции. Общее количество единиц словаря Анны Карениной позволяет отнести ее, согласно экспериментальным наблюдениям Ю. Н. Караулова, к «средней языковой личности», которая «для активного повседневного общения использует около 2 тысяч слов», которые способствуют «пониманию всего богатства русского языка, а значит, взаимодействию ее индивидуальной сети с любой другой индивидуальной сетью» [2, с. 247].

Индивидуальный лексикон Анны Карениной представлен следующими макроклассами: слова указующие (местоимения), слова именующие (имена существительные), слова, именующие признак процессуальный (глаголы), слова, именующие признак не процессуальный (прилагательные), и слова, именующие признак не процессуальный (наречия, предикативы). Рассмотрим подробнее данные макроклассы и входящие в них лексико-семантические группы (ЛСГ).

1. *Слова указующие (местоимения)*. Данный макрокласс представлен 51 позицией и включает в себя 2 ЛСГ:

- а) «Указание на предмет» – 26 позиций;
- б) «Указание на не процессуальный признак» – 25 позиций.

2. *Слова именующие (имена существительные)*. Данный макрокласс представлен 480 позициями и включает в себя 5 ЛСГ:

- а) «Конкретный предмет: все живое» – 95 позиций;
- б) «Конкретный предмет: вещи» – 95 позиций;
- в) «Природные явления, стихии» – 5 позиций;
- г) «Географические объекты» – 9 позиций;
- д) «Отвлеченные понятия: явления, ситуации, события» – 276 позиций.

Заметим, что ЛСГ «Слова, именующие отвлеченное понятие: явление, ситуацию, событие» представлена отличительно широкой классификацией и включает в себя 13 микроклассов.

3. *Слова, именующие признак процессуальный (глаголы).* Данный макрокласс представлен 426 позициями и включает в себя 3 ЛСГ:

- а) «Действие и деятельность» – 243 позиции;
- б) «Бытие, состояние, качество» – 108 позиций;
- в) «Отношение» – 75 позиций.

Стоит отметить, что ЛСГ «Действие и деятельность» представлена также отличительно широкой классификацией и включает в себя 9 подгрупп, которые в свою очередь делятся на конкретизирующие микроклассы. Например, подгруппа «физическое воздействие на объект» представлена 15 конкретизирующими микроклассами, а «Интеллектуальная деятельность» – 10 конкретизирующими микроклассами.

4. *Слова, именующие признак непроцессуальный (прилагательные).* Данный макрокласс представлен 226 позициями и включает в себя 8 ЛСГ:

- а) «Характеристика человека» – 107 позиций;
- б) «Свойства предмета» – 16 позиций;
- в) «Параметры предмета (цвет, температура, вкус, форма, размер, объем, протяженность и др.)» – 24 позиции;
- г) «Положительная оценка» – 13 позиций;
- д) «Отрицательная оценка» – 14 позиций;
- е) «Утилитарная оценка» – 17 позиций;
- ж) «Оценка временных промежутков» – 17 позиций;
- з) «Отношение» – 18 позиций.

Отметим, что ЛСГ «Характеристика человека» является самой обширной и включает в себя 6 конкретизирующих подгрупп.

5. *Слова, именующие признак непроцессуальный (наречия, предикативы).* Данный макрокласс представлен 150 позициями и включает в себя 10 ЛСГ:

- а) «Образ действия» – 16 позиций;
- б) «Время» – 36 позиций;
- в) «Место» – 24 позиции;
- г) «Мера и степень» – 17 позиций;
- д) «Совокупность» – 4 позиции;
- е) «Качество» – 39 позиций;
- ж) «Причина» – 7 позиций;
- з) «Цель» – 1 позиция;
- и) «Мнение» – 1 позиция;

к) «Модальность» – 5 позиций.

Анализ первого, вербально-семантического, уровня языковой личности Анны Карениной на материале одноименного романа Л. Н. Толстого показал, что в лексиконе героини по позициям преобладают имена существительные и глаголы, со значительным перевесом последних по количеству употреблений (480 позиций существительных с общим количеством употребления 1 297 и 426 позиций глаголов с общим количеством употребления 2 433). При этом глаголы уступают местоимениям по общему количеству использований, несмотря на относительно невысокое количество позиций – 51 позиция местоимений с общим количеством употребления 2 842). Полученные данные не являются специфическим признаком индивидуального лексикона героини, так как выступают языковой универсалией [4, с. 305].

В субъектной дискурсной сфере «Китти Гарстин» был выделен 1 дискурсный фрагмент, представленный в письменном формате (записки, письма), остальные фрагменты относятся к прямым высказываниям героини (внешний дискурс). Такое представление дискурсной сферы «Китти Гарстин» существенно отличается от дискурсной сферы «Анна Каренина», которая включает 57 дискурсных объектов, представленных внутренним дискурсом, 9 – записками и письмами.

Индивидуальный лексикон героини составлен на основе сплошной выборки в пределах дискурсных фрагментов – ситуаций и включает в себя 661 позицию с общим количеством употребления 4 967.

Рассмотрим более подробно распределение позиций индивидуального лексикона Китти Гарстин по макроклассам и входящим в них лексико-семантическим группам.

1. *Слова указующие (местоимения)*. Данный макрокласс представлен 39 позициями и включает в себя 2 ЛСГ:

- а) «Указание на предмет» – 22 позиции;
- б) «Указание на непроцессуальный признак» – 17 позиций.

Данный макрокласс представлен теми же ЛСГ, что и в лексиконе Анны Карениной. Однако стоит отметить, что ЛСГ «Слова, указывающие на непроцессуальный признак» в дискурсной сфере Китти Гарстин представлена только одним микроклассом «Слова, указывающие на признак качественный или относительный».

2. *Слова именующие (имена существительные)*. Данный макрокласс представлен 229 позициями и включает в себя 5 ЛСГ:

- а) «Конкретный предмет: все живое» – 42 позиции;
- б) «Конкретный предмет: вещи» – 27 позиций;
- в) «Природные явления, стихии» – 4 позиции;
- г) «Географические объекты» – 6 позиций;
- д) «Отвлеченные понятия: явления, ситуации, события» – 150 позиций.

ЛСГ «Слова, именующие отвлеченное понятие: явление, ситуацию, событие» представлена наиболее широкой классификацией, однако в нее вошли 12 подгрупп из 13, представленных в речи Анны Карениной.

3. *Слова, именующие признак процессуальный (глаголы)*. Данный макроклас представлен 188 позициями и включает в себя 3 ЛСГ:

- а) «Действие и деятельность» – 102 позиции;
- б) «Бытие, состояние, качество» – 52 позиции;
- в) «Отношение» – 34 позиции.

Отметим, что лексико-семантическая группа «Действие и деятельность» представлена также отличительно широкой классификацией и включает в себя 8 подгрупп из 9, представленных в лексиконе Анны Карениной, которые в свою очередь делятся на конкретизирующие микроклассы. Например, подгруппа «интеллектуальная деятельность» представлена 8 конкретизирующими микроклассами. ЛСГ «Бытие, состояние, качество» представлена 7 подгруппами, что на 1 подгруппу больше, чем в лексиконе Анны Карениной. ЛСГ «Отношение» представлена теми же подгруппами, что и в речи Анны Карениной, однако с небольшими отличиями в количестве конкретизирующих микроклассов.

4. *Слова, именующие признак непроцессуальный (прилагательные)*. Данный макроклас представлен 133 позициями и включает в себя 7 ЛСГ:

- а) «Характеристика человека» – 76 позиций;
- б) «Мера и степень» – 4 позиции;
- в) «Параметры предмета (цвет, температура, вкус, форма, размер, объем, протяженность и т.д.)» – 12 позиций;
- г) «Положительная оценка» – 10 позиций;
- д) «Отрицательная оценка» – 10 позиций;
- е) «Утилитарная оценка» – 18 позиций;
- ж) «Оценка временных промежутков» – 3 позиции.

Данный макроклас представлен 7 ЛСГ из 9, отмеченных в речи Анны Карениной. Не нашли своего отражения такие ЛСГ, как «Оценка свойств предмета» и «Относительные прилагательные».

5. *Слова, именующие признак непроцессуальный (наречия, предикативы)*. Данный макроклас представлен 72 позициями и включает в себя 8 ЛСГ:

- а) «Образ действия» – 13 позиций;
- б) «Время» – 19 позиций;
- в) «Место» – 5 позиций;
- г) «Мера и степень» – 16 позиций;
- д) «Качество» – 9 позиций;
- е) «Причина» – 1 позиция;
- ж) «Мнение» – 3 позиции;
- з) «Модальность» – 6 позиций.

Данный макроклас представлен 8 ЛСГ из 10, отмеченных в речи Анны Карениной. В дискурсной сфере «Китти Гарстин» не нашли своего отражения ЛСГ «Цель» и «Совокупность».

Анализ первого, вербально-семантического, уровня языковой личности Китти Гарстин на материале романа У. С. Моэма «Разрисованная вуаль» показал, что в лексиконе героини над всеми макроклассами по позициям преобладают слова именующие (229) с общим количеством употребления 579. Однако по общему количеству использования они значительно уступают глаголам (188 позиций с общим количеством употребления 1 543) и словам указующим (39 позиций с общим употреблением 2 007). Также отметим приоритет прилагательных над наречиями по количеству позиций (ср. прилагательные – 133 позиции и наречия – 72 позиции) и значительное преобладание вторых над первыми по общему количеству употребления (ср. наречия – 532 и прилагательные – 316).

В таблице представлены числовые данные, которые отражают количество позиций и употреблений выделенных макроклассов в индивидуальном лексиконе Анны Карениной в одноименном романе Л. Н. Толстого и Китти Гарстин в романе У. С. Моэма «Разрисованная вуаль».

Т а б л и ц а

Индивидуальный лексикон Анны Карениной и Китти Гарстин
в литературном дискурсе

Макрокласс	Количество позиций / общее количество употреблений	
	Анна Каренина	Китти Гарстин
Слова указующие (местоимения)	51 / 2 842	39 / 2007
Слова, именующие предмет (существительные)	480 / 1 297	229 / 579
Слова, именующие признак процессуальный (глаголы)	426 / 2 433	188 / 1 543
Слова, именующие признак непроцессуальный (прилагательные)	226 / 612	133 / 306
Слова, именующие признак непроцессуальный (наречия, предикативы)	150 / 1 245	72 / 532
Всего	1 333 / 8 429	661 / 4 967

Сравнительный анализ количественных данных показал, что в лексиконе Китти Гарстин так же, как и в лексиконе Анны Карениной, над всеми макроклассами по позициям преобладают имена существительные (ср.: Анна Каренина – 480 позиций, Китти Гарстин – 229 позиций), однако по общему количеству употребления они значительно уступают глаголам (ср.: Анна Каренина – 2 433 употребления, Китти Гарстин – 1 543 употребления) и словам указующим (ср. Анна Каренина – 2 842 употребления, Китти Гарстин – 2007 употреблений). Также стоит отметить преобладание прилагательных над наречиями по количеству позиций в лексиконе обеих героинь (ср.: Анна Каренина – 226 позиций прилагательных и 150 позиций

наречий, Китти Гарстин – 133 позиции прилагательных и 72 позиции наречий) и существенное преобладание наречий над прилагательными по общему количеству использования (ср.: Анна Каренина – 612 употреблений прилагательных и 1 245 употреблений наречий, Китти Гарстин – 306 употреблений прилагательных и 532 употребления наречий).

Таким образом, на данном этапе исследования можно смело утверждать, что динамика распределения единиц лексикона по макроклассам – частям речи – в русскоязычном литературном дискурсе абсолютно совпадает с динамикой распределения слов по макроклассам в англоязычном литературном дискурсе, несмотря на существенные различия в объеме произведений (ср.: Л. Н. Толстой «Анна Каренина» – 800 с. и У. С. Моэм «Разрисованная вуаль» – 258 с.) и количестве позиций в индивидуальном лексиконе героинь (ср.: Анна Каренина – 1 333 позиции с общим количеством употребления 8 429 и Китти Гарстин – 661 позиция с общим количеством употребления 4 967). Из этого следует, что, несмотря на язык коммуникации и объем произведений, полученные выводы позволяют говорить о существовании обобщенного понятия «женская языковая личность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов ; отв. ред. В. П. Нерознак. – 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 336 с.
2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова Рос. Акад. наук, 2002. – Т. 1 : Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / Н. Ю. Шведова [и др.]. – 2002. – 807 с.
4. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 780 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – М. : Эксмо-Пресс, 2006. – 800 с.
2. Maugham, W. S. Painted veil / W. S. Maugham. – London : Allen, 2004. – 258 p.

The article presents the results of the analysis of the verbal-semantic level of the language personalities of Anna Karenina in the eponymously-named novel by L. N. Tolstoy and of Kitty Garstin in the novel “The Painted Veil” by W. S. Maugham. The individual vocabulary of the main characters is studied to identify and compare the peculiarities of reflection of the language personalities in Russian and English languages.

Поступила в редакцию 21.05.18

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ДЕТЕНЫШЕЙ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантической группы наименований детенышей животных в современных английском и белорусском языках. Специфика состава и организации исследуемой семантической категории в сопоставляемых языках обусловлена не столько экстралингвистическими причинами, такими как значимость тех или иных животных в хозяйственно-бытовой деятельности изучаемых языковых сообществ, сколько структурно-типологическими особенностями данных языков и спецификой средств лингвистической репрезентации анализируемой категории.

Изучение семантических отношений и принципов организации словарного состава языка является одним из актуальных и активно разрабатываемых вопросов в трудах как зарубежных, так и отечественных лингвистов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Обращение к этой проблематике в русле сравнительно-сопоставительного анализа предоставляет возможность выявления, с одной стороны, специфики организации лексической системы разных языков, с другой – установления реестра универсальных типов структур и отношений, которые лежат в основе организации семантической информации в ментальном лексиконе.

В настоящей работе мы обратились к исследованию лексико-семантической группы (ЛСГ) наименований животных, фиксирующих признак ‘возраст’ в своей семантике, с целью выявления способов, с помощью которых на фоне разноструктурных английского и белорусского языков манифестируется разграничение наименований взрослых особей животных и их детенышей. Основная исследовательская задача этой работы заключается в определении релевантности данной семантической категории для различных классов зверей и птиц, а также в выявлении структурных и семантических особенностей конstituентов анализируемой ЛСГ.

Обращение к изучению очерченной лексико-семантической категории не является случайным. Естественная дифференциация живых существ по возрасту в той или иной степени находит репрезентацию в системах разных языков мира, что позволяет говорить об универсальности данной категории, например, наряду с дифференциацией наименований живых существ по признаку пола. Такого рода универсалии относятся к числу «импликационных» [10, с. 36] или «инонаправленных», так как «наличие одного признака обуславливает существование в языке определенного иного» [11]. Другими словами, если в языке имеются лексические единицы (ЛЕ), обозначающие детенышей животных, то в нем будут существовать и номинации взрослых особей.

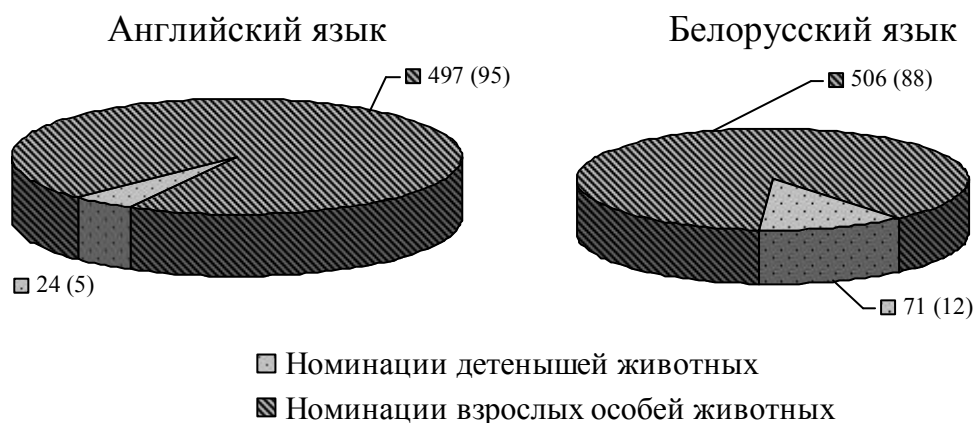
Первый этап данного исследования был направлен на выделение реестра номинаций детенышей животных в современном английском и белорусском

языках. Корпус исследуемого материала охватывает всю категорию животных (наименования млекопитающих, птиц, рыб, насекомых и др.), что позволяет установить значимость исследуемой лексико-семантической категории для разных наименований живых существ и описать присущие им способы образования исследуемых номинаций.

Методом сплошной выборки с помощью анализа дефиниций из лексикографических источников «Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary» и «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы»¹ были отобраны наименования детенышей животных. Общим свойством выделенных номинаций в белорусском языке было наличие в их лексикографических дефинициях компонентов *дзіцяня* или *птушаня*, идентифицирующих исследуемую лексико-семантическую категорию (например, *жарабя(ё) – дзіцяня каня*), *бусяня(ё) – птушаня бусла* [ТСБЛМ] и др.). Выявленные номинации в английском языке характеризуются наличием в дефинициях этих единиц не только компонента *baby* 'детеныш' (например, *a gosling is a baby goose* 'гусенок – это гусь-детеныш'), но и несвойственных белорусскому языку компонентов *young* 'молодой' (например, *a cygnet is a young swan* 'молодой лебедь') и *very young* 'очень молодой' (например, *a fawn is a very young deer* [CCED] 'очень молодой олень'). Как свидетельствуют результаты исследований изучаемой лексико-семантической категории, для английского прилагательного *young* характерен не только семантический признак 'молодой, приближающийся к зрелости', но и такие, как 'новорожденный, недавно появившийся на свет' и 'маленький' (о детском возрасте) [12, л. 8–9]. Это наблюдение подтверждается и данными лексикографических источников, например: *a baby animal is a very young animal* [CCED] 'животное-детеныш – это очень молодое (т.е. «новорожденное») животное'; *child – a young human being below the age of full physical development* [ODOE] 'ребенок – это молодой (т.е. «маленький» о детском возрасте) человек, не достигший возраста полного физического развития'.

Полученная выборка из толковых словарей английского и белорусского языков указывает на то, что, несмотря на естественное наличие детенышей у всех живых существ в природе, далеко не все наименования животных имеют семантические противопоставления по признаку 'возраст'. Результаты анализа данных свидетельствуют о том, что номинации детенышей животных составляют примерно 12 % от общего состава наименований животных в современном белорусском языке, в то время как доля номинаций детенышей животных в современном английском языке составляет не более 5 % (рис.).

¹ Избранные лексикографические издания содержат актуальные данные об основной, общеупотребительной лексике изучаемых языков, не включают терминологические, диалектные и жаргонные номинации, используемые в рамках конкретного узуса, и сопоставимы по количеству содержащихся в них лексических единиц.



Наименования детенышей в системе наименований животных современных английского и белорусского языков, количество ЛЕ, %

Таким образом, значительное число наименований животных как в белорусском, так и в английском языке не имеют противопоставлений по признаку 'возраст' (например, белорус.: *бегемот*, *дзік*, *жаваранак*, *макрэль*, *нутрыя*; англ.: *camel* 'верблюд', *falcon* 'сокол', *octopus* 'осьминог', *quail* 'перепел', *shark* 'акула' и т.д.).

В результате проведенного исследования было также установлено, что наибольшее количество номинаций детенышей в сопоставляемых языках свойственно наименованиям млекопитающих (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Наименования детенышей животных в разных семантических классах современных английского и белорусского языков

Семантические классы наименований животных	Английский язык, количество ЛЕ	Белорусский язык, количество ЛЕ
Наименования млекопитающих		
Наименования домашних млекопитающих	11	11
Наименования диких млекопитающих	2	27
Общие наименования для диких и домашних млекопитающих	3	4
Наименования птиц		
Наименования домашних птиц	4	4
Наименования диких птиц	3	19
Общие наименования для диких и домашних птиц	1	1
Наименования земноводных и пресмыкающихся	—	4
Наименования ракообразных	—	1
Всего	24	71

Однако в английском языке исследуемые номинации свойственны преимущественно наименованиям домашних млекопитающих (11 ЛЕ: *bullock* 'бычок', *calf* 'теленок', *foal* 'жеребенок', *kitten* 'котенок' и др.), в то время как в подклассе наименований диких млекопитающих было выявлено только 2 номинации детенышей (*cub* 'детеныш зверя (обычно лисы, волка, медведя)', *fawn* 'молодой олень (до одного года)'). Еще 3 лексические единицы используются в английском языке для наименования детенышей как диких, так и домашних млекопитающих: *baby* 'детеныш (животного)'; *pup* 'название детеныша некоторых животных: а) щенок; б) тюлененок; волчонок; лисенок'; *whelp* 'детеныш (обычно собаки или волка)'. Несмотря на то, что количество наименований детенышей домашних млекопитающих сопоставимо с числом аналогичного подкласса номинаций в английском языке (11 ЛЕ: *асляня(ё)*, *жарабя(ё)*, *казляня(ё)*, *шчаня(ё)* и др.), самый многочисленный подкласс исследуемых номинаций в белорусском языке представлен наименованиями диких животных (27 ЛЕ: *рысяня(ё)*, *сусяня(ё)*, *лісяня(ё)*, *малпяня(ё)* и др.). Согласно полученным данным 4 лексические единицы в современном белорусском языке используются для наименования детенышей как диких, так и домашних млекопитающих (*выкармак*, *сысун*, *шчанюк*, *шчаня(ё)*).

Как следует из табл. 1, номинации детенышей в классе наименований птиц в английском языке представлены 8 лексическими единицами: 4 наименования домашних птиц (*chicken* 'цыпленок', *cockerel* 'петушок', *duckling* 'утенок', *gosling* 'гусенок'), 1 наименованием дикой птицы (*cygnet* 'молодой лебедь') и 3 наименованиями, которые могут обозначать детенышей и диких, и домашних птиц (*chick* 'птенец', *fledgling* 'оперившийся птенец', *nestling* 'неоперившийся птенец'). Что касается класса номинаций птиц в белорусском языке, то, так же, как и в классе номинаций млекопитающих, численно наименования детенышей диких птиц (19 ЛЕ: *арляня(ё)*, *бусляня(ё)*, *крумкачання(ё)*, *стрыжання(ё)* и др.) существенно превосходят количество наименований детенышей домашних птиц (4 ЛЕ: *гусяня(ё)*, *індычання(ё)*, *качання(ё)*, *кураня(ё)*).

Любопытно, что специфической особенностью исследуемой ЛСГ в белорусском языке является наличие номинаций детенышей в таких классах, как наименования земноводных и пресмыкающихся (4 ЛЕ: *вужання(ё)*, *гадзяня(ё)*, *жабяня(ё)*, *змеяня(ё)*), а также ракообразных (*рачання(ё)*). Полученная выборка свидетельствует о том, что английскому языку наименования детенышей в этих лексико-семантических классах не свойственны.

Таким образом, очевидной становится не только количественная разница, но и отличия в представленности исследуемых номинаций в разных классах наименований животных в английском и белорусском языках. В свете этих наблюдений особый интерес представляет выявление того, на базе каких средств в системах сопоставляемых языков происходит дифференциация номинаций особей взрослых животных и их детенышей. Результаты исследования, приведенные в табл. 2, указывают на то, что английскому

и белорусскому языкам присущи два способа образования анализируемых противопоставлений по признаку возраста: *словообразовательный* и *лексический*.

Т а б л и ц а 2

Количественное соотношение способов образования наименований детенышей в белорусском и английском языках

Язык	Количество ЛЕ	Словообразовательный способ		Лексический способ	
		Количество ЛЕ	%	Количество ЛЕ	%
английский	24	6	25	18	75
белорусский	71	60	85	11	15

Словообразовательный способ заключается в создании наименований детенышей путем деривации с помощью аффиксальных средств данного языка. Проведенное исследование позволило выявить, что в английском языке существуют 4 суффикса, используемые для образования номинаций детенышей животных: *-ing* (*duckling* ‘утенок’, *gosling* ‘гусенок’, *fledgling* ‘оперившийся птенец’, *nestling* ‘неоперившийся птенец’), *-let* (*piglet* ‘поросенок’) и *-rel* (*cockerel* ‘петушок’). Однако согласно полученным данным эти суффиксы не являются продуктивными в современном английском языке, так как в исследуемом материале было выявлено всего 6 номинаций детенышей, образованных данным способом. В белорусском языке, несмотря на наличие только одного суффикса, используемого для образования исследуемых номинаций (*-ан-* (*-ян-*)), словообразование является не только продуктивным способом образования номинаций детенышей животных (60 ЛЕ (85 %): *бусел* → *бусляня(ё)*, *крумкач* → *крумкачя(ё)*, *пацук* → *пацучаня(ё)* и др.), но и имеет потенциально высокую степень словообразовательной активности в пополнении числа анализируемых наименований (например, *павук* → *павучаня(ё)* и т.д.).

В силу структурно-типологических особенностей современного английского языка абсолютное большинство выявленных семантических противопоставлений по признаку возраста образуется на базе лексического способа (18 ЛЕ (75 %)), где для номинаций взрослых особей и детенышей животных используются разнокоренные слова: *dog – puppy* ‘собака – щенок’, *cow – calf* ‘корова – теленок’, *deer – fawn* ‘олень – олененок’ и др.

В отличие от английского языка, лексический способ образования наименований детенышей животных в белорусском языке характерен для существенно меньшего числа выявленных номинаций (11 ЛЕ (15 %): *авечка – ягня(ё)*, *сабака – шчаня(ё)*, *алень – пыжык*, *цюлень – бялёк* и др.).

Так, низкая активность словообразовательного способа формирования исследуемых номинаций в современном английском языке сказалась на наличии существенно меньшего по сравнению с белорусским языком количества номинаций, используемых для обозначения детенышей животных. Тем не менее данный факт не лишает английский язык способности идентификации детского возраста различных особей животных. Специфика изучаемой лексико-семантической категории в современном английском языке заключается в том, что многим лексическим единицам, обозначающим детенышей животных, свойственна *широкозначность*. Этот термин, введенный Н. Н. Амосовой [13], а также термин *эврисемия*, предложенный позднее В. Я. Плоткиным [14] и Л. Я. Гросулом [15], используются для противопоставления явления обычной многозначности, или полисемии, и особого вида лексико-семантического варьирования, свойственного словам в разных языках [16, с. 81]. Основное различие между этими понятиями заключается в том, что если в семантической структуре изолированного многозначного слова сосуществует несколько различных, часто не связанных друг с другом значений [13, с. 114; 17, с. 43] (например, *order* '1) порядок, расположение в определенном порядке; последовательность, очередность; 2) исправность, порядок; хорошее состояние; 3) порядок, система; заведенный порядок; 4) приказ; распоряжение; предписание; 5) ордер; разрешение; пропуск; 6) заказ; 7) а) религиозный орден, б) рыцарский орден; 8) знак отличия, орден; 9) слой общества, социальная группа; 10) а) чин, степень священства, б) (*orders*) духовный сан; 11) религиозный обряд' и др. [UERD]), то отличительной особенностью слов широкой семантики является наличие единственного значения, которое соотносится с несколькими разными объектами мысли и обозначает большое количество неоднородных предметов и явлений [18, с. 4; 19, с. 198]. Несмотря на то, что вне контекста широкозначное слово однозначно, его конкретное денотативное значение актуализируется только в условиях речи под влиянием контекстуальных факторов [13, с. 114] (например, *cub* 'детеныш зверя': *It's the latest Disney extravaganza, and a wolf cub in it* 'Это последняя феерия Диснея, и волчонок в ней'; *It's a red panda cub* 'Это детеныш малой панды'; *...the five month old badger cub...* '...пятимесячный барсучонок...'; *A fox cub who was reared with a litter of puppies* 'Лисенок, который был выращен с щенками'; *...wash a car with one hand and feed a bottle to a tiger cub with the other...* 'мыть машину одной рукой и кормить из бутылки тигренка другой'; *...a young lion cub called Whiskey* '...маленький львенок по имени Виски'; *So, when an orphaned leopard cub was found...* 'Итак, когда был найден осиротевший детеныш леопарда...' [BNC] и т.д.). Поскольку в основе значения таких лексических единиц лежит признак, указывающий на класс предметов или явлений (например, «детеныш» или «ранний возраст»), то все, что может быть отнесено к этому классу, может быть совместимым со значением такого широкозначного слова. Таким образом, количество денотатов у таких лексических единиц очень велико и практически неограниченно [18, с. 4] (например, *whelp*

‘детеныш собаки, волка, медведя и др.’; *nestling* ‘детеныш птицы, куропатки, тетерева и др.’), что компенсирует отсутствие продуктивных словообразовательных способов пополнения исследуемой лексико-семантической категории в современном английском языке¹.

Более того, анализ частотности употребления изучаемых наименований свидетельствует о том, что номинации детенышей, образованные с помощью словообразовательного способа, характеризуются низкой частотностью в современном белорусском языке. Некоторые исследуемые номинации, например, *буйваляня(ё)*; *рачаня(ё)*; *чыраня(ё)*; *ястрабяня(ё)* и др., не имеют ни одного примера употребления в Белорусском национальном корпусе текстов, в то время как иные номинации детенышей свойственны, в основном, детской художественной литературе, например, *Не, не буду, – адказала бусляня, – бо тагды я буду мець свае дзеці, і мне трэба будзе насіць іх* (Я. Лёсік «Бусел і бусляняты»); *Убачыўшы іх, зайчаня спрабавала ўцячы, але не здолела – не пускала параненая лапка* (Ф. Сіўко «Бялячык»); *Як сланяня атрымала свой хобат* (Р. Кіплінг) [НК] и др. В отличие от белорусских номинаций, образованных с помощью средств суффиксации, английские широкозначные наименования детенышей животных имеют гораздо более высокие показатели частотности в текстах разной жанрово-стилистической принадлежности.

Таким образом, в результате проведенного сопоставительного исследования становится очевидной специфика состава и организации семантической категории наименований детенышей животных в английском и белорусском языках. Анализ языкового материала указывает на то, что неоднородность изучаемой категории в сопоставляемых языках обусловлена не столько экстралингвистическими причинами, такими как значимость тех или иных животных в хозяйственно-бытовой деятельности изучаемых языковых сообществ, сколько структурно-типологическими особенностями данных языков и спецификой средств лингвистической репрезентации исследуемой семантической категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. К диалектике семантических отношений в языке / В. Г. Гак // Принципы и методы семантических исследований: сб. ст. / Ин-т языкознания АН СССР; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1976. – С. 73–92.

¹ Исследователи указывают, что широкозначное слово обозначает лишь одно понятие, но достаточно широкое, включающее в себя целый ряд понятий, которые при переводе на другой язык могут быть переданы разными словами [20, с. 15], например, английское слово *rip* на белорусский язык может переводиться словами *шчаня*; *цюленьня*; *ваўчаня*; *лісяня* и др.

2. *Гинзбург, Е. Л.* Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы) / Е. Л. Гинзбург, Г. Е. Крейдлин // Науч.-техн. информ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. – 1982. – № 2. – С. 24–31.
3. *Макарова, Л. И.* Взаимодействие лексико-семантических групп как выражение системной организации словаря (на материале английского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. И. Макарова. – Минск, 1975. – 192 л.
4. *Никитин, М. В.* О таксономии языковых единиц / М. В. Никитин // Проблемы общей и романо-германской семасиологии / Владим. гос. пед. ин-т. – Владимир, 1973. – С. 3–92.
5. *Харитончик, З. А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: избр. тр. / З. А. Харитончик. – Минск, 2004. – С. 90–116.
6. *Шавель, А. А.* Типы семантической организации лексических полей в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Шавель. – Минск, 1998. – 122 л.
7. *Croft, W.* Linguistic evidence and mental representation / W. Croft // Cognitive Linguistics. – 1998. – Vol. 9, № 2. – P. 151–173.
8. *Geeraets, D.* Cognitive grammar and the history of lexical semantics / D. Geeraets // Topics in cognitive linguistics / ed. B. Rudzka-Ostyn. – Amsterdam, 1988. – P. 647–677.
9. *Jackendoff, R.* Foundations of language: brain, meaning, grammar, evolution / R. Jackendoff. – Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. – 477 p.
10. *Гринберг, Дж.* Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике: сб. ст. – М., 1970. – Вып. 5 : Языковые универсалии. – С. 31–44.
11. *Talmy, L.* Universals of semantics / L. Talmy // Cambridge encyclopedia of the language sciences / ed. P. Hogan. – Cambridge, 2008 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/Recent/universals.html>. – Date of access : 27.08.2017.
12. *Костина, Л. Т.* Исследование группы прилагательных возраста в современном английском языке (в сопоставлении с русским): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Т. Костина. – М., 1978. – 250 л.
13. *Амосова, Н. Н.* Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Наука, 1972. – 220 с.
14. *Плоткин, В. Я.* Строй английского языка / В. Я. Плоткин. – М. : Высш. шк., 1989. – 240 с.
15. *Гросул, Л. Я.* К вопросу о многозначности и широкозначности английских слов (на примере глаголов to give и to yield) / Л. Я. Гросул // Лингвистические основы преподавания иностранных языков. – Кишинев : Штиинца, 1989. – С. 3–9.
16. *Плесская, Е. И.* Проблема соотношения категорий эврисемии и полисемии в лингвистике (на примере английского языка) / Е. И. Плесская //

Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Междунар. науч. конф., Москва, май 2012 г. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 81–84.

17. *Загородняя, В. А.* Перевод глаголов широкой семантики в научно-технических текстах с английского языка на русский / В. А. Загородняя. – М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 144 с.

18. *Колобаев, В. К.* Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе (на материале медицинских публикаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. К. Колобаев; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л., 1983. – 14 с.

19. *Шабаев, В. Г.* Лексические и грамматические проблемы широкозначности / В. Г. Шабаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. – 2014. – № 4 (34) – Ч. 3. – С. 192–201.

20. *Маринова, Е. Д.* Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. Д. Маринова; Кемеров. гос. ун-т. – Иркутск, 1995. – 19 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 1996. – 783 с.

CCED – Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary / – Ed. J. Sinclair. – 5th ed. – Glasgow: HarperCollins Publishers, 2006. – 1712 p.: ill.

ODOE – Oxford Dictionary of English: for ABBYY Lingvo x3 [Electronic resource]: 355 000 entries. – Rev. ed. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

UERD – The Universal English-Russian Dictionary: for ABBYY Lingvo x3 [Electronic resource]: 100 000 entries / Compiled by ABBYY's lexicographers. ABBYY Software, 2008. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).

BNC – The British National Corpus [Electronic resource]. – BNC XML Ed. – Oxford: Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium, 2007. – 2 electronic optical disks (CD-ROM).

НК – Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bnkorporus.info>. – Дата доступа: 20.05.2018.

The article presents the results of the comparative analysis of the words denoting young animals in modern English and Belarusian. The specific nature of this category and its constituents is determined not so much by nonlinguistic parameters, such as the significance of certain animals to the language communities analyzed, but rather by structural features of modern English and Belarusian, as well as by the specific linguistic means proper to the languages under investigation.

Поступила в редакцию 07.08.18

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ОБРАЗОВАНИЕ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ УЙГУРСКОГО

В статье представлены результаты сопоставительного анализа лексико-семантического поля «Образование» в менталитете носителей китайского и уйгурского языков на материале толковых, синонимических, антонимических и других словарей. Исследование фактических данных позволило сделать интерпретационные выводы, в частности о том, что в трактовке образования в китайской и уйгурской языковых картинах мира много общего, хотя лексически данный ее фрагмент представлен по-разному.

При изучении любого языка мира учащиеся должны как можно лучше овладеть его лексикой. Наше сопоставительное исследование слов с семантикой 'образование' в китайском и уйгурском языках поможет решить эту задачу и уйгурам, и китайцам, даст возможность эффективно увеличить свой словарный запас и правильно использовать слова. Для достижения этой цели мы должны знать характерные особенности уйгурской и китайской лексических систем.

Уйгурский язык принадлежит к группе тюркских языков. Названия «уйгуры» и «уйгурский язык» появились в 1921 году. Значительное влияние на лексику уйгурского языка оказали арабский, китайский и персидский языки. Уйгуры, живущие в Синь-цзян (Китай), пользуются разными алфавитами, в частности, арабским и латинизированным, состоящим из 32 букв [1, с. 173].

Среди методических и педагогических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) слова со значением 'образование' выражают процесс и результат усвоения знаний, навыков, умений и целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижений гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов); процесс педагогически организованной социализации, осуществляемой в интересах личности и общества [2, с. 13].

Рассмотрим лексикографическое представление семантики 'образование' в китайском и уйгурском языках.

Лексическое значение 'образование' в китайском языке передается лексемой 教育 [jiao yu], в уйгурском языке – лексемой تەلىم .

В китайском языке данное понятие обозначается в первую очередь словом 教育 [jiao yu]. Это бином, состоящий из двух иероглифов: 教 [jiao] 'учить, обучать' + 育[yu] 'воспитывать; воспитание'. Характерно, что в китайском языке значения 'учить, обучать' и 'воспитывать' передаются одним словом.

Рассмотрим определения, которые дают китайские источники.

В Большом китайско-русском словаре под редакцией Б. Г. Мудрова (М., 2002) слово с семантикой 'образование' представлено следующим

образом. В китайском языке слово 教育 [цзяюу] ‘образование’ восходит к 教 [цзяо] ‘учить, обучать, наставлять, наставление, допускать’ + 育 [юу] ‘выкармливать, выращивать, воспитывать, растить, готовить, воспитание, подготовка’). 教育 [цзяюу] имеет также значения ‘просвещение, образование, обучать, воспитывать’.

Кит. 教 [jiao] 1. ‘Учить, обучать’; ‘наставлять, наставление’ употребляется в следующих словах и выражениях: 教程[jiao cheng] ‘учебная программа’; 教训[jiao xun] ‘учить, наставлять, воспитывать’; 因材施教[yin cai shi jiao] ‘вести преподавание на основе материала’; 请教[qing jiao] (вежл.) ‘Прошу Ваших указаний’. 2. ‘Религия; религиозное учение’; 在教[zai jiao] ‘быть верующим’. 教课[jiao ke] ‘преподавать’ 3. ‘Заставлять’; 谁教你去的? ‘а кто тебя заставлял идти?’ 4. ‘Допускать, разрешать’; 教他进来吧! ‘Пусть войдет’.

Кит. 育 [yu] 1. ‘Выкармливать, выращивать’. 2. ‘Воспитывать, растить; готовить; воспитание; подготовка’. 3. книжн. ‘Рожать’ образует такие биномы, как 育苗[yu miao] ‘ухаживать за всходами; выращивать саженцы’; 育养[yu yang] ‘воспитывать, вскармливать’; 教育[jiao yu] ‘просвещение, образование, обучать, воспитывать’ [3, с. 373].

В Большом русско-китайском словаре под редакцией Б. Г. Мудрова (М., 2001) слова, связанные с семантикой ‘образование’, представлены следующим образом (俄汉大词典, 2001) [4, с. 508].

Рус. учить 教 [jiao] 1. ‘Тренировать, натаскивать’. 教练[jiao lian]; ‘учить студентов русскому языку’ 教学生俄语[jiao xue sheng e yu], ‘учить играть в шахматы’ 教下象棋[jiao xia xiang qi], ‘учить стрелять’ 教练射击[jiao lian she ji]. 2. ‘Работать учителем’ 当教师[dang jiao shi] 3. ‘Наставлять’ 教导[jiao dao] ‘как Вас учу, так Вы и поступайте’ 我怎样教导你们, 你们就怎样做吧[wo zen me yang jiao dao ni men, ni men jiu zen yang zuo ba].

Воспитывать, воспитать 育 [yu] 1. 教育[jiao yu], 教养[jiao yang], 保育[bao yu], ‘воспитывать детей’ 保育孩子[bao yu hai zi] 2. ‘Прививать, внушать какие-л. чувства’ 培养[pei yang], 养成[yang cheng] 3. ‘Готовить’ 培养[pei yang], 培育[pei yu], ‘получить воспитание’ 受教养[shou jiao yang]. Образование, просвещение 教育[jiao yu]: ‘граждане СССР имеют право на образование’ 苏联公民有受教育权[su lian gong min you shou jiao yu quan], ‘дать образование детям’ 给儿童以教育[gei er tong yi jiao yu], ‘получить специальное образование’ 受到专门教育[shou dao zhuan men jiao yu].

Воспитание 1. 教育[jiao yu]; ‘подготовка’ 培养[pei yang]; ‘коммунистическое воспитание молодежи’ 青年的共产主义教[qin nian de gong chan zhu yi jiao yu]; ‘воспитание детей’ 孩子的教育[hai zi de jiao yu]; ‘воспитание

кадров' 培养干部 [pei yang gan bu]. 2. 'Воспитанность' 教养 [jiao yang], 修养 [xiu yang]; 'получить хорошее воспитание' 受过良好的教养 [shou guo liang hao de jiao yang].

Просвещение 教育 [jiao yu]; 'политическое просвещение' 政治教育.

В Словаре современного китайского языка (现代汉语词典, 2005) слово *образование* представлено следующим образом:

教育 [jiao yu] 1. (名, существительное), 按一定要求培养人的工作, 'работа по обучению людей в соответствии с определенными требованиями' 主要指学校培养人的工作, 'школьное воспитание и образование': 初等教育 [chu deng jiao yu] 'начальное образование', 高等教育 [gao deng jiao yu] 'высшее образование', 成人教育 [cheng ren jiao yu] 'образование для взрослых', 教育方针 [jiao yu fang zhen] 'образовательная политика'. 2. 教育 [jiao yu] (动 глагол 1), 在一定的要求培养人 'обучать человека в соответствии с определенными требованиями': 教师的责任是教育下一代成为德、智、体全面发展的有用的人才。'Ответственность учителя состоит в том, чтобы воспитывать следующее поколение так, чтобы они стали нравственными, умными и физически развитыми людьми'. 3. 教育 [jiao yu] (动 глагол 2) 用道理说服人使照着(规则、指示或要求等)做 'Убеждать людей использовать необходимые правила, инструкции или требования': 说服教育 [shuo fu jiao yu] 'убеждение и воспитание', 教育干部要清正廉洁 'Кадры отдела образования должны быть чистыми и честными' [5].

В китайском языке слово *образование* 教育 [jiao yu] состоит из двух корнеслогов, обозначающих два признака действия. В составе суммирующего типа можно указать две морфолого-семантические разновидности.

Слово 教育 [jiao yu] представляет собой сочетание двух корнеслогов, обозначающих переменные признаки предмета, например: 教育 [jiao yu] 'обучать' + 'воспитывать' > 'просвещать', 'просвещение', 'образование' (汉语词汇学 1984, с. 23) [6].

Рассмотрим синонимы данного слова, которые могут быть употреблены в определенных контекстах. Значения этих синонимов образуют включенные структуры. Схематически они изображены на рис. 1.

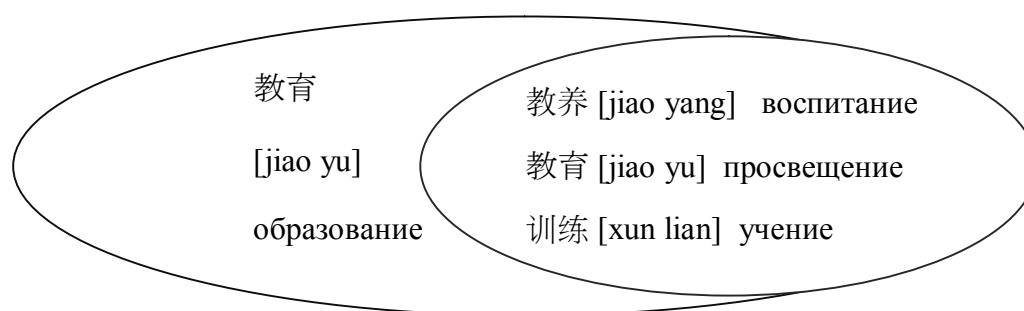


Рис. 1. Понятие «образование» в китайском языке

При этом включаемое значение имеет все признаки, свойственные включающему значению, и обладает хотя бы одним признаком для различения. Например, значение кит. 教养 [jiao yang] ‘воспитание’; 保育 [bao yu] ‘воспитывать’; 教育 [jiao yu] ‘просвещение’ имеет все признаки значения кит. 教育 [jiao yu] ‘образование’. В обычной ситуации они не могут отождествляться, например: 受教育 [shou jiao yu] ‘получить образование’, также 受教养 [shou jiao yang] ‘получить воспитание’ и 受训练 [shou xun lian] ‘пройти обучение’. Но если речь идет об учебном заведении, в соответствии с определенными контекстами (2020 年全民教育 [er ling er ling nian quan min jiao yu] ‘образование для всех к 2020 году’), мы не можем заменить кит. 教养 [jiaoyang] ‘воспитание’ и 训练 [xun lian] ‘учение’ словом 教育 [jiao yu] ‘образование’, но обычно такое несовпадение редко встречается в китайском языке [7].

Рассмотрим антонимы слова *образование* – 教育 [jiao yu] – на материале китайских источников: 科盲 [ke mang] ‘не имеющий научных знаний’, 无知 [wu zhi] ‘невежество’ [7].

Слово *образование* в китайской языковой картине мира, согласно данным словарей, как и ‘воспитание’, отражает разнообразные виды общественной деятельности человека (овладение знаниями, умениями, навыками и т. д.), необходимыми в конечном счете для выполнения трудовой деятельности, для воспитания гражданской зрелости: 国民教育 [guo min jiao yu] ‘народное воспитание’. Оно охватывает все сферы человеческой жизни, связанные так или иначе с формированием личности вообще.

Далее рассмотрим слово *образование* в уйгурском языке.

В Уйгурско-русском словаре под редакцией Т. Р. Рахимова (М., 1968) семантика ‘образование’ представлена следующим образом.

Уйг. تەلىم ‘образование’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *обучение, преподавание, учеба*; уйг. بىر مەك تەلىم соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *обучать, обучаться*.

Уйг. تەلىمات ‘учение’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *образование, знания, познания*.

Уйг. ئىلىم ‘просвещение’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *наука, знание*; уйг. ئالماق ئىلىم соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *получить образование*.

Уйг. تەربىيە ‘воспитание’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *воспитание, обучение, образование*; уйг. تەربىيە قىلىش ‘воспитывать’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *дать воспитание*; уйг. ئېلىش تەربىيە соответствует кит. 受教育 [shou jiao yu] и рус. *получить образование*; когда речь идет об уходе и присмотре, уйг. ئۇ مېنىڭ تەربىيەمدە также соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *он под моим присмотром* [8].

В Уйгурско-русском словаре под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо (Алма-Ата, 1961) семантика ‘образование’ представлена следующим образом (рис. 2).

Уйг. لەش تەربىيە ‘воспитание’ соответствует кит. 教育 [jiao yu]; уйг. تەربىيە قىلىش соответствует кит. 教养 [jiao yang] и рус *дать воспитание*; уйг. تەربىيە قىلىش соответствует рус. *воспитывать*.

Уйг. تەلىم تەربىيە ‘воспитание’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и рус. *образование, обучение и воспитание*.

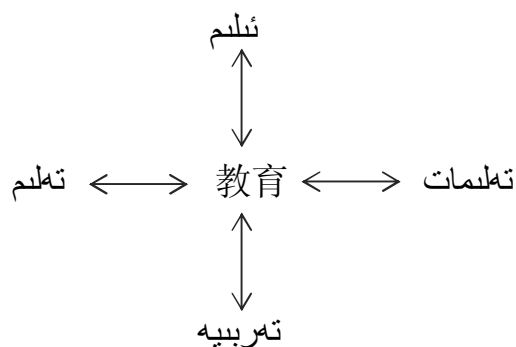
Уйг. تەلىمات ‘учение’ соответствует кит. 教育 [jiao yu] и кит. 训练 [xun lian]; уйг. تەلىماتى ھەققىدىكى رېۋالېيۇسى پرولىتارىيەت لېنىننىڭ – рус. *учение Ленина о пролетарской революции* [9].

В уйгурском языке антонимами лексем с семантикой ‘образование’ являются слова تەربىيە كۆرمىگەن ‘человек, не получивший образования’, بىلىمسىز ‘необразованный’. Если сопоставить их с приведенными выше антонимами обозначений образования в китайском языке (科盲 [ke mang] ‘не имеющий научных знаний’, 无知 [wu zhi] ‘невежество’), то можно увидеть, что такие антонимы не имеют различий в лексическом значении.



Рис. 2. Понятие «образование» в уйгурском языке

В уйгурском языке так же, как и в русском, семантика ‘образование’, ‘воспитание’, ‘просвещение’, ‘обучение’ выражена рядом синонимов: تەربىيە ; تەلىم ; تەلىمات ; نەلىم. В китайском языке все эти значения передаются одним словом 教育 [jiao yu], что ниже представлено графически.



Таким образом, согласно лексикографическому представлению, понятие «образование» в сознании носителей китайского и уйгурского языков имеет сходный семантический объем и коннотацию, хотя на уйгурском языке значение ‘образование’ передается как ئىلىم ; تەلىمات ; تەربىيە ; تەلىم , а на китайском языке – одним словом 教育 [jiao yu]. Ряды лексем с семантикой ‘образование’ в китайском и уйгурском языках существенно различаются. В китайскоязычной интерпретации слово 教育[jiao yu] имеет одностороннюю направленность – только процесс подготовки человека к социальной жизни. В словарях современного китайского языка, например, 现代汉语词典, 2005, образование определяется как деятельность, направленная на обучение и воспитание, которой занимается педагог, а задача и цель учащихся в образовательном процессе не указываются [5, с. 1088]. В уйгурско-русском и русско-уйгурском словарях понятие «образование» переводится с русского на уйгурский и с уйгурского на русский несколькими лексемами с семантикой ‘образование’, ‘воспитание’, ‘просвещение’, ‘обучение’ (уйг. تەربىيە; ئىلىم; تەلىمات; تەلىم) [9], а с уйгурского на китайский и с русского на китайский – только одним словом 教育[jiao yu].

Далее рассмотрим заимствования между двумя языками.

Заимствование иноязычной лексики – это объективный процесс, в той или иной степени характерный для всех языков мира, в том числе и для уйгурского. Проникновение китайских слов в уйгурский язык происходило в течение многих веков. Однако до начала 50-х гг. XX в. китайских лексических заимствований в уйгурском языке было намного меньше, чем лексических заимствований из других языков [10].

Приведем пример.

جياؤيۇ [Jiao yu] (< 教育 [цзяююу] < 教 [цзяо] ‘учить(ся)’, 育 [юу] ‘воспитывать, образование, просвещение’).

تياؤ جياؤ [Jiao tiao] (< 教条 [цзяотяо] < 教 [цзяо] ‘учить(ся)’, 条 [тяо] ‘догма\т’).

جياؤ [jiao tiao zhu yi] (教条主义 [цзяотяочжуи] < 教条 [цзяотяо] догмат, 主义 [чжуи] ‘догматизм’.

جياؤ [jiao shou] (< 教授 [цзяошюу] < 教 [цзяо] ‘учить’, 授 [шюу] ‘преподавать’) ‘профессор’.

جياؤليانيوان [jiao lian yuan] (教练员 [цзяоляньюань] < 教 [цзяо] ‘учить’, 练 [лянь] ‘упражняться’, 员 [юань] ‘тренер’) ‘тренер’.

جاؤيانزۇ [jiao yan zu] (< 教研组 [цзяояньцзу] < 教 [цзяо] ‘учить’, 研 [янь] ‘вникать’, 组 [цзу] ‘группа’) ‘кафедра’.

جاؤيەنشى [jiao yan shi] (教研室 [цзяояньцзу] < 教 [цзяо] ‘учить’, 研 [янь] ‘вникать’, 室 [ши] ‘комната’) ‘кафедра’.

Рассмотрим примеры, связанные со словами ЛСГ «Образование» в китайском, уйгурском и русском языках (кит. 教育 [jiao yu], уйг. تەلىم; تەلىمات; ئىلىم; تەربىيە [11].

Язык		
китайский	русский	уйгурский
教 [jiao]	учить, обучать (кого-л. чему-л.); преподавать (кому-л. что-л.)	ئۆگەتمەك؛ ئوقۇتماق؛ تەلىم بەرمەك؛ تەربىيە -بەرمەك؛ تەربىيەلىمەك؛ تەلىم تەربىيە؛ ئوقۇتۇش؛ مانارىپ
教官 [jiao guan]	инспектор, руководитель	باشقۇرماق ۋە تەربىيەلىمەك
请教 [qing jiao]	советоваться, консультироваться	مۇراجەت قىلماق
受教 [shou jiao]	обучаться	تەلىم ئالماق
因材施教 [yin cai shi jiao]	обучать учащихся в соответствии с их индивидуальными особенностями	ئوقۇغۇچىلارنىڭ كونكرېت ئەھۋالىغا قاراپ تەربىيەلىمەك
育 [yu]	рожать, вынашивать	تۇغۇت؛ تۇغماق
节育 [jie yu]	деторождение, ограничение	تۇغۇتنى چەكلەش
育婴 [yu ying]	уход за ребенком	بالا باقماق
封山育林 [feng shan yu lin]	горе, озеленять	تاشلارنى تاشلاپ ئورمان يىتۈشتۈرمەك
德育 [de yu]	нравственное воспитание	ئەخلاقى تەربىيە
智育 [zhi yu]	воспитание умственное	ئەقلى تەربىيە

体育 [ti yu]	воспитание физическое	تەنتەربىيە
育苗 [yu miao]	рассаду выращивать	مايسا يىتۈشتۈر مەك
教育 [jiao yu]	образование, просвещение, обучение	تەلىم-تەربىيە؛ مەلۇمات مائارىپ؛ تەربىيە؛
文化教育事业 [wen hua jiao yu shi ye]	культурно-просветительное дело	مەدەنىيەت ۋە مائارىپ ئىشلىرى
教育部 [jiao yu bu]	министерство образования	مائارىپ مىنىستىرلىكى
教育学 [jiao yu xue]	педагогика	پېداگوگىكا
教育家 [jiao yu jia]	педагог	پېداگوگ
教育界 [jiao yu jie]	академические круги	مائارىپ ساھەسىدىكى

Таким образом, и в китайском, и в уйгурском языках образование – это процесс усвоения систематических знаний, умений и навыков. Это одно из наиболее значимых средств социального воспроизводства общества и человека, одновременно процесс и результат усвоения людьми, в первую очередь детьми и подростками, систематизированных знаний, умений и навыков, необходимое условие подготовки человека к самостоятельной жизни, к трудовой деятельности, функционирующее в качестве специфического социального института, взаимодействующего с основными подсистемами общества – экономической, социальной, политической, духовной. Образование – функция социума, обеспечивающая воспроизводство и развитие самого социума и систем деятельности.

Слова с семантикой ‘образование’ в китайском и уйгурском языках, согласно вышеуказанным словарям, как и ‘воспитание’, ‘просвещение’, ‘учение’, отражают разнообразные виды общественной деятельности человека (овладение знаниями, умениями, навыками и т.д.), необходимые в конечном счете для выполнения трудовой деятельности, для воспитания гражданской зрелости. Образование охватывает все сферы человеческой жизни, связанные так или иначе с формированием личности вообще. При таком сходстве понятийного объема лексически данный фрагмент языковой картины мира представлен по-разному в китайском и уйгурском языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уйгурско-русский словарь: ок. 12 000 слов с прил. араб. ключа и грамматики уйгур. яз. / сост.: Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 384 с.
2. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий: теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.

3. Большой китайско-русский словарь: ок. 120 000 слов и словосочетаний / 3. И. Баранова [и др.]; под ред. Б. Г. Мудрова. – 5-е изд., стер. – М. : Живой яз., 2002. – 524 с.
4. Большой русско-китайский словарь: ок. 120 000 слов и словосочетаний / 3. И. Баранова [и др.]; под ред. Б. Г. Мудрова. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – 524 с.
5. Сяньдай ханьюй цыдянь 现代汉语词典. – Пекин: Шанъу иньшугуань, 2005.
6. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка: учеб. пособие / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1984. – 216 с.
7. Образование в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ustudy.ru/info/chi3.htm>. – Дата доступа : 10.11.2015.
8. Уйгурско-русский словарь: ок. 33 000 слов / сост. Э. Н. Наджип ; под ред. Т. Р. Рахимова. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 828 с.
9. Уйгурско-русский словарь: 16 тыс. слов / Ин-т языкознания АН Каз. ССР; под ред. Ш. Кибирова, Ю. Цунвазо ; с прил. крат. граммат. очерка уйгур. яз., сост. А. Кайдаровым. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз. ССР, 1961. – 328 с.
10. Рахимов, Т. Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке: словарь / Т. Р. Рахимов. – М. : Наука, 1970. – 349 с.
11. Большой китайско-уйгурский словарь / под ред. Абулатминь. – Урумчи, 2013.

The article is devoted to the study of the lexico-semantic field “Education” in the mentality of native speakers of the Chinese and Uighur languages. The material of encyclopedic, synonymous, antonymic dictionaries on lexemes with semantics ‘education’ is analyzed. In the process of comparing, factual data is analyzed, interpretative conclusions are made, in particular that there are many common features in representation of education in the Chinese and Uighur languages.

Поступила в редакцию 15.06.18

Гэн Цзянь, Н. В. Михалькова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ТРАДИЦИОННЫХ И УПРОЩЕННЫХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье проводится комплексный анализ конститuentов традиционных иероглифических знаков китайского языка и их упрощенных вариантов. Выявляется состав подсистемы иероглифов, подвергаемых изменениям компонентов, определяются лексико-семантические характеристики лексических единиц, графическим отображением которых являются такого рода знаки. Разрабатываются и анализируются модели семантических сдвигов в компонентном составе традиционных и упрощенных вариантов иероглифического знака, на основе выявления лексико-семантических свойств устанавливаются типы компонентов, которые наиболее часто модифицируются в традиционном иероглифе китайского языка.

Китайский иероглифический знак представляет собой специфическое графическое отображение всей совокупности понятий и процессов окружающей человека действительности с помощью определенного набора семантически важных компонентов. Конституенты иероглифа – это не просто инвентарь изобразительных элементов, а строго упорядоченная подсистема семантических единиц, которые в своей совокупности способны обозначать все возможные явления объективной реальности, например, 家 имеет значение ‘дом; семья’, при этом, если разбить иероглифический знак на составляющие основные элементы, то он будет выглядеть следующим образом: 宀 ‘крыша’ + 豕 ‘свинья’.

Не только компонентный состав иероглифического знака, но и последовательность расположения компонентов играет важную роль при номинации объектов и процессов. Так, в приведенном примере порядок расположения семантических компонентов начинается с элемента ‘крыша’, и только затем располагается графический элемент, репрезентирующий понятие ‘свинья’, что показывает не только релевантность определенных типов информации, но и высокую значимость в их уровневой стратификации.

Традиционная китайская письменность чрезвычайно сложна. Ввиду этого на протяжении нескольких веков делались попытки по упрощению иероглифической письменности. Так, в 1909 г. просветитель Луфэй Куй в статье, опубликованной в журнале «教育杂志» ‘Образование’, заговорил о необходимости употребления 俗体字 ‘простонародных вариантов написания знаков’ в системе всеобщего образования. В 1930 г. был опубликован «宋元以来俗字谱» ‘Свод простонародных иероглифов, употребляемых в начале правления династии Сун и в период Юань в литературе на байхуа’, составленный китайскими писателями Лю Фу и Ли Цзяжунем. В 1956 г. в газете «Жэньминь жибао» появляется «汉字简化方案» ‘Проект упрощения китайской письменности’, в последующие годы публиковали сводные списки иероглифов, полностью или частично затронутые изменениями.

Иероглифы упрощались 11 способами, 2 из которых заключались в следующем: опущение части компонентов иероглифа (寧 *níng* ‘тихий, успокаивать’ / 寔 *nìng* ‘лучше уж’ – 宁 *níng* ‘тихий, успокаивать’ / 寔 *nìng* ‘лучше уж’, 聲 *shēng* ‘звук, голос, издавать звук’ – 声 *shēng* ‘звук, голос, издавать звук’, 齒 *chǐ* ‘зубы’ – 齿 *chǐ* ‘зубы’, 醫 *yī* ‘врач, медицина, лечить’ – 医 *yī* ‘врач, медицина, лечить’); опущение компонентов иероглифа с последующим добавлением новых компонентов (麗 *lì* ‘красивый, прекрасный’ – 丽 *lì* ‘красивый, прекрасный’, 雜 *zá* ‘неоднородный, низкокачественный, пестрый’ –

杂 *zá* ‘неоднородный, низкокачественный, пестрый’, 嶺 *lǐng* ‘горная цепь, перевал’ – 嶺 *lǐng* ‘горная цепь, перевал’, 纏 *chán* ‘обвивать, сплестать’ – 纏 *chán* ‘обвивать, сплестать’, 協 *xié* ‘объединять силы, сотрудничать’ – 協 *xié* ‘объединять силы, сотрудничать’). Несмотря на наличие многочисленных работ [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], в которых подробно описываются все 11 способов упрощения иероглифических знаков, научных исследований относительно того, каков состав и семантические свойства лексических единиц, графическое отображение которых подверглось различного типа сдвигам, каким образом происходили данные процессы, в настоящее время нет.

Следует отметить, что по семантическому типу преобразований прошло небольшое количество иероглифов. В материале нашего исследования их общее число составило 258 лексических единиц. Лексико-семантический анализ показал, что данная подсистема неоднородна. Она включает иероглифические знаки, обозначающие различные явления действительности, например, 鬆 (松) *sōng* ‘сосна’, 雲 (云) *yún* ‘облако’, 窪 (洼) *wā* ‘впадина, пойма’, 泞 (泞) *nìng* ‘жидкая грязь, слякоть’, 繭 (茧) *jiǎn* ‘кокон шелковичный’, 疇 (畴) *chóu* ‘поле, пашня’, 璦 (璦) *ài* ‘яшма, самоцвет’, 傢 (家) *jiā* ‘жилище, семья’ и др. Однако несмотря на разнородность состава, исследуемые лексемы могут быть объединены в определенные лексико-семантические подгруппы. Данное объединение, выполненное на основе одного из авторитетнейших семантических словарей под редакцией Н. Ю. Шведовой, позволило нам выявить те сферы окружающей человека действительности, графические компоненты обозначений которых наиболее или наименее часто упрощаются семантическим способом в китайском языке.

Так, в группе имен существительных может быть выделено 45 лексико-семантических групп, например: 1) грунт (塗 (涂) *tú* ‘грязь’); 2) почва, ископаемые (礦 (矿) *kuàng* ‘полезные ископаемые’); 3) примеси (礫 (砾) *chěn* ‘песок в пище’); 4) продукты питания, их компоненты, корм (糝 (粳) *sǎn* ‘рассыпчатый вареный рис’); 5) одежда и сопутствующие ей предметы, части (裏 (里) *lǐ* ‘подслой одежды’); 6) посуда, домашняя утварь, емкости (盤 (盘) *pán* ‘тазик’); 7) предметы, связанные с богослужением, культовыми обрядами (簋 (筩) *biān* ‘плетеный сосуд из бамбуковой лучины для плодов и злаков, употребляется при жертвоприношениях и жертвенных угощениях’); 8) предметы, относящиеся к погребению (櫬 (椁) *chèn* ‘гроб’); 9) сооружения, постройки и их части (傢 (家) *jiā* ‘жилище’); 10) ограждения (籬 (篱) *lí* ‘изгородь’); 11) пути, дороги; 12) животные и их части тела (蠶 (蚕) *cán* ‘шелкопряд’); 13) растения и их части (棗 (枣) *zǎo* ‘китайский

финик'); 14) атмосфера земли, воздушное пространство, небесное свечение – слои, потоки воздуха (霧 (雾) wù 'туман'); 15) андронимы (鄺 (广) kuàng 'фамилия Куан'); 16) топонимы (鄴 (业) yè 'Е – название исторического места на территории нынешней провинции Хэнань'); 17) гидронимы (灋 (漫) shè 'река Шэ, приток Янцзы'); 18) участки земной поверхности, ее рельеф (嶺 (岭) lǐng 'горы, горный хребет'); 19) водоемы, реки, потоки (濤 (涛) tāo 'вал'); 20) первичные продукты и сборы сельскохозяйственного производства, продукты животноводства (纊 (纊) kuàng 'шелк-сырец'); 21) веревки, жгуты (條 (条) tāo 'плетеный шелковый шнурок'); 22) палки, прутья (條 (条) tiáo 'прут'); 23) специально оборудованные или обрабатываемые участки для сельскохозяйственных нужд, сооружения для пребывания животных (埤 (埤) shí 'насел для кур'); 24) орудия лова (滙 (户) hù 'сокращенное название для города Шанхая'); 25) ручные инструменты, приспособления (槳 (桨) jiǎng 'весло'); 26) воинские средства снаряжения и защиты (鍔 (铊) shā 'двуострый короткий меч'); 27) мебель и сопутствующие ей предметы; 28) ценные предметы, редкости (寶 (宝) bǎo 'сокровище'); 29) части целого (邊 (边) biān 'край, граница'); 30) время: его ход, периоды и моменты его течения, возрастные состояния, приборы измерения (鑒 (冬) dōng 'зима'); 31) чувства, эмоциональные состояния (愛 (爱) ài 'любовь'); 32) заболевания и их проявления (瘡 (疮) nuè 'малярия'); 33) звучание, общие обозначения, разные звуки (聲 (声) shēng 'голос, звук'); 34) запахи (薌 (芎) xiāng 'запах злаковых' запах ванили); 35) цвета и пятна (點 (点) diǎn 'пятно, точка'); 36) единицы измерения (畝 (亩) mǔ 'гряда на меже, мера земной площади 0,07 га'); 37) небольшие образования на теле человека (黥 (靨) yǎn 'родинка'); 38) органы, части тела, кости, мышцы, тканевые покровы человека, продукты его жизнедеятельности (腦 (脑) nǎo 'мозг'); 39) лица, собственно названия родства, свойства, породнения (親 (亲) qīn 'близкие родственники'); 40) реальные лица, люди по личным общественным связям, по отношению к религиозным нормам, люди в сфере медицины; 41) инструментальные, вокальные, вокально-инструментальные произведения; 42) подсознание, интуиция, сновидение (魘 (魇) yǎn 'паралич'); 43) законы, нормативные акты, кодексы; 44) строй, структура, классы, виды, типы, категории (類 (类) lèi 'вид, разновидность'); 45) восприятие органами чувств, разные способности к восприятию органами чувств, к речи (聰 (聪) cōng 'хорошее восприятие речи на слух').

Количественный состав данных подгрупп различается. Наиболее распространены иероглифические знаки, обозначающие животных и их части тела. Данные лексические единицы составили 12 % от общего количества исследуемых лексем группы имен существительных. Это наименования таких животных и их частей тела, как 蠶 (蚕) *cán* ‘шелкопряд’, 鱔 (鳎) *xún* ‘осетр’, 鯈 (鲈) *tiáo* ‘востробрюшка’, 鮓 (鮓) *shí* ‘сельдь-гильза’, 鱷 (鱷) *lí* ‘змееголов’, 鸕 (鸕) *lí* ‘иволга’, 驪 (骊) *lí* ‘вороной конь’, 獼 (猕) *sūn* ‘обезьяна’, 厖 (厖) *yǎn* ‘оперкулум, крышечка, закрывающая устье раковины брюхоногих’, 殼 (壳) *ké* ‘скорлупа, панцирь, раковина’ и т.д. Лексические единицы, обозначающие растения и их части тела, а также органы и части тела человека, составили по 9 % от общего количества исследуемых единиц группы имен существительных. В подгруппу «Растения и их части» входят такие названия, как 芸 (芸) *yún* ‘рута’, 蓂 (苳) *qián* ‘крапива’, 蓀 (荪) *sūn* ‘ирис’, 檸 (柠) *níng* ‘лимонное дерево’, 樅 (枞) *cōng* ‘пихта’, 蓯 (苁) ‘цистанхе пустынная’, 穆 (穆) *cǎn* ‘пайза’, 棗 (枣) *zǎo* ‘китайский финик’, 鬆 (松) *sōng* ‘сосна’, 殼 (壳) *ké* ‘кора’ и т.д.. «Органы, части тела, кости, мышцы, тканевые покровы человека, продукты его жизнедеятельности»: 腦 (脑) *nǎo* ‘головной мозг’, 齒 (齿) *chǐ* ‘зубы’, 齦 (龈) *yín* ‘десна’, 鬚 (须) *xū* ‘усы и борода’, 顚 (颞) *niè* ‘висок’, 聾 (聾) *níng* ‘ушная сера’, 脅 (胁) *xié* ‘бок’ и т.д.

Группа глаголов включает 42 класса: 1) созидание, исполнение, приготовление (製 (制) *zhì* ‘изготавливать, создавать’); 2) сельскохозяйственный труд (墾 (垦) *kěn* ‘распахивать почву’); 3) торговля (糶 (糶) *tiào* ‘продавать зерно’); 4) строительство, работа с твердыми материалами; 5) трудоустройство, наем (傭 (佣) *yōng* ‘наниматься в работники’); 6) собственно изменение, увеличение или уменьшение (擴 (扩) *kuò* ‘расширять, увеличивать’); 7) соединение, разъединение, отделение (閤 (合) *hé* ‘закрывать, соединять’); 8) фазовые глаголы с суженным значением и ограниченной сочетаемостью, без компонента качественной характеристики, начало (啟 (启) *qǐ* ‘открывать’); 9) группировка, регулирование, упорядочение (擺 (摆) *bǎi* ‘размещать, ставить’); 10) уборка, чистка, мытье (掃 (扫) *sǎo* ‘убирать, подметать’); 11) ухудшение, ослабление, нарушение, повреждение, разрушение (縱 (纵) *zòng* ‘ослаблять’); 12) утрата, лишение, потеря (奪 (夺) *duó* ‘утрачивать, терять’); 13) попытка, старание, усилие (務 (务) *wù* ‘прилагать усилия для выполнения задачи’); 14) наполнение, проникновение (滲 (渗) *shèn* ‘просачиваться’); 15) межличностные контакты: вовлечение в контакты, поддержание контактов, уход от контактов (遜 (逊) *xùn* ‘уходить, уединяться; покорность;

отзывать'); 16) работа с животными; 17) работа с растениями (蒔 (蒔) *shì* 'сажать, пересаживать'); 18) действия, совершаемые животными (觸 (触) *chù* 'бодать'); 19) собственно защита, обережение (攙 (搀) *chān* 'поддерживать рукой'); 20) глаголы с дополнительными локальными характеристиками – с количественными характеристиками (燾 (焠) *dào* 'покрывать, укрывать'); 21) глаголы с дополнительными локальными характеристиками – качественными характеристиками (係 (系) *xì* 'свисать; связать'); 22) глаголы с дополнительными качественными характеристиками – нестабильно, беспорядочно (鏹 (旋) *xiàn* 'кружиться, вращаться'); 23) глаголы с дополнительными качественными характеристиками – интенсивно, полно, прочно (擣 (搥) *xián* 'рвать, выдергивать'); 24) воспроизведение написанного, списывание, переписывание (謄 (誊) *téng* 'переписывать'); 25) вынуждение, принуждение, волевое насилие, обреченность (執 (执) *zhí* 'схватить, задержать'); 26) физкультура, спорт, подвижные игры (踴 (踊) *yǒng* 'подпрыгивать'); 27) мысль, воображение, сомнение, суждение – собственно мысль (慮 (虑) *lù* 'думать, обдумывать; беспокоиться'); 28) действия и процессы, связанные с зубами (齧 (齧) *chèn* 'менять молочные зубы на коренные'); 29) очищение жидкостей, газов от твердых частиц, примесей (濾 (滤) *lǜ* 'процеживать, фильтровать'); 30) обозначение восприятия органами чувств качеств, признаков; 31) перемещение в пространстве – размещение, приближение (攝 (摄) *shè* 'схватить, тащить'); 32) поведение, а также поступки, неотделимые от поведения – собственно общие обозначения (躡 (蹻) *niè* 'ходить на цыпочках'); 33) говорение, речь, характеризующиеся по звучанию, произнесению – громкая речь, шепот (囁 (嗫) *niè* 'мямлить'); 34) совет, наставление, напутствие, пожелание, поучение (嚚 (聒) *níng* 'наставлять'); 35) духовное общение, богослужение (禱 (祷) *dǎo* 'молиться'); 36) информация, сообщение, речь, не характеризующиеся по способу осуществления и передачи (攄 (摅) *shū* 'выражать, излагать'); 37) нерешительное, осторожное поведение, медлительность, бездеятельность, уклонение от деятельности (躊 (踌) *chóu* 'колебаться, топтаться на месте'); 38) антиобщественное и антисоциальное поведение (盜 (盗) *dào* 'воровать'); 39) воля, требование, желание, терпение, побуждение; 40) негативные чувства, эмоции – страх, боязнь, беспокойство (慄 (怱) *sǒng* 'испугаться, бояться'); 41) питание (饜 (饜) *yàn* 'наестся, удовлетворить аппетит'); 42) физическая смерть, уход из жизни.

Наиболее распространены иероглифические знаки, обозначающие межличностные контакты. Данные лексические единицы составили 10 % от общего количества исследуемых лексем группы глаголов. В подгруппу «Межличностные контакты: вовлечение в контакты, поддержание контактов, уход от контактов» вошли названия таких действий, как 參 (参) *cān* ‘наносить визит’, 饗 (飨) *xiǎng* ‘потчевать гостей’, 講 (讲) *jiǎng* ‘улаживать споры, примирять’, 競 (竞) *jìng* ‘конкурировать’, 遜 (逊) *xùn* ‘уходить, уединяться’, 隨 (随) *suí* ‘следовать, сопровождать’, 復 (复) *fù* ‘возвращаться’ и т.д. Лексические единицы подгруппы «Действия, совершаемые животными» составили 7 % от общего количества исследуемых лексем группы глаголов. В данную подгруппу вошли такие названия действий, как 奮 (奋) *fèn* ‘расправлять крылья, взлетать’, 觸 (触) *chù* ‘бодать’, 嚙 (啮) *niè* ‘глодать, щипать (траву); укусить’, 齧 (齧) *zī* ‘скалиться’ и т.д.

В группу междометий входит одна подгруппа – «Говорение, речь, характеризующиеся по протяженности, темпу, эмоциональности – эмоциональная речь (нечленораздельное выражение эмоций)», в которой имеется только одна лексическая единица – 噯 (噯) *ài, āi* ‘ох, ах’. Данная группа самая нераспространенная из четырех исследуемых в китайском языке.

Группа прилагательных включает в себя 12 подгрупп: 1) слои, потоки воздуха – облака, тучи (雲 (云) *àì* ‘облачный’); 2) размер; 3) форма (橢 (椭) *tuǒ* ‘овальный’); 4) характер – положительные черты характера (懇 (恳) *kěn* ‘честный’); 5) характер – отрицательные черты характера (慘 (惨) *cǎn* ‘жестокий’); 6) красота (麗 (丽) *lì* ‘красивый’); 7) яркость; 8) глухота; 9) слепота (矇 (蒙) *méng* ‘слепой’); 10) цвета и пятна (殊 (朱) *zhū* ‘ярко-красный’); 11) отдельность, самостоятельность (獨 (独) *dú* ‘отдельный’); 12) загрязнение (濁 (浊) *zhuó* ‘мутный, грязный’).

Среди подгрупп группы имен прилагательных лидирующий тип лексических единиц составляет 16 % – «Характер – положительные черты характера». Данная подгруппа включает такие определения, как 寧 (宁) *níng* ‘мирный, спокойный’, 懇 (恳) *kěn* ‘искренний’, 慤 (慤) *què* ‘честный’ и т. д.

Упрощение традиционных иероглифических знаков включает три процесса: 1) наиболее частотный процесс (77 %) – опущение одного или нескольких семантически значимых компонентов, например, 傢 (家) *jiā* ‘жилище; семья’, где выпадает такой значимый компонент как 人 *rén* ‘человек’; 2) менее распространенный процесс (22 %) – опущение одного или нескольких семантически значимых компонентов с добавлением одного или

нескольких новых компонентов, например, 盜 (盜) *dào* ‘грабить’, где опускается семантически значимый компонент 氺 *shuǐ* ‘вода’ и добавляется новый компонент 冫 *bīng* ‘лед’; 3) наименее частотный процесс (1 %) – опущение одного или нескольких семантически значимых компонентов с добавлением уже имеющегося компонента или имеющихся компонентов, например, 雙 (双) *shuāng* ‘пара’, где выпадают два одинаковых семантически значимых компонента 隹 *zhuī* ‘короткохвостая птица’ и добавляется уже имеющийся в полном начертании иероглифа компонент 又 *yòu* ‘снова’.

Выявленные модификации иероглифических знаков позволили построить модели семантических изменений в его компонентном составе (25 моделей), например, **модель 1. «2→1»** (рис. 1).

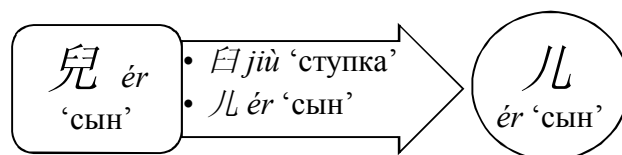


Рис. 1. Модель 1. «2→1»

В данном случае в результате процесса опущения одного из двух компонентов традиционного варианта иероглифа упрощенный вариант иероглифического знака состоит из одной графемы. Такая модель по количеству лексических единиц составила всего 7 % от всех исследуемых моделей.

Модель 2. «3→1»

Распространенность данной модели составляет 2 %. При упрощении по модели 2 трехкомпонентного традиционного иероглифа опускаются два компонента (рис. 2).

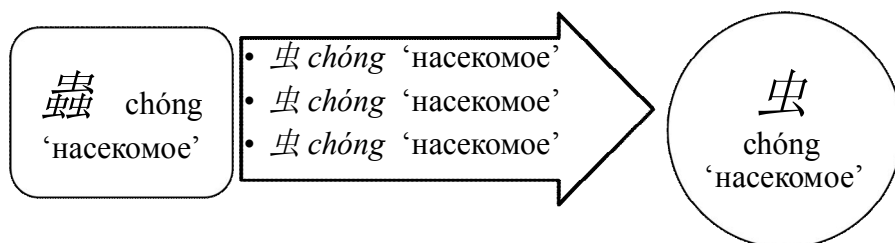


Рис. 2. Модель 2. «3→1»

При этом следует отметить, что в традиционном варианте иероглифического знака, именуемого насекомое, наличие 3 одинаковых элементов позволяло выразить не только лексическое, но и грамматическое значение множественности, что было утрачено в результате процесса опущения и перехода к упрощенному варианту.

Модель 3. «3→2»

Данная модель самая распространенная и составила 19 % от всех построенных нами моделей. Традиционный иероглиф, состоящий из трех компонентов, упрощается до двух компонентов по трем схемам: в первом случае выпадают два компонента и добавляется один новый, во втором случае выпадают два компонента и добавляется один уже имеющийся, в третьем случае выпадает один компонент (рис. 3).

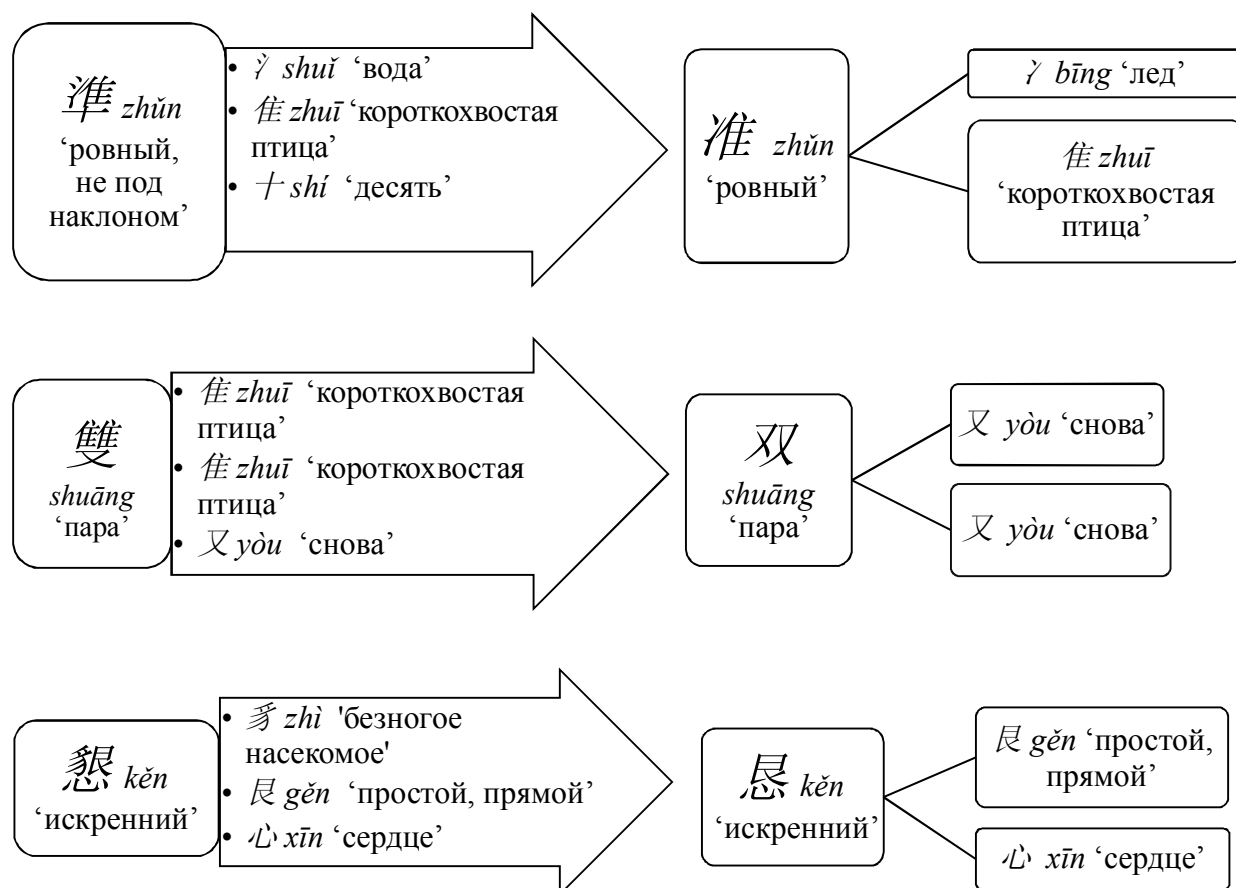


Рис. 3. Модель 3. «3→2»

Модель 4. «3→4»

При упрощении по данной модели в упрощенном иероглифе оказывается больше компонентов, чем в традиционном. В первом случае выпадают два компонента и добавляются три новых, во втором случае выпадает один и добавляются два новых компонента (рис. 4).



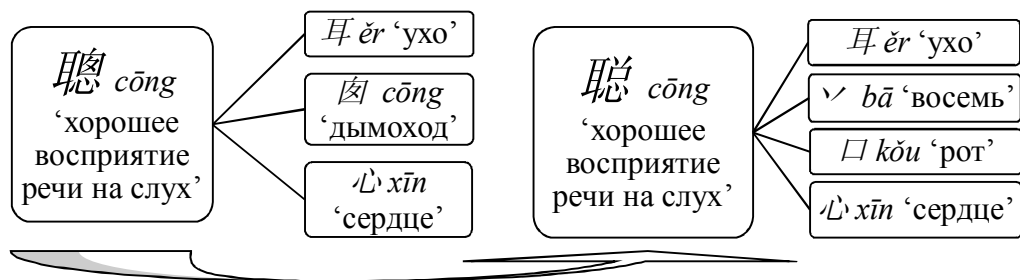


Рис. 4. Модель 4. «3→4»

Модель 5. «4→2»

Данная модель по количеству лексических единиц составляет 12 % от всех моделей. При ее упрощении в первом случае из четырехкомпонентного иероглифа выпадают три компонента и к нему добавляется один новый компонент, во втором – выпадают два компонента (рис. 5).

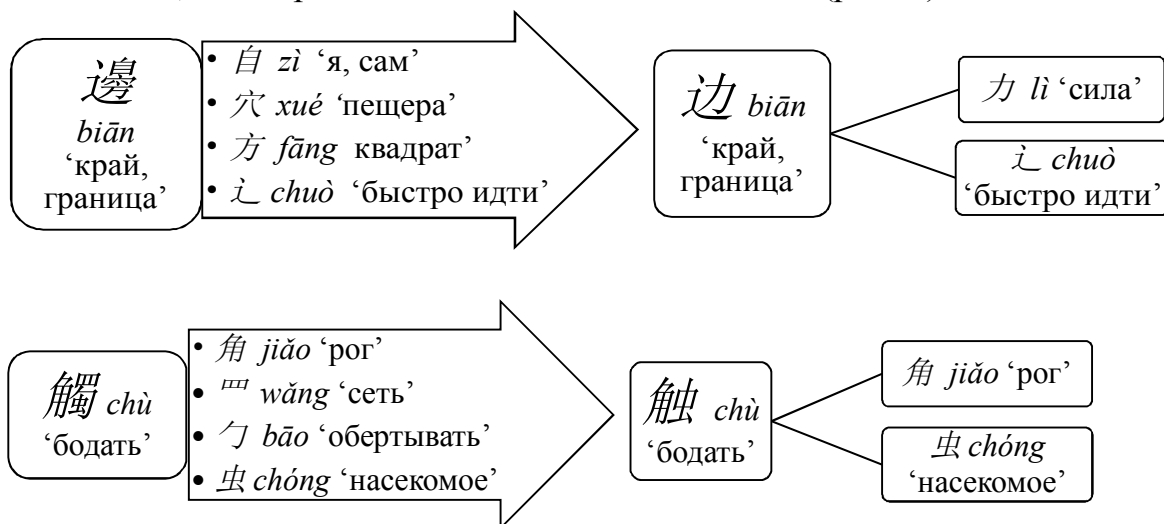
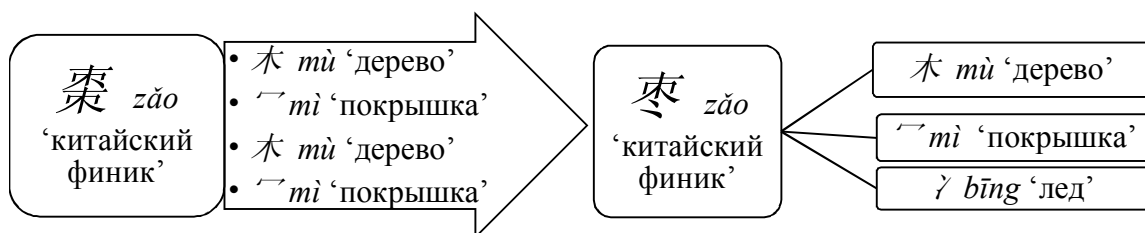


Рис. 5. Модель 5. «4→2»

Модель 6. «4→3»

Распространенность данной модели составляет 14 %, по количеству лексико-семантических подгрупп она занимает 13 % от всех моделей. При упрощении четырехкомпонентного традиционного иероглифа выпадает два компонента и добавляется один новый в первом случае, опускается один компонент во втором случае (рис. 6).



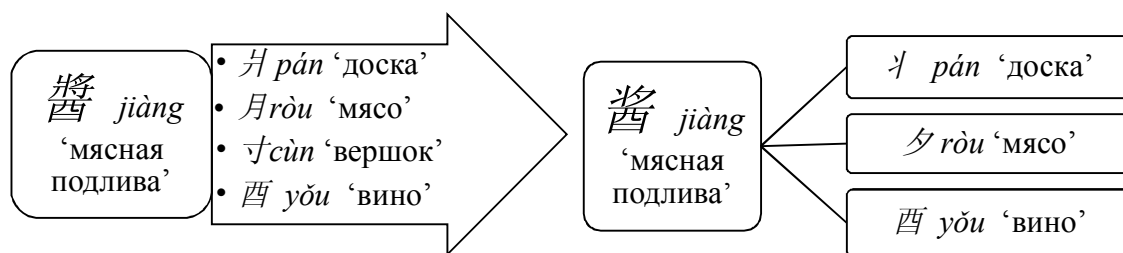


Рис. 6. Модель 6. «4→3»

Модель 7. «5→3»

Данная модель по количеству лексических единиц составляет 10 % от всех моделей. В первом случае в пятикомпонентном иероглифе выпадают два компонента, во втором – выпадают три и добавляется один новый, в третьем – выпадают четыре компонента и добавляются два новых (рис. 7).

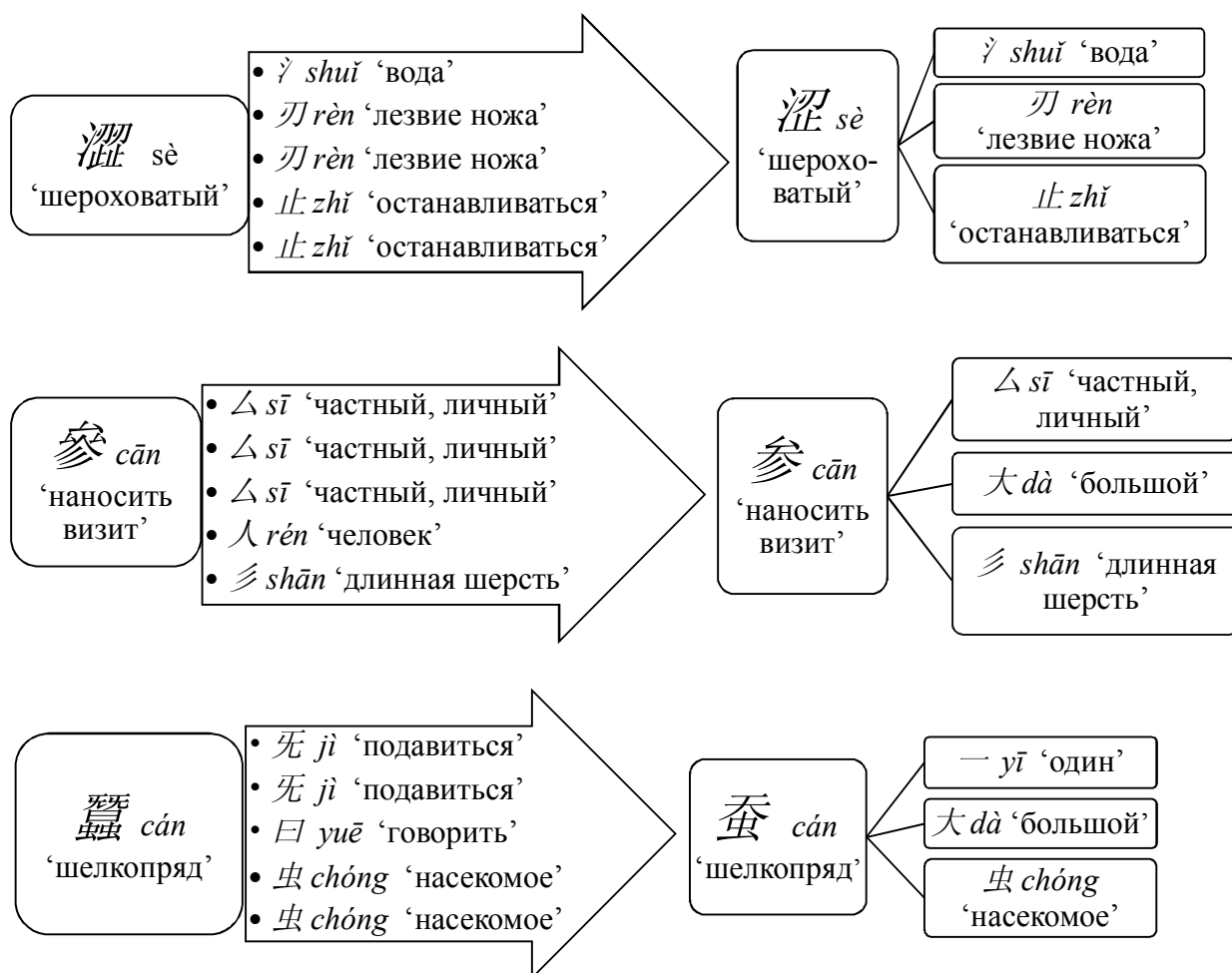


Рис. 7. Модель 7. «5→3»

Модель 8. «5→4»

Распространенность данной модели составляет 7 %, по количеству лексико-семантических подгрупп занимает 8 % от всех моделей. По данной

модели упрощения в пятикомпонентном иероглифе опускается один компонент в первом случае, выпадают два компонента и добавляется один новый во втором случае (рис. 8).

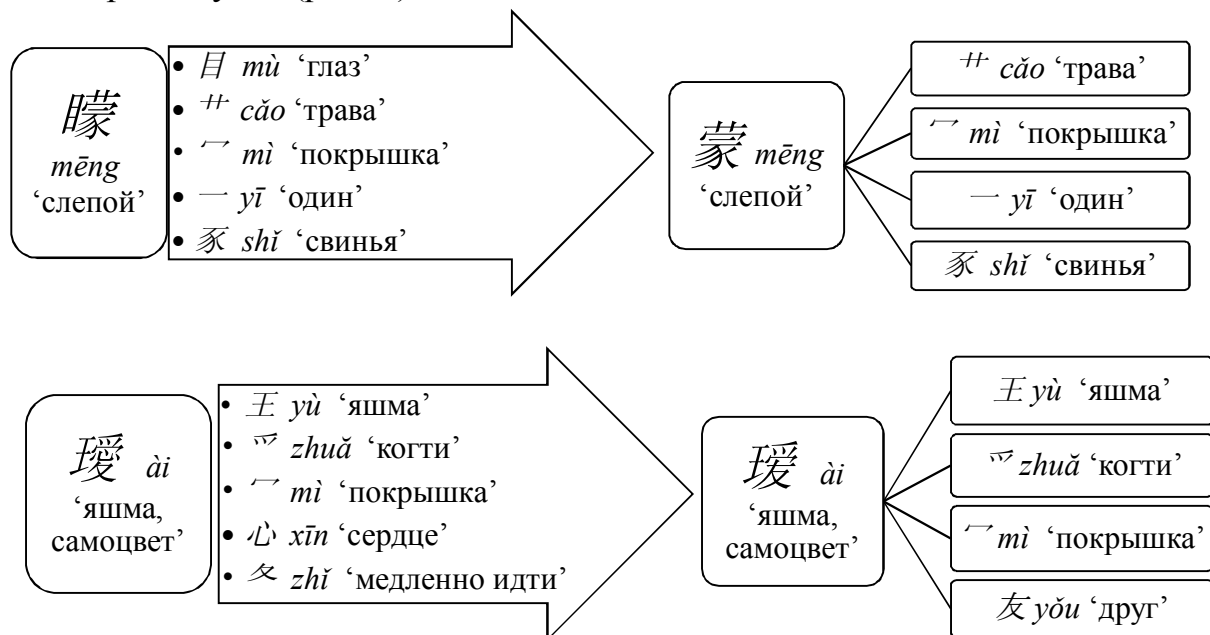


Рис. 8. Модель 8. «5→4»

Модель 9. «6→4»

Данная модель по количеству лексических единиц составляет 4 % от всех моделей. При упрощении шестикомпонентного иероглифа выпадают три компонента и добавляется один новый (рис. 9).

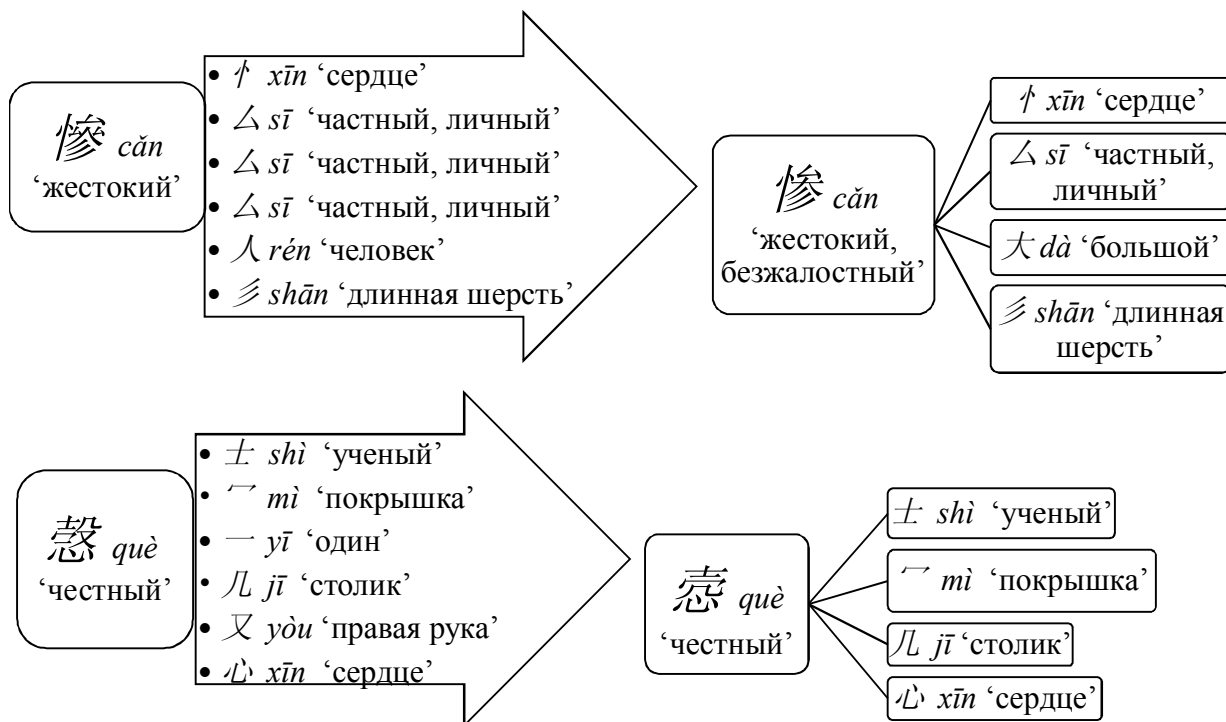


Рис. 9. Модель 9. «6→4»

Модель 10. «7→3»

Распространенность данной модели составляет 3 %, а по количеству лексико-семантических подгрупп она занимает 4 % от всех моделей. В семи-компонентном иероглифе опускаются четыре компонента (рис. 10).

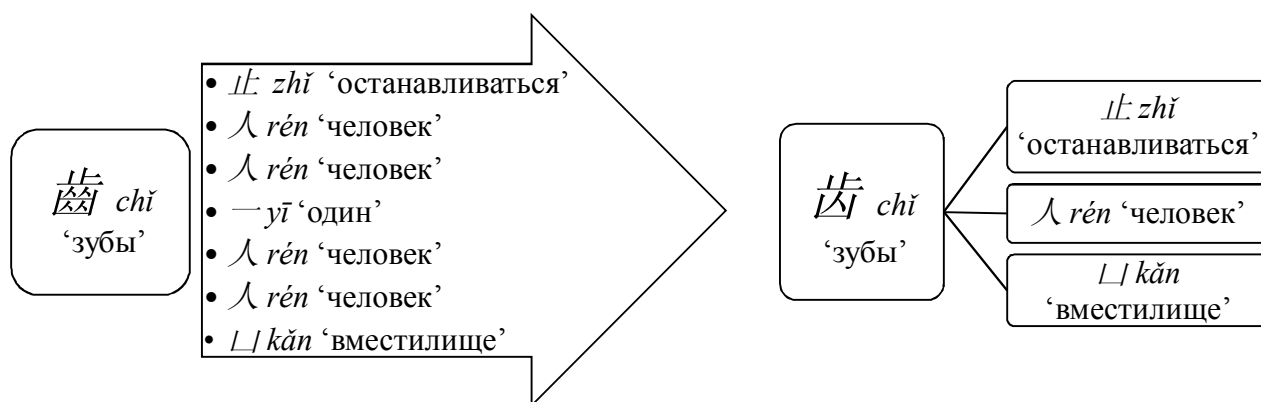


Рис. 10. Модель 10. «7→3»

Модель 11. «7→6»

Распространенность данной модели составляет 1 % и по количеству лексико-семантических подгрупп занимает 1 % от всех моделей. Семи-компонентный традиционный иероглиф утрачивает один компонент при упрощении (рис. 11).

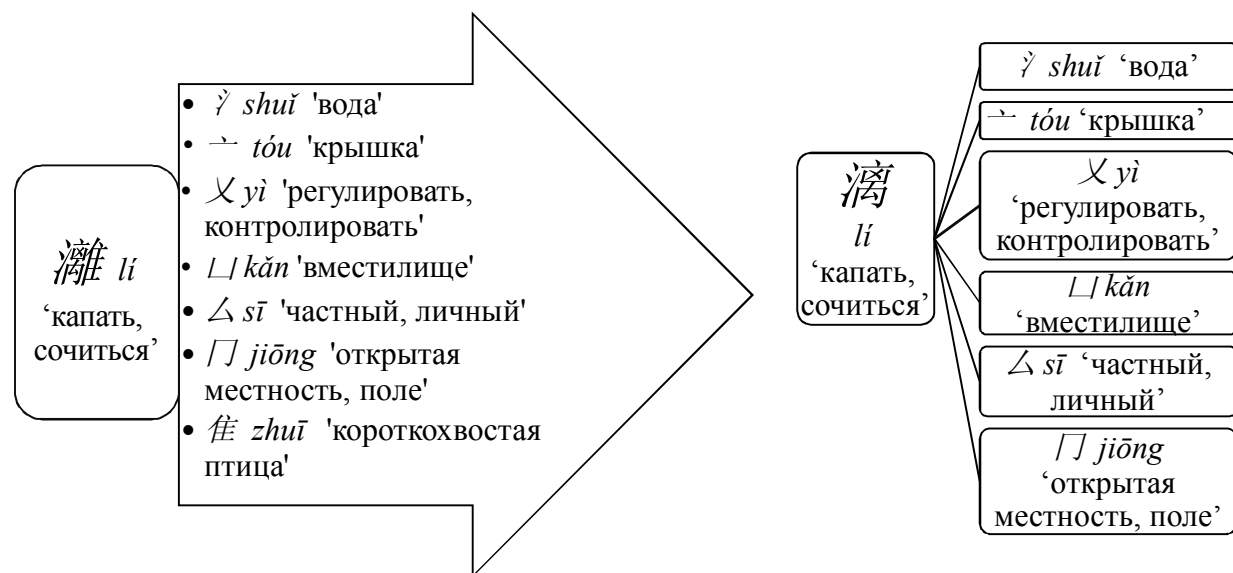


Рис. 11. Модель 11. «7→6»

Модель 12. «8→4»

Данная модель по количеству лексических единиц составляет 2 % от всех моделей. При упрощении из восьмикомпонентного традиционного иероглифа выпадают четыре компонента (рис. 12).

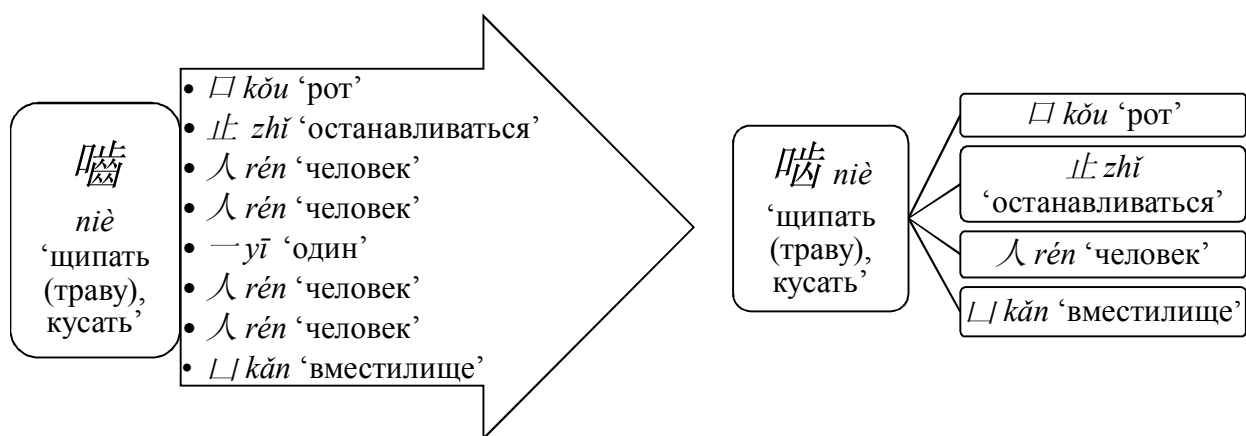


Рис. 12. Модель 12. «8→4»

Модель 13. «9→5»

Данная модель по количеству лексических единиц составляет 3 % от всех моделей и в рамках типов слов занимает 3 %. Из девятикомпонентного традиционного иероглифа при упрощении выпадают четыре компонента (рис. 13).

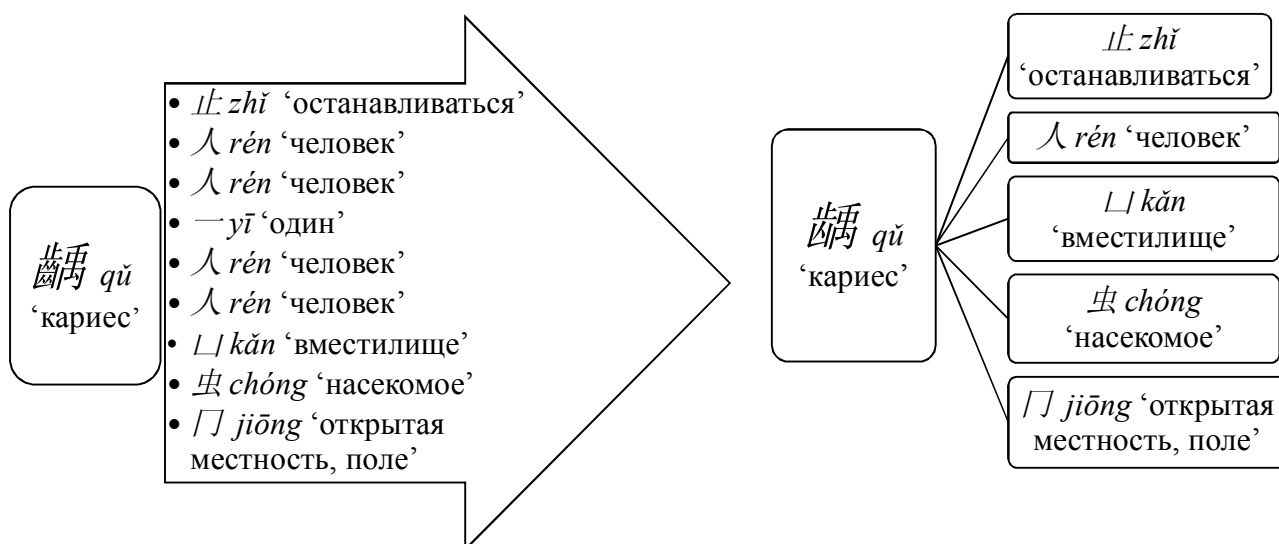


Рис. 13. Модель 13. «9→5»

Согласно полученным данным семантические сдвиги могут происходить путем добавления или опущения графем, репрезентирующих разные типы информации. Лексико-семантический анализ показал, что чаще всего опускаются графемы, обозначающие органы, части тела, кости, мышцы, тканевые покровы человека, продукты его жизнедеятельности (8 %), а также – животных и их части тела (7 %), сооружения, постройки и их части (6 %).

Самые частотные подгруппы группы глаголов (8 %) – «Межличностные контакты: вовлечение в контакты, поддержание контактов, уход от контактов», «Действия, совершаемые животными» (6 %).

Самая частотная подгруппа группы имен прилагательных составляет 16 % – «Характер – положительные черты характера».

Полученные данные помогут не просто усвоить отдельные традиционные и упрощенные иероглифы путем их сопоставления, но и понять закономерности упрощения традиционных иероглифов, в которых опускаются и добавляются новые или уже имеющиеся компоненты, и таким образом выделить значимые компоненты в традиционном иероглифе и распознать в нем знакомый упрощенный вариант.

Проведенный анализ двух типов иероглифических знаков китайского языка, а также их модификационных моделей позволил также сделать ряд серьезных научных выводов. В частности, построение иероглифического знака является следствием строго организованной деятельности познавательных и мыслительных механизмов человека, в результате чего графические элементы приобретают определенный выверенный вид и расположение относительно друг друга; процесс упрощения знака предопределен критерием релевантности квантов информации в разный период времени жизнедеятельности человека, что приводит как к уменьшению, так и увеличению компонентов иероглифа, а также к возможному одновременному действию обоих механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Луся. Китайско-русский учебный словарь иероглифов: учеб. пособие / Луся Ван, С. П. Старостина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2006. – 382 с.
2. Лян, Д. Структура китайской письменности / Д. Лян // Новое в зарубежной лингвистике: сб. науч. тр. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 22. : Языкознание в Китае: пер. с кит. – С. 334–362.
3. Молодых, В. И. Опыт типологического изучения современного китайского письма : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / В. И. Молодых. – М., 1987. – 180 л.
4. Полный список упрощенных и традиционных иероглифов [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://jijichacha.ru/wp-content/uploads/2013/04/list-simp-char.pdf>. – Дата доступа : 10.09.2016.
5. Софронов, М. В. Китайский язык и китайская письменность: курс лекций / М. В. Софронов. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 638 с.
6. Сторожук, А. Г. Введение в китайскую иероглифику: учеб.-справ. издание / А. Г. Сторожук. – 3-е изд., испр. – СПб.: КАРО, 2010. – 592 с.
7. 胡, 文华 汉字与对外汉字教学/文华胡. – 上海 : 学林出版社, 2008. – 257页= Ху, Вэньхуа. Иероглифы и методика обучения иероглифике студентов-иностранцев / Вэньхуа Ху. – Шанхай : Изд-во Сюелинь, 2008. – 257 с.

8. 王, 骏 字体位与对外汉语教学/骏王. – 上海 : 上海交通大学出版社, 2009. – 229 页= Ван, Цзюнь. Иероглифоцентризм и обучение китайскому как иностранному / Цзюнь Ван. – Шанхай : Изд-во Шанхайского ун-та коммуникаций, 2009. – 229 с.
9. 周, 健 汉字教学理论与方法/健周. – 北京 : 北京大学出版社, 2007. – 225 页= Чжоу, Цзянь. Теория и практическая методика преподавания иероглифики / Цзянь Чжоу. – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2007. – 225 с.

This research has been supported by 1) the Fundamental Research Funds for the Central Universities 2) the Social Science Foundation of Hunan Province, China (Grant No. 17YBA091)

The article provides a complex analysis of the constituents of the traditional characters of the Chinese language and their simplified versions. The composition of the subsystem of characters subjected to component changes is revealed, the lexico-semantic characteristics of lexical units are determined. The models of semantic shifts in the component composition of traditional and simplified variants of the characters are analyzed, on the basis of identifying the lexical-semantic properties, the types of components that are most often modified in the traditional Chinese characters are established.

Поступила в редакцию 22.06.18

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Годжаева Хатира Аваз кызы

ОБ ИНТОНАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ ДИСКУРСА
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен интонационный анализ дискурса на материале английского языка. Подчеркнута роль интонационных элементов дискурса, которые определяют его функциональные и семантические свойства, а также способствуют как восприятию, так и более полному осмыслению информации. Описывается, как язык используется его носителями, а также рассматриваются лексические и грамматические средства интонации. Для более детального раскрытия темы приводятся многочисленные примеры.

Носители языка или те, кто говорит на других языках, имеют возможность комбинировать фонемы в словах, а слова в предложениях, а также соединять предложения друг с другом и создавать большие синтаксические единицы. Знание языка сочетает в себе способность выражать более сложные мысли и идеи в связанных между собой предложениях, которые образуют текст или дискурс. Предметом же текстового анализа является то, как предложения структурированы в больших синтаксических единицах.

Основной задачей анализа дискурса является изучение того, как люди используют язык, а также как он действует. Анализ дискурса предполагает исследование таких речевых действий, как иллюстрация, запрос, похвала, объяснение, извинение, отказ и т.п. Функции, выполняемые речевыми действиями, могут быть явными и неявными. Например:

I advise you to see a doctor (совет, эксплицитное);

I would see a doctor if I were you (имплицитное).

Помимо лексических и грамматических средств, интонация также играет важную роль в формировании значения речевого действия. Фонетически речевые действия оформляются речевыми потоками. Здесь под речевыми потоками понимаются не слоги и ритмическая группа, а значимые единицы речи, которые больше, чем фонетические единицы. Эти потоки превышают предложение и называются клозами. Согласно мнению некоторых ученых, в предложении *Mary left the party because she was tired* есть 2 клоза: 1) *Mary left the party*; 2) *Because she was tired*. В предложении *Mary intended to leave the party* также есть 2 клоза: 1) *Mary intended*, 2) *to leave the party*. Здесь второй клоз (*to leave the party*) находится выше первого предложения и определяется в соответствии с ним. Но эти два клоза между собой настолько крепко связаны, что их можно рассматривать как речевой поток [1, р. 99–100]. В дискурсивном анализе некоторые лингвисты (например, Джеймс Пол Ги) предпочитают давать и анализировать звуки голосового

потока в расшифровке речи (форме поэзии). Он записывает историю, которую рассказывает ребенок, следующим образом: “*There was a hook on the top of the stair way and my father was pickin me up and I got stuck on the hook up there and I hadn’t had breakfast, he wouldn’t take me down until I finished all my breakfast cause I didn’t like oatmeal either*”.

Ниже текст в форме речевых потоков:

1_a *there was a hook*

1_b *on the top of the stairway*

1_c *and my father was pickin me up*

1_d *and I got stuck on the hook*

1_e *up there*

1_f *and I hadn’t had breakfast*

1_g *he wouldn’t take me down*

1_h *until I finished all my breakfast*

1_i *cause I didn’t like oatmeal either* [1, p. 100].

Чтобы изложить суть анализа этих речевых потоков или синтагм в английском языке нужно ввести такие понятия, как функциональные слова, слова содержания, информация, ударение, интонация, строки и положения (параграфы).

К словам содержания (*content words*) относятся основные части речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия. К этой «открытой категории» относятся многочисленные слова, которые используются для создания новых смыслов, формирования новых слов, а также заимствованные слова.

Функциональные слова (иногда они называются грамматическими словами) составляют относительно малочисленную категорию (можно сказать «закрытую» категорию), так как их количественно мало и они не создают новых слов. К единицам этой категории относят детерминанты (артиклы, указательные местоимения), разного типа местоимения (*he/him, she/her, himself/herself*). Грамматические слова взаимодействуют друг с другом в словосочетаниях, в клязах или предложениях.

Например, артикль *the*, выступающий в речи детерминантом, указывает на то, что полученная информация уже известна, а местоимения предварительно информируют об этом, сочетая имена существительные и комбинации имен с другими словами и т.п.

Таким образом, лексические слова как семантические единицы текстового дискурса отличаются от грамматических слов с точки зрения акцента и интонации. Другими словами, рассматриваемые слова выступают как носители новой информации.

Акценты и тон определяют степень информативности в семантике этих слов. Однако грамматические слова имеют слабую связь с интонацией и, как правило, они ситуационно-контрастные. Например:

I want to know where he is traveling to.

В этом предложении *to* является грамматическим словом и не имеет ударения. Ср.:

I 'don't want to know where he is travelling from.

I, want to, know where he is travelling to.

Поскольку в приведенных примерах грамматические слова являются ситуационно-контрастными, они характеризуются тоническим ударением и ударением на *from* и *to*. Таким образом, информация в английском языке подчеркивается ударением. В свою очередь, различные модели ударения определяют контур интонации речевых потоков.

Контуры интонации (модели) в английском языке формируются из структурных элементов интонации, а предложение формируется без ударения и с ударением на слоге. Внутренние контуры (модели) состоят из четырех основных элементов и отличаются друг от друга масштабом и ядерными тонами. Контуры, отличающиеся шкалой и ядерным тоном в контуре интонации, представляют одного из ораторов, предмет ситуации и модально-эмоциональные отношения. Главная особенность информации в английском языке сигнализируется изменением ядра и их ориентацией.

Рассмотрим образец дискурса с интонационной точки зрения.

Г о в о р я щ и й А: *Have you read any good books lately?*

Г о в о р я щ и й В: *Well, I read a shocking book recently.*

[Goes on to describe she book.]

Следует отметить, что носители английского языка в разговорной речи используют и слышат несколько степеней ударения. Ударение с физической точки зрения включает в себя ряд качественных и количественных элементов, в том числе увеличение объема и длины звука, звуки низкого тона в нисходящем движении, комбинации, которые встречаются в слоге слова.

При рассмотрении ответа говорящего В с точки зрения акцентов можно наблюдать следующее. Лексическая единица *well* (первое слово из ответа В) выполняет функцию связывания говорящего В с говорящим А. Она помогает координировать информацию между предложениями. Как следствие, здесь *well* имеет более низкую степень ударения и низкий тон голоса и громкости, чем другие единицы однозначных разрядов.

Второе слово в ответе В – местоимение *я* – характеризуется очень низкой точностью, низким уровнем шума и низким тоном. Поскольку слова *read* и *book* уже известны слушателю и несут в себе мало информации, они обладают низкой степенью ударения. Однако их степень ударения выше, чем у грамматических слов *well*, *I* и *a*. В этом ответе *shocking* действует как носитель новой информации, который неизвестен. Так как это слово представляет новую информацию, человек, произносящий его в предложении, делает акцент на ударение и тон. С выделением степени ударения этого слова увеличивается и высота голоса, тон голоса становится динамичным и плавным. Таким образом, в слове *shocking* плавность тона голоса указывает на центр интонации и единицу интонации. Слово *recently* в ответе В не является столь примечательным, хотя в вопросе А оно не упоминалось, но

было там обозначено как *lately*. Таким образом, это слово имеет такую же степень ударения, как слова *read* и *book*, а возможно, немного больше. Во многих случаях значение интонационно сосредоточено на последнем слове. Например, *This summer, Mary finished fifteen assigned books*. К данному предложению можно поставить вопросы, в ответах на которые интонационный фокус будет на слове *book*.

1. *Mary finished fifteen assigned what's? – Books.*
2. *What has Mary finished? – Fifteen assigned books.*
3. *What has Mary done? – Mary finished fifteen assigned books.*
4. *What happened?* (и на этот вопрос можно получить один ответ).

Интонационный фокус в процессе коммуникации зависит от контекста, в котором возникает вопрос. Например, выше было упомянуто, что местоимения являются грамматическими словами и не содержат заметной информации. В зависимости от контекста они могут принимать на себя интонационный фокус.

A: *Did Mary shoot her husband?*

V: *No, she shot your husband!*

В этом контексте новую и заметную информацию несет слово *your*. Имея контрастный смысл – *yours not hers* – произносится с высокой степенью ударения и также представляет фокус интонационной группы. Фонетические средства, при сопоставлении которых говорящий использует более сильное ударение, более драматическое изменение голоса и высоту голоса, называются эмпатическими ударениями.

Рассмотрим с точки зрения ударения, тональности и содержания упомянутую выше историю. Письменная форма дискурса представлена в виде стихотворения. Здесь слова с ударением подчеркнуты. В такую версию высказывания ребенка включена также дополнительная информация.

- 2^a *last yesterday*
- 2^b *when my father*
- 2^c *in the morning*
- 2^d *and he...*
- 2^e *there was a hook*
- 2^f *on the top of the stairway*
- 2^g *and my father was pickin me up*
- 2^h *and I got stuck on the hook*
- 2ⁱ *up there*
- 2^j *and I hadn't had breakfast*
- 2^k *he wouldn't take me down*
- 2^l *until I finished all my breakfast*
- 2^m *cause I didn't like oatmeal either*

В данном случае слова, за исключением некоторых грамматических и подчеркнутых слов, хотя и выполняют связующую роль, несут в себе новую информацию, а также выступают в качестве ударений и тональных носителей. Первая строка (2^a) содержит информацию о времени возникно-

вения события. Вторая (2^b) представляет главного героя – отца. Третья (2^c) дает информацию о первом событии. Четвертая строка (2^d) показывает задержку, колебание в разговоре ребенка. В пятой (2^e) – представлен крючок. Шестая строка (2^f) указывает, где находится крючок. Седьмая (2^g) – представляет движение крючка. Последующие строки также выступают в качестве заметных носителей информации. Здесь голосовой поток в разговоре ребенка совпадает с одним к्लозом и отличается от беседы пожилых людей тем, что способность раскодировки пожилых людей относительно сознательнее детского, поэтому отрезки их голосовых потоков относительно больше.

Таким образом, в зависимости от стиливых факторов отрезки голосовых потоков могут различаться в дискурсе [1, p. 107].

Анализ показывает, что лексические слова отличаются от грамматических слов смыслом значения и степенью информативности. Это различие, по-видимому, определяет возможность быть ударными и безударными в предложении, а также способность брать на себя центр интонационной группы. Задачей грамматических слов в процессе коммуникации является связывание их с лексическими словами или, скорее всего, их сближение. В то же время, поскольку грамматические слова часто повторяются в общении, они выступают в качестве носителя старой, уже известной слушателю информации. Эта особенность в процессе коммуникации влияет на ударение и распределение тональных элементов. Отметим, что лексические слова также повторяются в общении, и в этом случае в качестве носителя старой информации они остаются в стороне от ударения и тона.

Например, если в вышеупомянутом тексте – дискурсе ребенка – слова *my father* (2^b) и *hook* (2^e) выступают в качестве новых носителей информации и усиливаются элементами ударения – тона, то находясь далее в *and my father pickin me up* (2^g), *and I got stuck on the hook* (2^h) они остаются в стороне от ударения и тона.

Из этого можно сделать вывод, что в английском языке при анализе дискурса вместе с сегментными средствами, интонационные средства также играют важную роль в его понимании и восприятии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gee, J. P. Discourse analysis (theory and method) / J. P. Gee. – London ; N. Y., 1999. – 176 p.*

The article deals with the analysis of discourse at an intonational level in the English language. In the article an attempt is made to study the linguistic elements of discourse at an intonation level which determine their functional and semantic importance, as well as a better understanding of the information conveyed in the discourse.

Поступила в редакцию 05.07.18

**RADIAL, CHAIN AND MIXED POLYSEMY
IN POLYSEMANTIC WORDS IN ENGLISH**

В статье освещена проблема появления у слов в процессе развития лексической системы новых значений, описаны механизмы образования многозначности. Исследовано формирование радиальной и цепочечной полисемии, когда в первом случае вторичные значения вытекают из главного и непосредственно связаны с ним, а во втором – каждое новое значение напрямую связано с предшествующим. Тот факт, когда в одном и том же слове отмечены как радиальная, так и цепочечная полисемия, служит признаком смешанной полисемии, являющейся более продуктивной формой в английском языке. Примеры трех типов полисемии сопровождаются схемами, которые иллюстрируют особенности образования новых значений и связи между ними.

The deeper system which exhibits itself in the change of words actively in the system of language is considered the lexis field. In due courses, borrowings enter the lexis system, on the account of word forming possibilities of the language, new words appear in the language. Word forming and borrowing of new words always cause the enrichment of the word stock of a language. There are some other lexical units which don't enrich the word-stock of a language. These units are the words which exist in the language and in some of them a number of semantic changes take place as a result of change of meanings. Semantic change realizes the meanings of the word, different from the former meaning.

Semantic derivation forms the phenomenon of polysemy. The lexis unit of the language, having gained a new meaning either changes into a polysemantic unit, or as a polysemantic unit, it itself expands the circle of meaning.

In this respect facts on the features of expansion of the circle of meanings in the monosemantic and polysemantic words in the process of investigation, and on the specification of their quantitative characteristics are considered. There are languages which possess tendency to polysemy, while some others do not. For the analytic structure of the English language the phenomenon of polysemy is characteristic. In this language the language phenomenon of conversion or the possibility of transition of a word from one part of speech into another one is to a certain degree wider. This problem has been drawn to investigation by O. S. Akhmanova, V. G. Gak and others [1, c. 214–215; 2, c. 126].

In the English language along with an ordinary lexis polysemy, polysemy resulted by the formation on the influence of derivative units of other parts of speech have also widely spread. Discovery of the signs causing the development of the meaning, the features of impact of the process of transition into the other parts of speech, on the semantic word formation, now have turned to the problems which still more attract the attention of the investigators.

The polysemy phenomenon is investigated by the methods of seme, componential and comparative analyses. The direct denotative meaning of a word (semema) may possess, derivative nominative meaning, motivated connotative meaning including connotative meanings which lose the motivation or become motivated. Being so, specification of the development lines of the changes of meanings is of special importance.

The causes that polysemy and the phenomenon of polysemy take place are different. At the same time, which words acquire polysemy in the language depends on different factors.

It has not been determined yet in which of the parts of speech the circle of polysemantic words has still wider spread. The feature which is obviously seen is that the great number of articles or objects existing in reality causes for the formation of stills more polysemantic words. All these issues are of great importance for the both practical and theoretical investigation of polysemy.

In the development of lexis meaning, metaphorization is of great importance. We think that the transition of quality and signs onto different objects creates great possibilities. Time and place relations are also inclined to metaphorization. All these features show that development of lexis meanings towards polysemy should be studied from different directions.

One of the major factors in the relations among the meanings of a polysemantic word is semantic coordination. It is necessary to pay attention to the problem, while separating the initial and derivative meanings of the words. If a word possesses two meanings and if their initial, or the first meaning, including the derivative meaning or the second meaning are known to us, then the semantic coordination among the meanings, including the polysemantic development become clear.

If we take the consistency of the vocabulary meanings of the word *Booze* as a basis, the initial meaning will be ‘içgi’ (drinking). Narrowing in the semantics of the word has taken place (generally drinking) and a transition from gender to type (alcoholic drinking) has occurred. At present it bears the meaning of ‘alcoholic drinking’. And we mark this meaning with A_1 .

From the word *Booze* the derivative meaning of ‘A party with alcoholic drinking’ has derived from the word. The main coordinative seme is in its initial meaning and has taken place in the meaning of the word *drinking*. The derivative meaning has been derived from the main meaning. If we mark the meaning of ‘a party with alcoholic drinking’ with A_2 , we may show the scheme of semantic development of the polysemantic word as follows.



Booze n 1) a drunken; 2) beer pub, Out of these two meanings, the meaning of ‘drunkard’ is the initial meaning. The word which semantically is linked with a place, where alcoholic drinking takes place, later on gained a second meaning. Semantic relation has been set up on the meaning of drinking (alcoholic). If we include its changeable meaning and mark it with B_1 , but the derivative meaning with B_2 we can give the meaning development of polysemy as follows.



In the English dialect the word *brooze* is also used in the meaning of ‘a lead deposit’. At first sight it is impossible to see a semantic relationship between the word *booze* and this meaning. But there exists such a relation. The worker, working in the lead deposit have to breathe the air mixed with heavy components of the lead metal which results with headache or dizziness among the workers working in this deposit. Alcoholic drinking has also the similar influence or effect on those, who receive alcoholic drinking. Namely, semantic relation is explained by the case, which appears as a result of participation in the process at a certain place.

Bakery n 1) baker’s shop; 2) the profession of a baker [3, s. 143]. Relations between these meanings have been set up on the meaning of ‘bread’. The first meaning is an initial meaning and can be conditionally marked with (C₁) but the second meaning with (C₂) a derivative meaning.



The semantic analysis of the polysemantic words having two meanings show that on the basis of the initial meaning, a derivative meaning is formed.

The relationship between the initial and derivative meanings is built up on the leading seme of the main meaning and the main direction of the development of the meaning is directed from the main meaning towards the derivative meaning.

Now, let’s continue the analysis among the words, having three meanings.

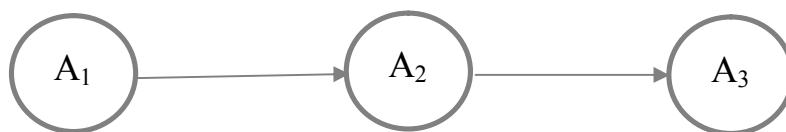
The word **babble** n 1) child’s babble; 2) nonsense, idle talk; 3) understandable speech, noise [Ibid, s. 135].

The first meaning has been taken from understandable speech of a child at the early days of saying something which is understandable. The second meaning, being different from the first one expresses the speech which is understandable, but though the speech is understandable it is considered as something unimportant. Just from this meaning the derivative meaning ‘nonsense’, ‘absurd’, ‘idle talk’ has been formed. The third meaning expresses both the understandable state of the speaker, and understandable noises mixed with one another. So, we may conditionally mark the first or the initial meaning with A₁, the second meaning with A₂ and the third meaning with A₃.

The fact that the second meaning derives from the first one is linked with the importance of the speech. Even if a child speaks in his/her native language, what he/she says is unknown, absurd. The meaning of nonsense from the view of importance possesses the similar meaning. Namely the speech of the addressee does not bear any importance for the listener.

The third meaning is explained by ‘understandable speech’ or ‘noise’. Between these two explanations, certainly there are both similarity and difference. The similarity of meanings lies in the fact that between the ‘understandable speech’ and ‘noise’ there is similarity. But talking “nonsense”, “absurd” is a

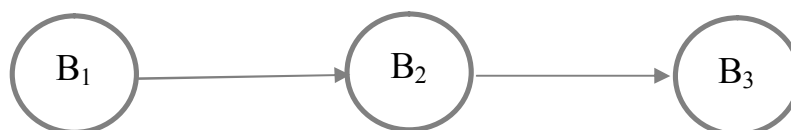
speech which is linked with the meaning of speech, which is not proper or correct. If we approach the semantic relation from this view point, it is possible to say that the third meaning has derived from the second meaning.



It is necessary to note in the bilateral or translation dictionaries in the explanation of the meaning there takes place a certain freedom of translation. Here mentioning of the possible meanings in the object language is taken as a basis. But in the explanatory dictionaries, the demand of exact revelation of the meanings of the words is leading. From this view point it is also possible to study or analyze to what degree the introduction of the meaning of the word as ‘noise’ is correct.

The word **bare** v means 1) to make naked; 2) to reveal; 3) to empty [3, s. 154]. The second meaning has derived from the first meaning. The action explains the revelation or discovery what is hidden. The meaning of ‘making bare’ is also such a process. The different feature lies in the fact that there is no notion of constituency of the meaning of ‘making bare’ till the end. In the meanings of ‘revelation’ it does not become clear to what degree revelation of the problem is meant.

The third meaning can be explained by one or by several meanings of the Azerbaijani word *boşaltmaq* (to empty). In all the cases the meaning of ‘açmaq’ (to open) is strong with semantic relations. If we mark the meaning of the word *bare* with B₁ and the second meaning with B₂ and the third meaning with B₃ then we may show the scheme of polysemantic word, possessing three meanings as follows.

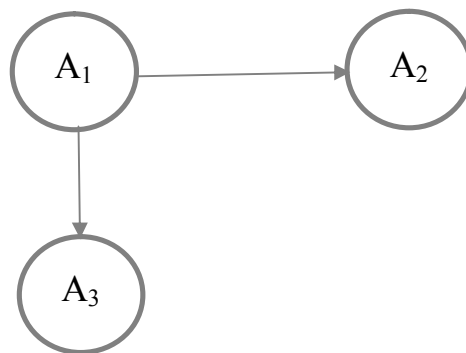


In the analyzed polysemantic words possessing three meanings from the initial meaning the first derivative meaning and from the first derivative meaning the second derivative meanings are formed. The derivation of meanings in this way is called chain polysemy.

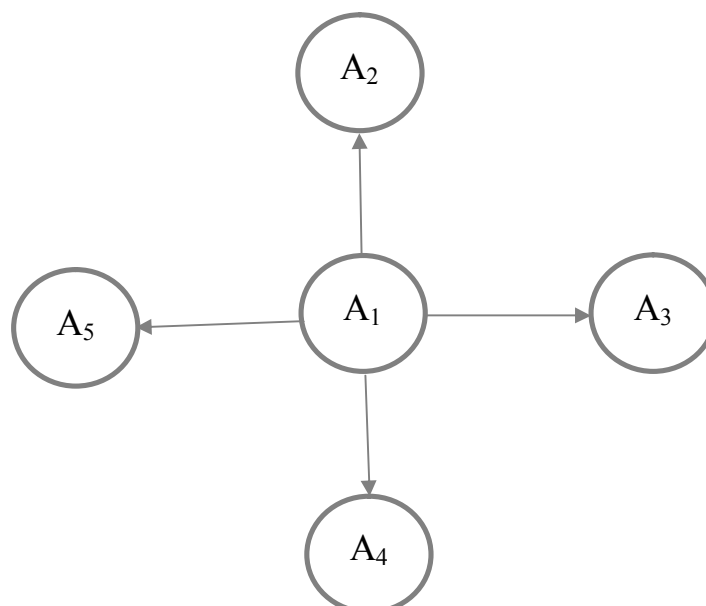
The chain polysemy is possible not only for the words possessing three meanings, but also for the words, possessing more than three meanings. The fact that derivative meanings systematically derive from one-another, is one of the types of polysemy.

Barrack 1) kazarma (barrak); 2) a hut; cabin 3) an attic [Ibid, p. 153]. In the semantics of this word-a location for dwelling is the main meaning. At the same time there are the semes of meanings linked with discomfort or smallness of the place to live. The second and the third meanings have possessed the relations with the first meaning. Semantic relation with the third meaning is farther, because if in the first and the second meanings the dwelling place has a basic meaning, in the

third meaning the meanings of keeping close, to hold, to protect show themselves as the semes. Despite the farness of the meaning, both derivatives have been formulated on the basis of the first meaning.



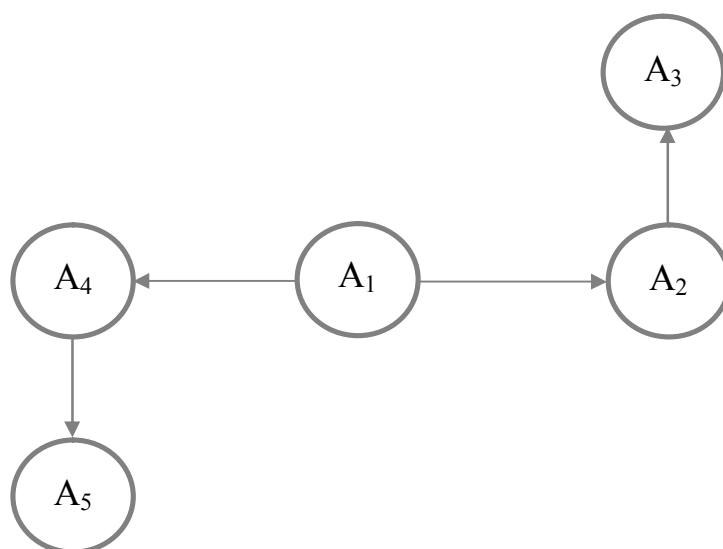
When the number of meanings of a polysemantic word is many, it is possible that all these meanings might derive from the first meaning. In this case in the radial polysemy the number of derivatives from the main meaning is equal to the number of other meanings with the exception of the main meaning. While drawing up the schemes of the mentioned cases, it is possible to achieve an imaginary determination of the directions of derivation, because each derivative meaning is related to the main meaning and the development direction of the meaning is directed from the main meaning to the derivational meaning. The fact that radical polysemy is the initial polysemy finds its affirmation by the fact of derivation of the second meaning from the first one, namely from the initial meaning. In the radial polysemy each of further derivation too is directly related to the main meaning. As the number of meanings increases, the derivational meanings keep apart and grow farther from the main meaning. Often, it is more difficult to prove the relationship of derivational words with the words which possess more meanings in number. The number of derivational meanings of radical polysemy (T_n) in all meanings (N) is one number less ($T_n = N - 1$). For e.g. if a word has 5 meanings, the remaining 4 meanings may derive from the first meaning.



The Polysemy in which the derivative meanings are fitful to the first meaning from which they are derived, it is called radial polysemy.

Thus, the chain and radial types of polysemy are different from one-another. The analyses of different polysemies show that the radial and chain polysemies represent themselves in the meaning development of one and the same word. Such polysemy is called a mixed type of polysemy.

Mixed polysemy may have different model types and such differentiation of models depends on the semantic relationship of newly-formed meanings, having derived from derivational meaning. When we say on the existence of different models of mixed type of polysemy, we mean the distribution of radial and chain polysemy in different branches of meaning constituency. In the scheme, indicated below, a possible model of mixed type of polysemy has been demonstrated. If in this model $A_1 \rightarrow A_2$; $A_1 \rightarrow A_4$; $A_2 \rightarrow A_3$; $A_4 \rightarrow A_5$; $A_1 \rightarrow A_4 \rightarrow A_5$; $A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow A_3$ indicates branches of meanings in chain polysemy, $A_1 \rightarrow A_2$ and $A_1 \rightarrow A_4$ shows the radial polysemy structure. In one and the same word the fact that both radial and chain polysemy exist as a whole they set up a mixed type of polysemy.



Now, let's consider concrete example belonging to mixed polysemy.

Glass 1. n 1) a hard, usually transparent, substance used, for example, for making windows and bottles; 2) a container made of, used for drinking out of glass; 3) the contents of a glass; 4) objects made of glass, for example: We keep all our glass and china in this cupboard; 5) a protecting cover made of glass on a watch, picture or photograph frame, fire alarm; 6) glasses or formal spectacles; a weather glass; 7) a mirror; 8) a barometer. 2. v 1) to hit sb. in the face with a glass; 2) to cover sth. with a roof or wall made of glass.

In this example chain polysemy shows itself in the first, second and third meanings, but in the radial polysemy *glass* exhibits the fourth, fifth, sixth, seventh and the eighth meanings. Generally in the word *glass* mixed type of polysemy is determined. We should also note the fact that mixed type of polysemy is more widely spread in the English language.

Thus, investigation shows that as a result of determination of development of the main and derivative meanings of the polysemantic word, it is possible to distinguish the radial, chain and mixed type of polysemy.

REFERENCES

1. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа / В. Г. Гак // Язык как средство трансляции культуры. – М. : Наука, 2000. – 311 с.
2. Гатиатуллина, З. З. Сравнительная типология лексических систем английского и татарского языков (на материале словообразования) / З. З. Гатиатуллина. – М., 1982. – 106 с.
3. İngiliscə-Azərbaycanca lüğət / V. S. Ərəbov, Ş. B. Məmmədova, L. M. Süleymanova, İ. Z. Əliyeva. – Bakı : Adiloğlu, MMC, 2012. – 1360 s.

Polysemy is a widespread problem in the English language. English is richer with lexical and lexico-grammatical polysemantic words than many other languages. There are three types of polysemy: radial, chain and mixed. The polysemy in which the new meanings are derived from the first meaning is radial polysemy. In the chain polysemy derivative meanings are systematically derived from one another. The analysis of different polysemies shows that the radial and chain ones are represented in the meaning development of one and the same word. Such polysemy is called a mixed type polysemy.

Поступила в редакцию 30.05.18

Е. Б. Карневская, К. П. Репина

КРИТЕРИИ НАДЕЖНОСТИ ПЕРЦЕПТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧЕВОЙ ПРОСОДИИ

Статья посвящена проблеме восприятия просодических характеристик фразы. Перцептивная инвариантность просодических структур реализуется через высокую степень согласованности аудиторов в определении локализации и распознавании элементов просодической структуры фразы. Вариативность восприятия просодии трактуется как объективно обусловленное и в этом смысле неизбежное явление по ряду причин. В результате экспериментального исследования установлены наиболее перцептивно устойчивые и вариативные элементы фразы, а также объективные причины константности и вариативности в восприятии фразовой просодии.

Восприятие устной речи вызывает интерес исследователей в различных областях науки. В лингвистике, в частности в фонетике, эта проблема занимает особое место в силу неразрывной связи между порождением и восприятием звука. Существование особого раздела фонетических исследований – перцептивной фонетики – отражает значимость процессов восприятия и их закономерностей для создания фонологико-фонетического описания языка и формирования общеречевых и собственно фонетических навыков у индивидуумов.

Исследования рассматриваемого направления [1–4] подтвердили зависимость восприятия сегментных единиц от системной организации фонетического строя языка. В то же время остаются недостаточно раскрытыми такие вопросы, как восприятие аллофонических звуковых модификаций, не имеющих смысловозначительной функции, идентификация индивидуальных особенностей продуцирования речевых единиц, а также распознавание отклонений от нормативных фонетических реализаций в речи билингва. Названные вопросы с полным основанием могут быть отнесены не только к сегментным характеристикам, но и к речевой просодии. При этом, в отличие от сегментной подсистемы, в просодии (интонологии) не получил окончательного решения вопрос идентификации базовых единиц.

Сложность анализа восприятия просодии по общему признанию объясняется субъективной природой перцептивных процессов, с одной стороны, и объективной вариативностью просодических характеристик речи, с другой. Последняя, со всей очевидностью, может быть раскрыта только в соотношении с константностью [5], т.е. через взаимодействие двух противоположных тенденций, определяющих дистрибуцию, реализацию и идентификацию фонетических явлений и единиц.

Восприятие речевой просодии, составляющее часть ее анализа и описания, неотделимо от просодического транскрибирования как конвенциональной системы отражения и регистрации перцептивных просодических характеристик. Решение этой методологической задачи непосредственно связано со степенью изученности просодии конкретного языка [6–9] и концепциями, принятыми в ее интерпретации, поскольку транскрипция есть не что иное, как способ моделирования просодической организации высказывания, и эффективность модели, как известно, обусловлена существенностью лежащих в ее основе признаков.

Исключительно важную роль просодическое транскрибирование приобретает в условиях классного билингвизма при овладении интонацией иноязычной речи. Целесообразность и результативность его применения зависят от достоверности интонационной разметки, предлагаемой студенту в качестве опоры для имитации и воспроизведения речевых моделей. Поиск критериев доказательства надежности транскрибирования явился целью обсуждаемого в статье экспериментального исследования.

Для проведения эксперимента было отобрано 50 аутентичных диалогов обиходно-бытового и нейтрально-делового стиля реализованных в студийных условиях профессиональными дикторами-носителями английского произносительного стандарта [10]. По оценке информантов-носителей языка, речь говорящих характеризовалась как максимально приближенная к разговорной. Объем экспериментального материала и количество носителей языка, участвовавших в записях, обеспечили его достаточную представительность и разнообразие с точки зрения используемых просодических структур и их вариантов.

Начальным и одновременно центральным этапом исследования был аудитивный анализ с целью получения просодической транскрипции экспериментального материала. Методика осуществления транскрибирования апробирована в многочисленных работах, выполненных в течение последних десятилетий, в том числе в исследованиях минской фонетической школы. [11; 12] Подчеркнем, что в используемой нами модели транскрибирования дискретизация параметровых признаков соответствует современному представлению о значимом контрастировании в разных просодических подсистемах [13].

С целью сопоставления полученных индивидуальных вариантов просодической транскрипции был проведен количественный и качественный анализ совпадений/несовпадений в восприятии аудиторами двух основных категориальных признаков просодической организации речи: внутрифразового синтагматического членения и акцентно-мелодической структуры. В процессе обобщения аудиторских протоколов степень согласованности данных оценивалась как высокая при 80–100 % совпадений, как средняя – при 60–79 % и как низкая – при 0–59 % совпадений.

Случаи несовпадений в аудиторской идентификации просодической структуры были далее проанализированы на акустическом уровне для выявления объективных причин недодифференциации необоснованного отождествления интонационных единиц. С помощью программы Praat были измерены уровневые значения ч.о.т., относящиеся к фразе/синтагме в целом и к отдельным элементам просодического контура, а также установлены временные характеристики предстыковых слоговых последовательностей.

Сравнение данных по первому из названных выше аспектов просодической организации фразы – просодическому членению – показало, что градация типов внутрифразовой сегментации существует не только «теоретически», умозрительно, но и реально различается на уровне восприятия. Более того, соотношение частотности и дистрибуции типов синтагматического членения практически совпадает у аудиторов (рис. 1).

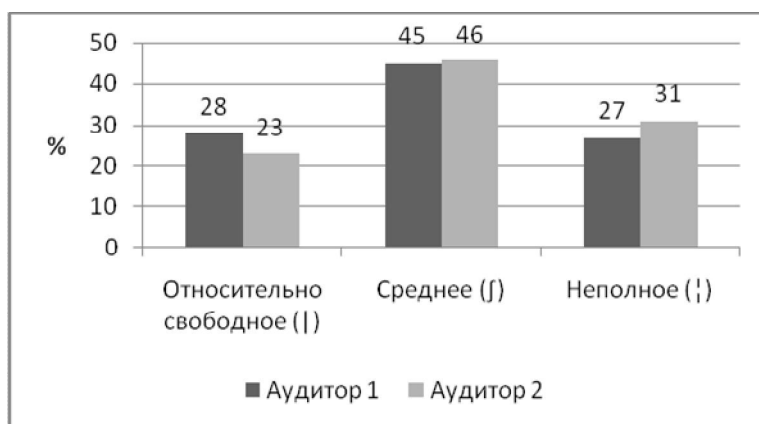


Рис. 1. Частотность типов членения у аудиторов, %

Случаи расхождений в слуховой оценке затрагивают отдельные типы членения, в первую очередь, так называемый промежуточный или неполный синтагматический стык, что представляется естественным, ввиду свойственной ему недостаточной выраженности признаков разрыва («перелома») речевой цепи. Как правило, неоднозначная идентификация промежуточного членения свидетельствует о неуверенности аудитора в наличии членения как такового, т.е. разногласия между аудиторами состояли не в выборе типа членения, например между (|) или (|), а именно в выборе между (|) и отсутствием членения вообще.

Одной из причин рассматриваемого несовпадения в перцептивной идентификации просодической структуры может быть разная оценка степени автономизации семантически важных элементов в высказывании, например:

Аудитор 1: *What 'time | have I | got to | get there?;*

Аудитор 2: *What ^time have I ^got to ^get there?.*

Решение о правильности, т.е. большей точности, первого или второго перцептивного варианта (при их несомненном общем сходстве) могло быть принято только на основе адекватной интерпретации акустических характеристик.

Анализ фразы *What time have I got to get there?* (рис. 2), выявляет объективные признаки наличия просодической сегментации. Это, прежде всего, заметное изменение уровня ч.о.т. на предстыковой акцентной единице *time*. Вместе с тем локализация падения ч.о.т. в пределах среднего регистра голосового диапазона и, как следствие, недостаточно низкий конечный уровень падения, контрастирующий с нижним уровнем ч.о.т. второго, ядерного, падения, а также в целом небольшое увеличение длительности предстыковых слогов (74 % от их длительности в аналогичной позиции, где показания аудиторов по признаку локализации и типа членения совпали), являются предпосылками для трудности распознавания сегментации и отождествления кинетического тона (^m) со скольжением (^ m) как частью шкалы в данной фразе.

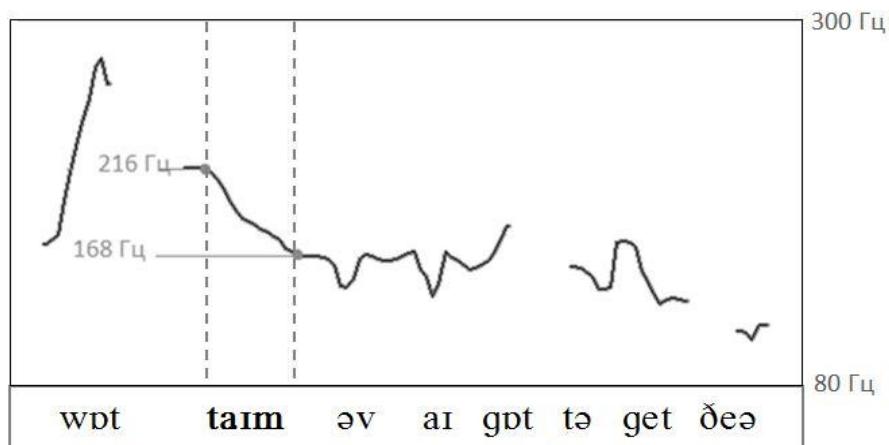


Рис. 2. Кривая изменения ч.о.т. во фразе *What time have I got to get there?*

Распознавание наличия/отсутствия синтагматического членения различалось в нескольких случаях во фразах со словом *please* в финальной позиции, как, например, в приведенной ниже фразе.

Аудитор 1: *I'd like to book one for next Friday, please.*

Аудитор 2: *I'd like to book one for next Friday, please.*

Более точным по объективным характеристикам (рис. 3) является восприятие наличия сегментации (вариант 1), поскольку начало подъема на слове *please* значительно выше конечного уровня падения ч.о.т. на акцентной единице *Friday* (139 и 101 Гц соответственно), что не позволяет отождествить сочетание падения и подъема ч.о.т. в последовательности *Friday, please* с разделенным нисходяще-восходящим тоном. Более того, между этими словами имеется физическая пауза (51 мс).

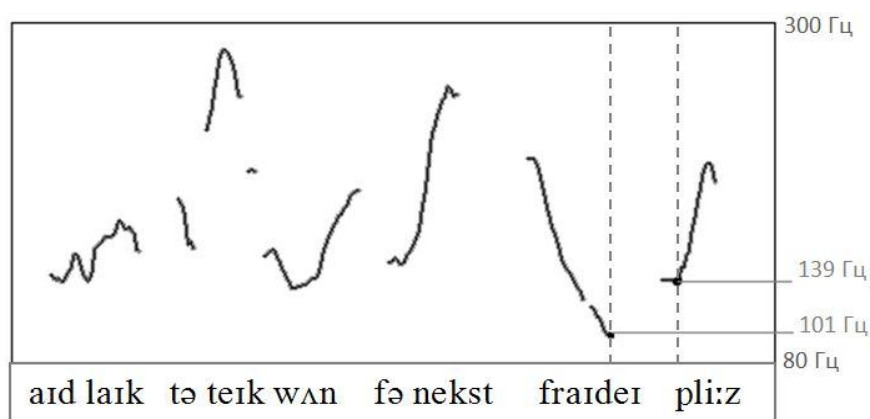


Рис. 3. Кривая изменения ч.о.т. во фразе *I'd like to book one for next Friday, please.*

Второй аспект просодической организации высказывания – высотно-мелодический (тональный) – так же, как и внутрифразовая сегментация, в целом отличается высокой вероятностью однозначной перцептивной идентификации. Из табл. 1 и 2 видно, что распознавание высотно-тональных акцентов у аудиторов характеризуется высокой степенью совпадения по показателю локализации первой акцентной единицы, типа высотно-мелодического изменения на этом участке и общего количества выделенных элементов в шкале и средней степенью – по идентификации типов слоговыделенности на этом участке.

Т а б л и ц а 1

Восприятие тональных акцентов в предъядерной части контура, %

Признаки сопоставления	Первый полноударный слог		Ударные слоги в шкале, начиная со второго	
	Локализация	Тип	Количество	Тип выделенности
совпадение	95	86	81	63
несовпадение	5	14	19	37

Восприятие ядерного тона, %

Признаки сопоставления	Локализация	Тип	Высотно-диапазоная разновидность
совпадение	95	89	80
несовпадение	5	11	20

К наименее частотным относятся несовпадения между аудиторами в идентификации локализации ядерного тонального акцента. Они чаще всего встречались в тех фразах (синтагмах), где последняя акцентная единица, носитель главной информации, содержала семантико-морфологические предпосылки для неоднозначности в определении наиболее выделенного слога. Примером может служить морфологическая структура финальной акцентной единицы, содержащей двухсложное сложное слово (типа *weekend*) или сочетание семантически связанных односложных слов, допускающих локализацию ядерной выделенности на любом из двух слогов без какого-либо заметного сдвига в интерпретации коммуникативного фокуса высказывания. Например:

Аудитор 1: [^]*Do you 'go to the sea-front?*

Аудитор 2: [^]*Do you 'go to the sea-front?*

Безусловно, главным основанием для неоднозначности восприятия было значительное сходство просодических признаков двух смежных элементов, прежде всего, по высотно-регистровым характеристикам. Кроме того, важно подчеркнуть роль коммуникативно-семантической антиципации в слуховом восприятии, когда мы слышим то, что хотим (ожидаем) услышать.

Достаточно часто при распознавании тонального контура наблюдалось неразличение разделенного варианта нисходяще-восходящего тона и низкого восходящего тона в сочетании с высокой ровной или скользящей шкалой ([^]*m / m* ↔ [^]*m / m*). Их объективное фонетическое сходство и трудность их слухового разграничения отмечалась еще Р. Кингдоном [14, р. 49], который ввел термин *skeleton fall rise* для структуры второго типа. Аналогичным образом смешивались при восприятии близкие по расстоянию в голосовом диапазоне и характеру изменения тона структуры, такие как ровный терминальный тон (>*m*) и средний восходящий тон узкой разновидности (*/m*).

Аудитор 1: *I'd 'like to travel' 'first 'class, please.*

Аудитор 2: *I'd 'like to travel' 'first 'class, please.*

Аудитор 1: *The 'daily rate' is £23 ('twenty >three 'pounds)...*

Аудитор 2: *The 'daily rate' is £23 ('twenty three 'pounds)...*

Результаты исследования полностью подтвердили предположение о том, что восприятие речевой просодии как часть перцептивной базы языка непосредственно связано с продуцированием просодических единиц и структур и оба аспекта процесса устной речевой коммуникации обусловлены

фонетической системой языка и ее просодической подсистемой. Было установлено, что константное ядро восприятия образуют наиболее существенные, т.е. лингвистически нагруженные элементы просодического контура, к которым несомненно относятся членение, локализация акцентной выделенности, тип высотно-мелодического изменения. Основой совпадений в аудиторских данных является, в о - п е р в ы х, универсально-типологическая связь просодических категорий сегментации и выделенности с когнитивно-лингвистическими признаками смысловой связанности и маркированности и, в о - в т о р ы х, опора на идентичные эталоны в силу идентичности «школы», т.е. принципов обучения просодии английского языка и критериев оценки достоверности идентификации и качества воспроизведения иноязычных структур.

Выявленные тенденции в восприятии просодической структуры фразы позволяют утверждать, таким образом, что когнитивно-коммуникативный речевой опыт слушающего и его индивидуальная база знаний о форме и функциях просодических единиц активно структурируют его восприятие. В самом широком плане воплощением постулируемых принципов является установление зависимости различий в распознаваемости реализаций просодических единиц и их вариантов в речи от их статуса и функциональной нагруженности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джапаридзе, З. Н.* Перцептивная фонетика: основные вопросы / З. Н. Джапаридзе. – Тбилиси : Мецниереба, 1985. – 118 с.
2. *Чугаева, Т. Н.* Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Т. Н. Чугаева. – СПб., 2009. – 346 л.
3. *Штерн, А. С.* Перцептивный аспект речевой деятельности : экспериментальное исследование / А. С. Штерн. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1992. – 270 с.
4. *Pierrehumbert, J.* The Phonology and Phonetics of English Intonation / J. Pierrehumbert – Boston : M.I.T. Press, 1980. – 402 p.
5. *Торсуев, Г. П.* Константность и вариативность в фонетической системе / Г. П. Торсуев. – М. : Наука, 1977. – 125 с.
6. *Карневская, Е. Б.* Восприятие фразовой просодии и просодическое транскрибирование / Е. Б. Карневская // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2011. – № 6 (55). – С. 65–72
7. *Оде, С.* Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов / С. Оде // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: к 70-летию проф. Л. В. Бондарко : сб. науч. ст. / СПбГУ ; под. ред. Н. К. Вольской, Н. Д. Светозаровой. – СПб., 2002. – С. 209–215.
8. *Pierrehumbert, J.* Tonal Elements and their Alignment / J. Pierrehumbert // Prosody: Theory and Experiment : studies presented to Gosta Bruce / ed. by M. Horneo. – Dordrecht : Kluwer Academic Publ., 2000. – P. 11–36.

9. *Silverman, K.* TOBI: A Standard for Labeling English Prosody / K. Silverman [et. al.] // Proc. of the 2nd Intern. Conf. on Spoken Language Proc., Banff (Canada), Oct. 13–16, 1992. – Banff, 1992. – P. 867–870.
10. *Ockenden, M.* Situational Dialogues / M. Ockenden. – Rev. ed. – London : Longman, 2005. – 96 p.
11. *Насонова, Т. М.* Индивидуальное варьирование в просодическом членении английской фразы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. М. Насонова. – Минск, 2006. – 145 л.
12. *Рускевич, Л. В.* Взаимодействие просодических и лексико-семантических средств в выражении экспрессивности в современном английском языке : (экспериментально-фонетическое исследование) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Рускевич. – Минск, 2013. – 160 л.
13. *Crystal, D.* Prosodic Systems and Intonation in English / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 390 p.
14. *Kingdon, R.* Groundwork of English Intonation / R. Kingdon. – London : Longmans Green, 1958. – 272 p.

The article is concerned with the problem of speech perception in general and utterance prosody perception in particular. The study reveals the most perceptually stable and variable elements of the prosodic structure of an English utterance as well as the objective reasons for the invariance and variability of their identification by phonetically trained listeners.

Поступила в редакцию 28.05.18

А. Е. Крючкова, А. С. Макеев

СТРУКТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСС-РЕЛИЗОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ НА ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

До настоящего времени исследованием пресс-релиза занимались в основном маркетологи и специалисты в области международных отношений. В поле зрения филологов он попал сравнительно недавно. В свете вышесказанного до сих пор не получили лингвистической интерпретации функции пресс-релиза в деятельности международных организаций, не была объяснена специфика его написания в разных языках в зависимости от культурного контекста. Анализ лексических, грамматических и структурных особенностей пресс-релизов Организации Объединенных Наций на французском и английском языках, изложенный в предлагаемой статье, направлен на решение именно этого круга вопросов.

В современных научных работах пресс-релиз рассматривается как один из основных жанров PR-коммуникаций, выполняющий информирующую и воздействующую функцию. Исследователи этого вида текстов обратили внимание на такие особенности, как избыточность информации, однозначность слов, использование специальной терминологии, именной характер изложения.

Сегодня существует большое разнообразие типов пресс-релизов, каждый из которых выполняет определенную функцию.

А. Н. Чумиков делает обоснование двум видам пресс-релизов – *релиз-анонс* и *новостной пресс-релиз*. В основе этого деления лежит характер передаваемой информации [1, с. 78–80].

М. А. Шишкина также описывает два типа, но ее классификация основывается на поставленных перед журналистом задачах – *текущий*, предназначенный для регулярной рассылки в СМИ, и *тематический* (событийный), посвященный важным для организации событиям или акциям [2, с. 98].

В современной теории журналистики даны характеристики отдельного жанра, который называется *аналитический пресс-релиз*. Здесь речь идет о подборке «информационных сообщений, рассказывающих о достоинствах какой-то организации или отдельной личности» [3, с. 216].

На официальном сайте Организации Объединенных Наций (ООН) представлены *справочный* и *сводный пресс-релизы*, которые непосредственно отражают специфику деятельности Организации [4].

Анализируемые в данной статье пресс-релизы ООН не могут быть отнесены ни к одному из перечисленных выше типов, так как их основная задача заключается в том, чтобы показать значимость самой Организации в мире. На это указывает частотное использование таких структур, как *Je prie instamment* ‘я настоятельно прошу’, *j'exhorte* ‘я побуждаю’, *j'engage* ‘я призываю’, *travaillons tous ensemble* ‘давайте работать вместе’, *les membres de notre famille* ‘члены нашей семьи’, *only by working together* ‘только совместными усилиями’ и др. в основной части. Как видим, здесь не просто описано определенное событие, а идет воздействие на публику с целью призвать ее к действию. Исходя из этого, можно выделить новый вид пресс-релиза – *релиз-призыв*, который соответствовал бы в полной мере функциям и структурным особенностям текстов, о которых идет речь в статье.

Средний объем пресс-релиза ООН на французском языке составляет 497 слов, что в полтора раза превышает общепринятую норму, определяемую современными маркетологами для этого вида письменной коммуникации (не более 300 слов) [5, с. 29]. Объем пресс-релиза на английском языке на 27 % меньше французского и в среднем составляет 343 слова, что с незначительным превышением ($\approx 16\%$) отвечает требованиям. Это объясняется тем, что в пресс-релизах на французском языке используется большое количество эмоционально-оценочных лексем, речь о которых пойдет ниже, а на уровне синтаксиса отмечается частотность сложноподчиненных предложений, которые в английском языке передаются упрощенными конструкциями.

Все структурные части пресс-релиза ООН – заголовок, первый абзац, который в краткой форме передает основную идею последующего послания, и основная часть – также имеют свою специфику.

Заголовок является предельно развернутым и представлен цитатой из выступления Генерального секретаря. В ходе сравнения заголовков на французском и английском языках было установлено их частичное совпадение.

Ср. : *Journée mondiale du tourisme: le tourisme est un « sauf-conduit vers la paix et la prospérité » affirme le Secrétaire général* ‘Всемирный день туризма: путешествия – «гарантия мира и процветания», – утверждает Генеральный секретарь ООН’ и *Universal Accessibility Central to Responsible, Sustainable Travel Policies, Secretary-General Says in Message for World Tourism Day* ‘Всеобщая доступность определяет надежную и устойчивую политику в сфере туризма, – говорит Генеральный секретарь в послании к Всемирному дню туризма’.

Более того, отмечается и еще одна интересная тенденция. Во французском и английском языках в качестве заголовков к одному и тому же пресс-релизу могут быть выбраны разные цитаты из речи Генерального секретаря. Так как восприятие информации самым непосредственным образом зависит от культурных особенностей и менталитета, то один и тот же заголовок, по всей вероятности, воспринимался бы по-разному представителями франкоязычного и англоязычного сообщества. С целью «уровнять» обе аудитории семантические акценты расставляются в соответствии с языковой принадлежностью адресата.

Первый абзац информативно и структурно одинаков для каждого пресс-релиза ООН. В нем даны ответы на основные вопросы: *Кто?*, *Что?*, *Где?*, *Когда?* и *Почему?*.

Ядром *основной части* является цитата Генерального секретаря ООН.

В структуре пресс-релиза ООН можно также выделить своего рода заключение, в котором Генеральный секретарь еще раз подчеркивает важность проблемы, описанной в основной части, и призывает к принятию соответствующих действий. Как в английском, так и во французском текстах, оно характеризуется повторами уже представленной выше информации и обязательным наличием глаголов, призывающих к действию:

À l’occasion de la Journée internationale de l’alphabétisation, j’engage les gouvernements et leurs partenaires à conjuguer leurs efforts en faveur d’une alphabétisation universelle... ‘По случаю **Международного дня** грамотности **я призываю** правительства и их партнеров объединить усилия для достижения всеобщей грамотности’;

On this International Day, let us keep our « Eyes on Diabetes » ‘В этот **Международный день** давайте не будем отрывать «глаз от диабета»’.

Как было отмечено выше, основная задача пресс-релизов ООН заключается в привлечении внимания общественности к наиболее важным проблемам современного мира. В этой связи для исключения потенциально возможного искажения смысла в посланиях ООН употребляются доступные для понимания однозначные слова: *vivre dans la paix* ‘жить в мире’; *garantir la dignité et l’égalité* ‘гарантировать достоинство и равенство’; *les changements climatiques* ‘климатические изменения’; *les droits de l’homme* ‘права человека’; *ending the AIDS epidemic* ‘прекращение эпидемии СПИДа’; *a human rights violation* ‘нарушение прав человека’; *future of peace, dignity and prosperity on a healthy planet* ‘будущее на мирной, достойной, процветающей и здоровой планете’.

Закономерным для пресс-релизов ООН как на английском, так и на французском языках является избыточное в зависимости от тематики повторение ключевых слов, таких как *personnes faibles/the weak* ‘слабые люди’; *victimes/victims* ‘жертвы’; *les personnes âgées/seniors/old persons* ‘пожилые люди’; *les femmes/women* ‘женщины’; *les personnes jeunes/young people* ‘молодые люди’; *les jeunes enfants/young children* ‘дети младшего возраста’; *les enfants de moins de 15 ans/children under 15* ‘дети младше 15 лет’ и т.п. Так, например, в тексте на английском языке, в котором речь идет о повсеместном принижении достоинства людей в возрасте, ключевое словосочетание *older persons* ‘пожилые люди’ встречается с частотностью 15 раз на 440 слов (1/29).

Уже представленная ранее информация также может переписываться несколько раз:

The International Day of Older Persons is our chance to take a stand against the destructive problem of ageism... ‘В Международный день пожилых людей мы имеем возможность **выступить против пагубной дискриминации по возрасту...**’ и далее *Ending ageism and securing the human rights of older persons is an ethical and practical imperative...* ‘**Положить конец дискриминации по возрасту** и обеспечить защиту прав пожилых людей безусловно необходимо как с этической, так и с практической точки зрения...’ или *Rejecting all forms of ageism and working to enable older persons to realize their potential...* ‘**Остановить все формы дискриминации по возрасту** и приложить усилия для того, чтобы пожилые люди могли реализовать свой потенциал...’.

Стоит отметить тот факт, что повторы имеют место и при указании временного среза, о котором идет речь в послании. Тем самым акцент смещается на актуальность описываемого события. При этом временные коннекторы стоят в сильной позиции в начале предложения перед подлежащим, отделяясь от него графически запятой, а в речи – паузой:

En cette Journée mondiale de la santé mentale, l’Organisation des Nations Unies aimerait souligner qu’il est essentiel de pouvoir offrir des soins de santé mentale à toutes les personnes qui en ont besoin... ‘**Сегодня, во Всемирный день** психического здоровья, Организация Объединенных Наций хотела бы подчеркнуть необходимость оказания помощи всем тем, кто в ней нуждается...’ и далее *En cette Journée mondiale de la santé mentale, exprimons notre compassion et notre empathie à l’égard de ceux qui ont survécu à un épisode traumatique* ‘**Сегодня, во Всемирный день** психического здоровья я призываю всех нас проявить сострадание и сочувствие к тем, кто пережил кризис’.

Очевидной особенностью пресс-релизов ООН на французском языке является употребление большого количества эмоционально-оценочных наречий, прилагательных и глаголов: *je prie instamment* ‘я настойчиво прошу’; *je suis ravi* ‘я рад’; *je félicite chaleureusement* ‘я от всей души поздравляю’; *nous avons impérativement besoin* ‘мы очень нуждаемся’; *voyage inoubliable* ‘незабываемое путешествие’ и т.п. В текстах на английском языке

такие лексемы практически отсутствуют, что самым непосредственным образом оказывает влияние на общий объем информации и говорит о ее более нейтральном оформлении.

Для пресс-релизов на французском языке характерно и разнообразие логических коннекторов противопоставления (*mais* ‘но’, *bien que* ‘хотя’, *malgré* ‘несмотря на’):

Les progrès sont manifestes, mais les acquis restent fragiles ‘Прогресс очевиден, но достигнутые успехи по-прежнему не имеют под собой прочной основы’;

Bien que l’on dise souvent qu’elles jouissent d’un respect particulier, la réalité est que dans un trop grand nombre de sociétés les personnes âgées se voient imposer des limites... ‘Несмотря на то, что часто говорят, что пожилые люди пользуются особым уважением, на самом деле во многих странах их возможности ограничивают...’.

В английском языке им соответствует лишь один союз *while* с идентичным значением ‘несмотря на’ и ‘в то время как’:

While there is clear progress, gains remain fragile ‘Несмотря на очевидный прогресс, достигнутые успехи по-прежнему не имеют под собой прочной основы’.

Проведенное исследование грамматической организации показало, что в текстах ООН используются разнообразные грамматические средства, основная цель которых передать отношение говорящего к событию, о котором идет речь.

Так, во французском языке активно употребляется сослагательное наклонение, которое призвано для того, чтобы передавать чувства и отношение говорящего к описываемому событию, создавая при этом экспрессивность текста. В пресс-релизах на английском языке эта выразительность утрачивается в результате использования иных средств передачи идентичного смысла – инфинитивных конструкций, герундия, лексических средств или союзов.

Ср.: *Je demande que des mesures soient prises pour lutter contre la violation des droits de l’homme* и *I call for measures to address this violation of human rights* ‘Я прошу, чтобы были приняты меры в борьбе против нарушения прав человека’. Как видим, в английском языке сослагательное наклонение выражено инфинитивным оборотом с предлогом в простом предложении.

В самом общем плане, использование сложных синтаксических конструкций, контекстуальных и лексических синонимов делают пресс-релиз более развернутым, что в первую очередь специфично для французского языка.

В обоих языках используется условное наклонение в независимом и придаточном предложениях, которое передает значение возможного и желательного действия. Ср.: *Je voudrais aussi exprimer ma profonde gratitude...* и *I would also like to express my deep appreciation...* ‘Я также хотел бы выразить свою глубокую признательность...’.

Модальные глаголы в пресс-релизах на английском языке передают категоричность действия, которая не свойственна модальным глаголам французского языка. Ср.: *La valeur symbolique d'une journée sans combats nous rappelle de façon opportune que les conflits **peuvent et doivent prendre fin*** и *The symbolism of a day without fighting is a crucial reminder that conflict **can and must come to an end*** 'Символическое значение каждого дня без боевых действий это лучшее напоминание о том, что конфликтам **можно и необходимо положить конец**'. Французский глагол *devoir* 'быть должным' указывает на необходимость действия, *pouvoir* 'мочь' – на возможность его исполнения. Модальный же глагол *must* семантически более наполнен и подчеркивает требование прекращения огня.

Использование конструкции *let us* в английских пресс-релизах и формы первого лица множественного числа императива во французских еще раз подчеркивают направленность данного вида коммуникации на **призыв** к действию:

*Tous ensemble, **mobilisons-nous** en faveur de la dignité et de l'égalité de tous les êtres humains / **Let us** all work together to help all human beings achieve dignity and equality* 'Давайте работать вместе над тем, чтобы помочь каждому добиться равенства и уважения его человеческого достоинства'.

Характерной особенностью пресс-релизов ООН является передача информации от первого лица единственного и множественного числа, которая реализуется благодаря цитированию Генерального секретаря ООН с целью выражения личного отношения и привлечения внимания аудитории.

Таким образом, проведенный анализ пресс-релизов ООН на французском и английском языках позволяет сделать следующие выводы.

1. Пресс-релиз ООН представляет собой PR-документ, в котором содержится информация о предстоящем или уже состоявшемся событии в Организации, где кратко даются ответы на четко сформулированные вопросы. Основной функцией пресс-релиза ООН является призыв всех наций и народов к объединению в борьбе за материальные и духовные ценности, что предопределяет особенности его написания. В этой связи в настоящей статье предлагается новый тип пресс-релиза, который наиболее точно передает направленность анализируемого текста, – *релиз-призыв*.

2. Пресс-релиз ООН не соответствует общим нормам написания и имеет свои особенности, выделяющие его среди других текстов этого жанра. Нарушения правил и модификации присутствуют как на структурном, так и на языковом (лексическом, грамматическом и стилистическом) уровнях.

3. Спецификой пресс-релизов ООН в структурном плане являются развернутые заголовки, единая модель написания первого абзаца и цитирование речи Генерального секретаря в качестве основной части текста. Отмечается неполное совпадение названий заголовков на французском и английском языках, что может быть объяснено смещением важности содержательных акцентов при представлении информации в разных культурных сообществах.

Объем пресс-релиза ООН на французском языке вдвое превосходит общепринятые стандарты. На английском же языке он незначительно превышает норму. Это объясняется тем, что во французском языке используется больше эмоционально-оценочных слов, а синтаксические структуры дополняются сложноподчиненными предложениями, что связано с активным употреблением сослагательного наклонения. Грамматическая организация пресс-релиза на английском языке более «компактная». В ней широкое распространение получили инфинитивные конструкции и герундий.

4. Активное использование эмоционально-оценочных слов и сослагательного наклонения в пресс-релизах на французском языке создают экспрессивность текста, которая утрачивается в английском.

5. Одной из очевидных особенностей пресс-релиза ООН на обоих исследуемых языках является употребление первого лица единственного и множественного числа, а также избыточность и повторяемость уже написанной ранее информации.

6. Наиболее частотными в пресс-релизах ООН на французском и английском языках являются логические коннекторы противопоставления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумиков, А. Н. Связи с общественностью. Теория и практика / А. Н. Чумиков, М. П. Бочаров. – М. : Дело, 2006. – 552 с.
2. Шишкина, М. А. Паблик рилейшнз в системе социального управления / М. А. Шишкина. – СПб. : Питер, 2002. – 308 с.
3. Тертычный, А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 310 с.
4. Справочник по документации / Пресс-релизы / Виды пресс-релизов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – 2018. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/documents/resguide/press.shtml>. – Дата доступа : 30.04.2018.
5. Данилина, В. В. Связи с общественностью. Составление документов : Теория и практика / В. В. Данилина [и др.] ; под ред. Л. В. Минаевой. – М. : Аспект-Пресс, 2008. – 288 с.

The specificity of press release writing in different languages has not yet been studied from the linguistic point of view. Nevertheless, this type of formal communication occupies an important place in the activity of an international organization. The authors of the article identify and examine lexical, grammatical and structural features of the United Nations press releases in French and English. The analysis leads to the conclusion that United Nations press releases have their own structure and particularities on lexical and grammatical levels depending on the cultural context.

Поступила в редакцию 28.06.18

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИКИ КОСВЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НОСИТЕЛЯМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию восприятия носителями немецкого языка семантики одной из разновидностей косвенных речевых актов – косвенных побуждений, т.е. высказываний, в которых истинное намерение говорящего – побуждение собеседника к определенному действию – скрыто за языковыми формами, не типичными для выражения побудительности. В задачу этого этапа исследования входило сопоставление данных, полученных методом трансформационного анализа, с реальным восприятием носителями языка интенции говорящего, а также изучение языковых форм и ситуативных компонентов, позволяющих адресатам определить истинное намерение адресанта в семантически осложненных высказываниях.

В середине двадцатого века в языкознании возникла коммуникативная лингвистика – новое направление, объектом исследования которого стала роль человека в функционировании языка. Среди многих аспектов коммуникации исследователи обратили внимание и на косвенные речевые акты – речевые действия, реализуя которые говорящий «имеет в виду не то или не только то, что он высказывает, но и нечто иное» [1, с. 196]. Это становится возможным, поскольку в косвенных речевых актах на поверхностном уровне предстают не все компоненты семантической модели высказывания с планируемым воздействием на слушающего. Если часть этих компонентов выражена эксплицитно, то другая часть их скрыта, и выявление истинного смысла высказывания требует от слушающего привлечения дополнительных факторов. Таким образом, вывод истинного намерения говорящего осуществляется слушающим на основе разнородного комплекса как лингвистических, так и экстралингвистических данных [1–3]. В связи с этим предметом исследования на данном этапе работы стало изучение восприятия носителями немецкого языка семантики одной из разновидностей косвенных речевых актов – косвенных побуждений, т.е. высказываний, в которых истинное намерение говорящего – побуждение собеседника к определенному действию – скрыто за языковыми формами, не типичными для выражения побудительности, например: *Ты не хочешь зайти ко мне? = Зайди ко мне!*

Экспериментальным материалом для проведения исследования послужили 1 127 контекстов, содержащих различные виды косвенных побуждений, выявленных на предыдущем этапе работы методом трансформационного анализа с применением перформативных глаголов, например: *Сходим в кино! = Предлагаю сходить вместе в кино!*

Основанием для включения косвенных побуждений в выборку являлась возможность трансформации таких высказываний в структуры с эксплицитной побудительностью, например:

„*Wollen wir zu mir nach Hause?*“ *fragte ich. Er nickte.* [DK, S. 400] (= *Gehen wir zu mir!* = *Ich schlage vor, zu mir zu gehen.*) ‘«*Пойдем ко мне?*» – спросил я. Он кивнул.’ (= *Пойдем ко мне! = Я предлагаю тебе пойти ко мне.*)

В задачу этого этапа исследования входило сопоставление данных, полученных методом трансформационного анализа, с реальным восприятием носителями языка интенции говорящего, а также изучение языковых форм и ситуативных компонентов, позволяющих адресатам определить истинное намерение адресанта в семантически осложненных высказываниях. Для этого из общей выборки было отобрано 170 контекстов с различными видами косвенных побуждений (предложение, просьба, запрет, совет, требование, приглашение, угроза и т.п). Протокол содержал также позицию «прочие», куда информанты могли внести отсутствующие в списке интенции. Данные контексты были предложены информантам с просьбой определить в подчеркнутых предложениях оттенки побудительности.

В качестве информантов выступили 10 носителей немецкого языка, лица с высшим образованием, постоянно проживающие на территории Германии, в возрасте 30–40 лет. Им в письменной форме были предложены в случайном порядке экспериментальные мини-контексты – по 30 контекстов, содержащих косвенные речевые акты с семантикой предложения, просьбы, совета, требования и угрозы, т.е. с типичными значениями, выявленными при трансформационном анализе всей выборки. Косвенные запреты были представлены 20 контекстами, так как их общее количество в выборке было небольшим. Исходным предположением было то, что языковая форма косвенных речевых актов и контекст дают информантам достаточно оснований для тонкой дифференциации типов директивных речевых актов. Таким образом было получено 1 700 ответов носителей языка, позволивших соотнести результаты трансформационного анализа материала с реальным восприятием скрытых намерений говорящих. В данной статье представлены результаты восприятия информантами только одного оттенка косвенных побуждений – *предложения*, так как анализ показаний информантов свидетельствует о том, что данное коммуникативное намерение наиболее уверенно опознается носителями языка.

Сопоставление ответов информантов с примерами, в которых семантика предложения была выявлена методом трансформации, показывает, что почти 71 % данных высказываний уверенно идентифицированы информантами как речевой акт «предложение», и только в 29 % материала зафиксированы другие оттенки побуждения: просьба, побуждение к принятию решения (так называемый вопрос о распоряжении) или требование (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Опознавание информантами экспериментальных высказываний

Значения, зафиксированные информантами	Количество ответов	Доля в выборке
Предложение	213	71 %
Просьба	76	25 %
Побуждение к принятию решения	7	2 %
Требование	4	2 %
Всего	300	100 %

В этом плане интерес представляет обращение к языковым формам, обеспечивающим носителям языка возможность выявления скрытой интенции. Так, рассмотрение случаев *однозначной* интерпретации информантами высказываний в качестве речевых актов «предложение» свидетельствует о том, что в 65 % случаев это относится к вопросительным конструкциям с модальным глаголом *wollen*, например: *Willst du eine Tasse Tee?* [AT, S. 339] '**Хочешь чашечку чая?**' (= Я предлагаю тебе чашечку чая.).

Несмотря на то, что в семантике глагола *wollen* отсутствует прямая директивность, он активно используется в косвенных побудительных структурах, что обусловлено семантической многоплановостью данного глагола. Как показывает эмпирический материал, основное значение глагола – желание выполнить действие – при обращении коммуниканта к конкретному собеседнику и оформлении высказывания в виде вопроса успешно используется для выражения разных оттенков побудительности. Кроме того, данный модальный глагол содержит сему будущего, которая также является важной составной частью директивной модальности.

Необходимо отметить, что подобные структуры относятся к *конвенциональным* формам косвенных побуждений в немецком языке: это широко распространенная клишированная форма вежливого побуждения, не представляющая сложности для реципиента при интерпретации им намерения адресанта.

Конвенциональность вопросов с модальным глаголом *wollen* касается, однако, только вопросов, предлагающих напитки и еду: они традиционно оформляются в вопросительной форме. В других сферах жизни данные вопросы трактовались двояко: как предложения или как просьбы, например:

„*Willst du mit mir gehen?*“ *fragte sie und wartete auf die Antwort.* [DK, S. 341] '**«Ты хочешь пойти со мной?»** – спросила она, ожидая ответа.' (= Я предлагаю тебе пойти со мной. = Я прошу тебя пойти со мной.).

Без указания на статус коммуникантов и более широкого контекста информанты не могли однозначно классифицировать такие высказывания.

К клишированным формам косвенных предложений можно отнести и формально сложноподчиненные структуры с оборотом *wie wäre es* (9 % рассматриваемых примеров), например:

Und wie wäre es dann, wenn du einfach Rita zu mir sagst? [VL, S. 340] '**А как насчет того, чтобы называть меня просто Ритой?**' (= Я предлагаю тебе называть меня просто Ритой.).

Однозначная интерпретация информантами высказываний в качестве предложений наблюдалась также в вопросительных и повествовательных конструкциях, в которых этому способствовало лексическое наполнение высказывания, его пропозиция (24 % выборки), например:

Brauchst du Hilfe? [IM] '**Тебе нужна помощь?**' (= Я предлагаю тебе помощь.).

В данном случае структура общего вопроса формулирует гипотезу, направляет когнитивный поиск партнера в определенное русло, а лекси-

ческое наполнение высказывания указывает на то, что за формальным интересом собеседника в форме вопроса стоит предложение адресанта оказать эту помощь.

Пропозиция высказывания существенно помогает реципиентам также при интерпретации *повествовательных* конструкций в качестве предложений, например:

Kommen Sie mit nach oben. Ich kann Ihnen dort Kaffee machen. [AT, S. 68] ‘Пойдемте со мной наверх. **Я могу там сделать Вам кофе.**’ (= Я предлагаю сделать Вам там кофе.).

Семантика модального глагола *können*, включенного в повествовательную или вопросительную структуру, эксплицирует возможность совершения действия, которая является важным компонентом семантической структуры косвенных побуждений. Форма 1л. ед. числа выводит на первый план автора высказывания, подчеркивает его личную инициативу и модифицирует тем самым модальный фокус высказывания, превращая его в осторожное предложение. Таким образом, модальный глагол *können* в сочетании с синтаксической структурой повествовательного высказывания позволял информантам не сомневаться в интерпретации данной структуры в качестве предложения.

В неконвенциональных формах косвенных предложений определение намерения говорящего вызывало у информантов некоторые сложности, и рассматриваемые высказывания нередко классифицировались ими как иные оттенки побуждения (см. табл. 1). Так, 1/4 информантов восприняли такие высказывания не как предложение, а как просьбу, что объяснимо большим сходством внутренней структуры данных речевых актов. Различие между предложением и просьбой заключается лишь в полезности действия для говорящего и слушающего: при предложении в выполнении действия заинтересованы обе стороны, в случае просьбы выгоду получает говорящий. Поэтому естественно, что информанты в соответствии со своим жизненным опытом и психологическим состоянием соотносили данные высказывания либо с косвенной просьбой, либо с косвенным предложением, так как степень иллокутивной силы в обоих случаях небольшая, а на первом плане стоит эпистемическая модальность – неуверенность, которая позволяет реципиентам по-разному трактовать данные высказывания. Это отчетливо видно в следующем примере:

Können wir nicht einfach wegfahren? [VL, S. 69] ‘Может, мы можем просто уехать?’ (= **Я предлагаю** уехать. = **Я прошу** тебя, чтобы мы уехали.).

В таких вопросах говорящий апеллирует прежде всего к возможности собеседника выполнить действие. Учитывая, что речь идет об обоюдной выгоде и близком характере отношений между коммуникантами, данное высказывание представляется возможным классифицировать как предложение, хотя вполне возможно в такой ситуации домысливание значительной заинтересованности говорящего в выполнении действия, что легко превращает его в просьбу, и 25 % информантов именно так и восприняли эту ситуацию.

Отдельные примеры (2 %) информанты отнесли к побуждениям принять решение, а не к предложениям (см. табл. 1), например:

1. *Dann sagte er: „Du siehst müde aus. Soll ich dir ein Taxi rufen?“* [DK, S. 54] ‘Потом он сказал: «Ты выглядишь усталой. **Вызвать такси?**»’ (= Я предлагаю вызвать такси.);

2. *„Soll ich Sie in die Stadt fahren, Herr Kommissar?“ fragte der Polizist vorne am Steuer. „Nein, fahre mich heim.“* [DK, S. 154] «**Отвезти Вас в город, комиссар?**» – спросил полицейский за рулем. «Нет, отвези меня домой!» (= Я предлагаю отвезти Вас в город.).

Данное решение информантов ожидаемо, так как все эти примеры содержат модальный глагол *sollen* – типичный индикатор вопроса о разрешении. В таких случаях говорящий, предлагая определенные действия, спрашивает слушателя о его согласии на свое предложение. Желание выполнить действие на пользу адресата, типичное для предложения, оказывается в таких структурах скрытым, поэтому некоторые информанты вообще не относили такие высказывания к побуждениям, в то время как другие считали их предложениями или выделяли в отдельную графу – побуждение к ответу. Семантика такого вопроса в самом деле сложная, поскольку эксплицитной частью его модального аспекта является только запрос коммуникативного партнера о согласии на предлагаемое действие, т.е. директивность заключается лишь в побуждении слушателя к ответу, к выбору одной из альтернатив: да или нет, а предложение скрыто в глубинной семантике высказывания.

В редких случаях (1 % примеров) информанты классифицировали косвенные предложения как требования. Данное явление наблюдалось в первую очередь при рассмотрении повествовательных конструкций, например:

Übermorgen oder einen Tag später. Es richtet sich nach dem Wetter. Wir wollen heute nicht daran denken [IM] ‘Послезавтра или еще через день. Все будет зависеть от погоды. **Мы не будем сегодня думать об этом.**’ (= Я предлагаю сегодня не думать об этом.).

Повествовательные конструкции в немецком языке придают в определенных ситуациях высказываниям характер категоричного требования, приказа. Вполне возможно поэтому, что отдельные информанты именно по этой причине и классифицировали данное высказывание как требование. Ситуация осложняется еще и тем, что в случае изменения порядка слов (*Wollen wir daran nicht denken!*) высказывание превращается в эксплицитную побудительную конструкцию – настоятельную рекомендацию или требование. В этом случае, как и в вопросительных конструкциях, значительную роль играют статусные отношения между коммуникантами. Поскольку статус собеседников из мини-контекста не ясен, некоторые информанты восприняли данное высказывание как категоричное побуждение.

Насколько важен характер отношений между коммуникантами для тонкой дифференциации намерений, видно на другом примере подобной структуры. Так, при непринужденном характере отношений между коммуни-

кантами, что отчетливо явствует из контекста, высказывание было классифицировано в 90 % случаев как предложение, несмотря на аналогичную повествовательную конструкцию:

Ich sagte zu meinem Mann: „**Am 27. Oktober gehen wir in die Oper.**“ *Mein Mann sagte: „Was gibt’s denn da?“ Ich sagte: „Ah, weiß nicht.“ Was ich wusste: Ich würde das neue Kleid anziehen.* [VL, S. 56] ‘Я сказала своему мужу: **«27 октября мы идем в оперу»**. Мой муж сказал: «Что там будет?» Я ответила: «Ах, не знаю». Главное я знала: я надену новое платье.’).

Этому решению явно способствовали сопутствующие фразы, придающие разговору шутливый тон. И только один из 10 информантов сориентировался на типичную синтаксическую структуру и связал данную конструкцию с требованием.

Контекст особенно важен при идентификации неполных, эллиптических конструкций. Так, в некоторых случаях даже минимального контекста оказывалось достаточно, чтобы информанты уверенно отнесли высказывание к косвенному предложению (10 случаев), например:

*Also, was können wir tun?“ In seinen Augen erschien wieder das Funkeln kommender Abenteuer. „**Zu Daniel gehen.** Das hätten wir schon vor Ewigkeit tun müssen.“* [VL, S. 134] ‘«Итак, что мы можем сделать?» В его глазах снова появился блеск от предвкушения предстоящего приключения. **«Пойти к Даниэлю.** Мы должны были сделать это уже сто лет тому назад».’ (= Я предлагаю пойти к Даниэлю.).

Начальный вопрос (*Also, was können wir tun?*) – скрытое побуждение к внесению предложений, – а также пропозиция высказывания, в которой указывается на намерение что-либо сделать, дают основание информантам однозначно классифицировать и эллиптическую конструкцию *Zu Daniel gehen* как косвенное предложение, т.е. интенция говорящего вытекает из контекста. Двоякость коммуникативного намерения в таком высказывании подтверждается и тем, что 12 % информантов, классифицировав его как предложение, добавляли, что здесь явно прослеживается *предположение*. Это показывает, что модальность предположения охотно используется для того, чтобы скрыть прямую директивность, поскольку предположение позволяет осторожно воздействовать на волю собеседника при принятии им решения, ненавязчиво направить его внимание в определенное русло. Из материала очевидно, что информанты чаще всего фиксировали модальность предположения в общих вопросах без модальных глаголов – типичной структуре выражения неуверенности [4]:

„**Hast du Lust auf Schach?**“ „Nein“ [IM] «Хочешь сыграть в шахматы?» (= Я предлагаю сыграть в шахматы.) «Нет»’.

Анализ примеров дает основание отметить, что именно модальные глаголы, подчеркивающие возможность, желательность или необходимость совершения действия, значительно помогают слушателю выявить скрытую

семантику директивности в косвенном предложении. Без модальных глаголов информанты легко воспринимают такие высказывания только как предположения, в которых выражается интерес слушателя к намерению говорящего.

Модальность предположения нередко отмечалась и в вопросительных конструкциях с модальным глаголом *wollen* (26 %), хотя она задается в данном случае не глаголом, а вопросительной конструкцией, например:

Ich sage zum Beispiel: „Morgen schreibst du Mathe. Willst du, dass ich mit dir lerne?“ „Nein, ich möchte zu Lukas.“ [VL, S. 135] ‘Я говорю, например: «Завтра у тебя контрольная по математике. **Хочешь, я сделаю с тобой домашнее задание?**» (= Я предлагаю сделать вместе домашнее задание.) «Нет, я хочу к Лукасу».

Вопрос в данном мини-контексте, содержащий модальный глагол, выражает явное желание говорящего помочь, однако вопросительная конструкция смягчает иллокутивную силу директивности, поскольку принятие решения остается за слушающим, и он пользуется этим правом в данной ситуации. Таким образом, модальный глагол в совокупности с вопросительностью дает возможность говорящему апеллировать к желанию слушателя, предоставляя ему свободу выбора, в том числе и отказа.

В повествовательных конструкциях с модальным глаголом *können* информанты изредка (9 %) дополнительно подчеркивали наличие возможности совершения действия, ориентируясь прежде всего на семантику модального глагола, например:

Als ich ihr gestern erzählte, dass ich umziehen will, sagte Liliana sofort: „Wir könnten unser großes Auto nehmen“. [VL, S.78] ‘Когда я вчера ей рассказала, что хочу переехать, Лилиана сразу сказала: «**Мы могли бы взять нашу большую машину**».’ (= Я предлагаю взять нашу большую машину.).

В данной ситуации на первом плане в повествовательной структуре находится возможность совершения действия. Сослагательное наклонение модального глагола подчеркивает вежливость говорящего, и в скрытом предложении, благодаря наличию модальности неуверенности, реципиенту дана возможность отказаться от предложения, что уменьшает давление на собеседника.

Обращение к способу *взаимодействия* разных модальных планов в подобных структурах – желательности, возможности и директивности – показывает, что директивность в таких примерах не нейтрализует полностью лексического значения глаголов. Так, в вопросах с модальным глаголом *wollen* более явно прослеживается значение побудительности, чем в конструкциях с глаголом *können*, при этом в вопросительных структурах с обоими модальными глаголами регулярно фиксируется оттенок предположения. В результате этого модальная структура данных директивных речевых актов становится многослойной, и часть совокупной модальной семантики выражается лексически – значением модального глагола, а вторая часть – синтаксически (вопросительной или повествовательной конструкцией).

Таким образом, анализ восприятия информантами семантики косвенных побуждений позволяет сделать следующие выводы.

1. Наиболее уверенно носители языка *выделяют* среди всех оттенков директивности *косвенные предложения*, хотя некоторую трудность вызывает у них разграничение предложения и просьбы. Это происходит от того, что оба типа речевых актов, обладающие небольшой иллокутивной силой, имеют сходную семантическую структуру, и большую роль играет в них параметр вежливости.

2. Реальное восприятие косвенных побуждений носителями языка не совпадает полностью с теоретической трансформацией их в эксплицитные побуждения: опознаваемость косвенных предложений информантами немного превышает 2/3 материала, а 1/3 материала классифицируется ими как иные близкие по семантике намерения.

3. Модальная структура косвенных предложений является многослойной: в ней сложным образом взаимодействуют желательность, возможность, заинтересованность, неуверенность и директивность, что дает реципиенту значительную свободу интерпретации смысла таких высказываний.

4. Наиболее последовательно информанты фиксируют в качестве предложений *вопросительные* конструкции с *модальными глаголами* *wollen* и *können*, в которых значения желательности и возможности действия преобладают над семантикой неуверенности, заключенной в вопросительной структуре, в результате чего высказывание соотносится чаще с директивностью, нежели с эпистемической модальностью.

5. Смысловая неоднозначность косвенных предложений обусловлена тем, что лексическая семантика (значение конституэнтов пропозиции) и синтаксическая семантика (вопросительность с ее неуверенностью или утвердительность с ее категоричностью) действуют в косвенных речевых актах *разнонаправлено*, что осложняет реципиентам понимание смысла данных высказываний.

6. В процессе интерпретации косвенных предложений информантами большую роль играют отдельные параметры *ситуации*, прежде всего социальный статус коммуникантов: указания на статусные характеристики собеседников в осложненных высказываниях помогают реципиенту точнее определить степень настоятельности косвенных побуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёрль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов / под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. – С. 195–222.
2. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е. В. Падучевой. – С. 251–276.
3. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 180 с.

4. Сытько, А. В. Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке (на материале общих вопросов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

DK – *Remarque, E. M. Drei Kameraden* / E. M. Remarque. – М. : Verl. für fremdsprachige Lit., 1963. – 461 S.

AT – *Remarque, E. M. Arc de Triomphe* / E. M. Remarque. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1998. – 498 S.

VL – *Blobel, B. Voll das Leben* / B. Blobel. – München : Egmont Franz Schneider Verl. GmbH, 2004. – 294 S.

IM – *Irren ist männlich* / R: Sherry Hormann. B: Kit Hopkins. M: Peter Wolf. K: Gerard de Battista, 1998. – (Medientyp: Video) ca. 99 Min.

The article deals with the perception of the semantics of indirect sentences by native speakers. Its aim is the data correlation received in the result of transformation analysis with real perception of the speaker's intention. Speech patterns and situational characteristics which help listeners understand the speaker's intention are of great interest.

Поступила в редакцию 07.06.18

Aygun Vahid Mahmudova

INTERPRETATION OF THE WORD *WISDOM* ON THE BASIS OF DICTIONARIES AND ITS SYMBOLIC LANDSCAPE IN THE ENGLISH LANGUAGE

Статья посвящена символическим особенностям концепта «мудрость» на английском языке. В статье говорится о символических особенностях концепта символа, Бога, книги, глубины, логотипа, Соломона и других в языковой картине мира английского языка. Эти символические особенности отражают различные качества в структуре концепта «мудрость». Количество лексических единиц, которые являются концептами, ограничено. Это только те события, которые ценны, актуальны для культуры, а также имеют многочисленные языковые единицы для их идентификации, они – предмет пословиц и поговорок, прозаических и поэтических текстов. Таким образом, они носители культурной памяти народа.

The relevance of the research carried out around the association of symbolic peculiarities of the concept “wisdom” in English is determined by several factors. First, the words of the ancestors, percussive, frazeological units, legends, legends, epics and artistic works are the language materials that most clearly reflect the national-cultural awareness. Secondly, the concept of “wisdom” in English has not been studied by anyone in terms of comparative-cognitive, typological and structural aspects. Third, the structural-semantic differences in the concept of “wisdom” in English are typological.

The word *wisdom* is formed over 900 years. It should be noted that the form of the word of wisdom has gone from ancient English language (Old English) to medieval English (Middle English) to without change. The word *Wisdom* is based on this model: *wise* + *-dorn*. Because wisdom is expressed meaning ‘experience, knowledge, learning’ in an ancient language and was created *wis* + *-dorn*. Thus, the wisdom lexem was used in the languages incoming to the single German group, that is as wisdom in ancient anglo-saxon language and the ancient Frisian languages, as *visdomr* in the ancient Scandinavian language, as *wistuom* in ancient German language. The suffix *-dorn* is the equivalent of *-ness*, *-hood*, *head*. This suffix was used in the sense of ‘charter, decision’ in ancient English language. Then it began to use as an active vocabulary, creating abstract names. For example: *wisdom*, *freedom*, and so on. Additionally, the suffix *-dorn* is a typical suffix of names and, in this sense, gives little information to reveal the inner form of the grammatical lexem. Suffix *-dorn*, *-tum* endings of (ancient *-toun* in German) family is in German. It is necessary to follow the development of the form of the wise word for revealing the essentials of the Wisdom lexem [1; 2].

The form of an ancient English word of wisdom was *wiser*, and it was a kinship with the meaning of *wit* lexem. Our research suggests that the word *wise* in ancient English was originally German, and it is also a Dutch word *wijs* and a German word *weise*.

Douglas Harper’s dictionary states that in ancient English, the word *wis* originally used in the ancient English language was *wiser*, in ancient Frisian language, ancient Dutch *wijs*, ancient Scandinavian *viss* and (in the mean ‘to see’), and then in the sense of ‘know’ [1].

According to the foregoing, it can be concluded that the primary peculiarity of the concept “wisdom” is to see – and then to the meaning of the word ‘to know’, ‘to know’, ‘to be informed’. In other words, the initial concepts “wisdom” came to understand and comprehend the various facts that human beings perceive in the real world, and as a result, human knowledge has been formed.

By gaining human experience, it converts it into relevant concepts and creates a definite conceptual system by linking them logically. Consistency of conscious systems in consciousness is based on logical principles, which, in turn, is related to the nature of the system’s logic. In short, this peculiarity determines the ability to move from one concept to another or to the creation of new ones based on existing concepts

However, the information presented in the Online Etymology Dictionary allows you to discover another peculiarity of the “wisdom” concept. It is noted here that, in 1896, the word *wise* was added to the slang: *aware*, *cunning*. These words are closely related to the word *witan* (*to wit*) in ancient English language, that is, being understood, aware, and understood as a wise word [1].

In all vocabulary sources, “wisdom” is defined as a quality that is human. The authors of the explicit dictionaries used to describe the essence of this quality describe various aspects of its content. From the above-mentioned definitions it is clear that the quality of “wisdom” includes the mind, the knowledge, the thought, the sound mind, the humility, the prudence, the discernment, the intelligence,

the imagination, and so forth, concentrates such concepts. In other words, the quality of wisdom is common and, above all, its mental aspects are understood. It also confirms that the concept of “wisdom”, based on the *wisdom* lexem in English, has increased and the number of peculiarities that illustrate these concepts has increased dramatically.

While looking at the structure of the lexical unit *wisdom* we see that *wisdom* refers to symbolic/symbolic significance. The lexical unit *wisdom* is associated with both the symbol itself and the symbolic characters in the English language. Let's analyze these conceptual peculiarities in more detail below.

Symbol. The actual material of the research shows that English language carriers express this peculiarity through different means. So that:

Represents, represents a symbol of something: *A wise man is strong; and a man of knowledge increaseth strength* [3];

Embodies: *The embodiment of “politique wisdom” (as the embodiment of political wisdom)* [4, p. 347]. In here are opposite two components: “wisdom and policy”, It means that wisdom, along with human qualities, can also embody politics.

Consider the concrete examples of the symbolic understanding of wisdom:

A book. Wisdom is metaphorically linked to the book in the symbolic English language picture of the word. Human gets wisdom by the books. But the wisdom of the book does not immediately “open” to the reader, and in many cases it is necessary to read the book several times to understand the essence of the book: *...the wisdom of old books* [5, p. 241]; *Many of the great authors yield more and more wisdom at the second and third reading* [6, p. 58].

On the other hand, in a symbolic understanding of wisdom as a book, it is a conventional idea that man is practicing his practical activity and gaining experience. The actual material of the English language shows that not all wisdom in books is concentrated, and no matter how many scientists and readers, it can not get all the wisdom from books: *You don't get all the wisdom of the world from a library, no matter how good a scholar you might be...* [7, p. 362].

God. In the minds of English carriers, wisdom is perceived as one of God's most basic qualities, and the “mind” is valued as a gift or tax that God has given to man. On the other hand, wisdom is one of the manifestations of God and is observed in the creation act of the world. In English, such a symbolic expression is expressed by various attributes that point to God:

divine: ...of divine wisdom... [8, p. 256];

God-like: ...and God-like wisdom [9, p. 73].

In the English language picture of the world, the “credibility” peculiarity is often used. For example: *...to believe in the wisdom of grown-up people...* [10].

In the book “The Encyclopedia of Symbols” G. Biderman states that heaven is “the habitation of the gods, gods, and the army of the Celestial Army” (the translation from Russian is made by the author of the article. – *Ed.*) [11, c. 176], and the light is “the symbol of the divine, which embraces everything, a symbol of morality, which, after the chaos of the initial ghost, smashed the sphere

and shattered the circle of darkness” [11, c. 237]. These qualities are inherent in wisdom. Thus, the concept of “heavenly wisdom” is encountered in the English language picture of the world: *Illuminating Wisdom brings art and wisdom together in a beautiful celebration of some of the world’s most inspiring philosophical, spiritual and literary quotes* [12].

Mystery. The conceptual system of the English people understands symbolic wisdom as a mystery. It is confidential as knowledge that has “wisdom”. “Wisdom” is associated with the “mystery” peculiarity in the English language: *Eastern esoteric wisdom is constructed* [13, p. 53].

Pearl. C. Tresidere’s “The Word of Symbols” states: “He turned the dark pale mood into a symbol of spiritual wisdom and secrets of wisdom in the depths of the water” [14, c. 98]. In other words, “wisdom” is symbolically associated with the beauty, purity and lack of pearls, that is, wisdom is not given to everyone. Coordinating wisdom with the bubble is explained by the fact that the inside of bubble how is closed, wisdom is so mysterious and challenging that it is necessary to understand wisdom.

Owl. The “wisdom” in the English conceptual system is symbolically associated with an owl. This comparison is explained by the fact that owl is a well-known symbolic bird that is considered to be the companion and attribute of Athena Pallas, the god of wisdom, in the ancient Greek mythology [Ibid, c. 346].

Despite the owl’s dual adoption and perception in people’s beliefs, the owls have an original idea that the owl has the ability to look deeper and more vigorous, observing, thoughtful, and nightly. In other words, one of the qualities of owls is wisdom: *wise as Solomon* [15].

In the conceptual view of the British people, “wisdom” is understood as knowledge and erudition, and owls as a symbol of knowledge and erudition are often portrayed in corporate publications and literary trademarks: *Owl is wisdom*. The use of comparative expressions in the development of such a symbolic peculiarity is typical: *They may be wise as an owl...* [16, p. 96].

The logo. It is known that “the word is a symbol of divine authority, and the world has been created with the divine Word” [14, c. 341]. The symbol of wisdom is linked to the divine beginning and is included in the conceptual systems of both languages. This symbolic peculiarity is expressed in different language means. Thus, wisdom is expressed as a phrase of speech:

It can be/will not: ...she spoke wisdom and truth [18, p. 108];

Can be repeated: he wanted to rehearse all his wisdom... [19, p. 194]. And wisdom can also be described by the word ‘wisdom of word’, ‘clever word’: *...one of the oldest collections of wise quotes, proverbs and sayings gathered from all over the world* [17].

The wisdom-pearl symbol is characteristic for the English conceptual system and the phrase *pearl/pearls of wisdom* is used for the expression of this symbol.

This article has presented a wide range of topics. The role of concept in cognitive linguistics, difference between concept and understanding, theoretical significance of the concept, and on the other hand, the symbolic peculiarities

of the concept “wisdom” in English language picture of the world are investigated in the article. We conclude that the concept “wisdom” is associated with the “symbolic” peculiarities of the “God” in addition to the other peculiarities of the English language picture of world. It confirms that the understanding of the phenomenon of wisdom is based on the concept of “God is wise, creative and supernatural”, and reflects religious ideas about the creation of the world. Wisdom acts as one of the main peculiarities of God and is associated with the religious knowledge.

REFERENCES

1. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.etymonline.com/>. – Date of access : 12.04.2017.
2. The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1966. – 1025 p.
3. Online Bible Study Suite [Electronic resource]. – Mode of access : <http://biblehub.com/proverbs/24-5.htm>.
4. *Nicholls, C.* The Dictionary of National Biography: Missing persons / C. Nicholls. – London : Oxford Univ. Press, 1993. – 790 p.
5. *Clarke, L.* The chymical wedding / L. Clarke. – London : Alma books, 2017. – 576 p.
6. *Sweeny, S.* The challenge of smallholding / S. Sweeny. – London : Oxford Univ. Press, 1985. – 234 p.
7. *Grey, A.* Saigon / A. Grey. – London : Weidenfield & Nicholson Ltd, 1982. – 789 p.
8. *Glasscoe, M.* English medieval mystics: games of faith / M. Glasscoe. – London : Longman, 1993. – 359 p.
9. *Woolhouse, R.* The empiricists / R. Woolhouse. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1988. – 192 p.
10. *Wells, H.* Tono-Bungay [Electronic resource] / H. Wells. – Mode of access : <http://www.homeenglish.ru/Books2.htm>.
11. *Бидерманн, Г.* Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М. : Республика, 1996. – 335 с.
12. *Hassed, D.* Illuminating wisdom / D. Hassed, C. Hassed. – Mode of access : <https://www.exislepublishing.com.au/Illuminating-Wisdom.html>.
13. *Balfour, M.* The sign of the serpent / M. Balfour. New Delhi: UBSPD, 2002. – 201 p.
14. *Тресиддер, Дж.* Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
15. [Electronic resource]. – Mode of access : <https://idioms.thefreedictionary.com/wise+as+an+owl>.
16. *McCall, R.* Hearing loss? A guide to self-help / R. McCall. – London : Robert Hale. Ltd, 1991. – 208 p.

17. Wise old sayings and quotes : Introduction [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.wiseoldsayings.com>.

18. *Bartlett, N.* Ready to catch him should fall / N. Bartlett. – London : Serpent's Tail, 1998. – 320 p.

The article focuses on the symbolic peculiarities of the concept “wisdom” in English, as well as its link with both the symbol itself and the symbolic characters, and these conceptual peculiarities are analyzed in detail. The concept of wisdom in the article is associated with the symbolic peculiarities of lexical units, phraseological units, proverbs, legends, tales, epics, artistic works that convey the cultural identity of a nation.

Поступила в редакцию 30.05.18

Л. В. Рускевич

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКОЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты экспериментально-фонетического исследования признаков просодической интерференции в экспрессивных высказываниях на английском языке. Экспериментальный материал составили минимальные пары повествовательных фраз, одна из которых содержала экспрессивное слово, другая – его нейтрально-оценочный синоним. В качестве испытуемых выступили белорусские студенты-лингвисты и носители английского языка. Было установлено, что билингвы способны отразить в просодической структуре фразы особенности ее лексического состава, модифицируя параметр частоты основного тона, но эти модификации ограничиваются участком фразы, образуемым экспрессивным словом. В речи носителей языка изменяются и общесловесные значения всех просодических параметров.

Фонетическая интерференция, являющаяся результатом контактирования различных языковых систем, определяется как «случаи отклонения от нормы каждого языка, происходящие в речи билингвов в результате их знакомства более чем одним языком» [1, с. 140]. Проблема фонетической интерференции не является новой в лингвистике, однако исследования в этой области и по сей день продолжают сохранять свою актуальность. Изучение фонетической интерференции в целях ее преодоления в первую очередь обусловлено целями лингводидактики [2–4]. Для целого ряда профессий хорошее произношение является условием профессиональной компетентности, поэтому необходимость совершенствования произносительных навыков осознается все больше [5, р. 8–9]. Современная практика преподавания иностранных языков свидетельствует о том, что исправление иностранного акцента невозможно без сопоставительного анализа фонетических систем родного и иностранного языков [4].

Исследования фонетической интерференции велись и ведутся в двух направлениях: изучение интерференции в области сегментных средств

и супraseгментных (просодических) характеристик речи, т.е. отклонений в акцентно-ритмической, мелодической и временной организации речи [1, с. 140]. На территории бывшего СССР исследования просодической (интонационной) интерференции в 70–80-е годы XX века велись достаточно активно, и Минская фонетическая школа внесла в них большой вклад [6]. Современные фонетисты-исследователи и преподаватели английского языка как иностранного подчеркивают, что владение интонацией иностранного языка важно не только с точки зрения собственно произношения, но и является коммуникативным умением, частью общей коммуникативной компетенции говорящего [3; 4; 7].

Одной из важнейших проблем в преодолении фонетической интерференции, как отмечают ученые, является не только точное воспроизведение фонетической формы тех или иных просодических единиц, но в первую очередь ошибки в их употреблении, связанные с недостаточным знанием их модально-прагматического содержания [8; 2]. Было показано, что правильное распознавание эмоций в речи на неродном языке испытывает на себе влияние, в том числе, культурных стереотипов и специфики выражения эмоционального содержания в родном языке аудитора [9; 10].

В связи с этим важным аспектом изучения просодической интерференции, на наш взгляд, является интонация (фразовая просодия) экспрессивного высказывания. Экспрессивная речь представляет собой сложное многоаспектное явление [11; 12]. Важной чертой экспрессивной речи является взаимодействие языковых средств различных подсистем (просодической, лексической, синтаксической) [13; 14].

Исследования в области просодической интерференции недостаточно, на наш взгляд, затрагивали вопрос об интонации экспрессивных высказываний в речи изучающих английский язык. Поэтому мы провели экспериментально-фонетическое исследование звукозаписей экспрессивных фраз на английском языке, реализованных русскоговорящими белорусскими студентами. Целью нашего исследования, в частности, было установление наиболее значимых отклонений просодической организации интерферентной речи от речи носителей английского языка, как в экспрессивных, так и в нейтральных высказываниях. В качестве испытуемых выступили девять студентов третьего курса факультета английского языка, получивших на втором курсе отметки «девять» и «восемь» по практической фонетике английского языка по десятибалльной шкале. Студентам было предложено прочесть вслух 60 предложений на английском языке, содержащих одно экспрессивное слово, и их относительно нейтральных пар, где экспрессивное слово было заменено нейтральным или оценочным, например: *She looked stunning* 'Она выглядела потрясающе' и *She looked nice* 'Она выглядела симпатично'. Каждое предложение было напечатано на отдельной карточке, предложения представлялись для записи вперемешку, чтобы избежать интонации контраста. Затем аудитору – носителю английского языка – было предложено оценить записи по двум критериям: степень иностранного

акцента (слабый – умеренный – сильный) и характер интонации (нейтральная – умеренно экспрессивная – высокоэкспрессивная). В целом аудитор оценил акцент студентов как слабый и умеренный. Умеренный акцент (во всех фразах) был отмечен у двух студентов, имеющих отметки «восемь», слабый – в большинстве (от 66 % до 95 %) реализаций английских фраз студентами, получивших отметку «девять». Мы не обнаружили зависимость проявления иностранного акцента от экспрессивности или нейтральности фразы, однако для окончательного вывода требуется анализ данных большего количества аудиторов. Оценка аудитором характера интонации в целом совпадала с экспрессивностью фраз: интонация большинства реализаций экспрессивных фраз (от 52 % до 75 % по данным разных дикторов) была оценена как высокоэкспрессивная, остальных – как умеренно экспрессивная. В нейтральных фразах высокоэкспрессивными были признаны от 12 % до 38 % реализаций, умеренно экспрессивными в среднем 58–67 % реализаций.

Мы также изучили некоторые акустические характеристики данных записей по параметрам частоты основного тона (ч.о.т.) и интенсивности и сравнили их с аналогичными характеристиками, полученными при исследовании интонации этих же фраз, записанных пятью носителями британского варианта английского языка. Мы измерили максимальные общесловесные значения частотных и динамических максимумов в целом во фразе, на экспрессивных лексических единицах и на их нейтральных парах, а также изучили локализацию во фразе максимальных значений указанных параметров.

Схожесть акустических характеристик интерферентной речи и речи носителей обнаружилась при сравнении значений ч.о.т. на экспрессивных и нейтральных фразах, которые отличались в сторону их увеличения на экспрессивных словах в среднем на 15–20 Гц у всех без исключения испытуемых обеих групп. Однако конкретные значения частотных максимумов у русскоговорящих студентов оказались ниже, чем у носителей языка. Разница между ними составила от 20 до 40 Гц. Кроме того, максимальные значения обоих параметров отмечались на экспрессивных словах на 15–20 % чаще, чем на нейтральных, как в речи носителей языка, так и в речи студентов.

По данным нашего анализа, наиболее значительные различия у всех без исключения испытуемых носителей русского языка, сразу обратившие на себя внимание, – низкие значения амплитуды интенсивности во всех исследуемых частях фразы. В то время как значения интенсивности в экспрессивных фразах в речи всех носителей английского языка находились в диапазоне в среднем от 58 до 85 дБ, а нейтральных – от 60 до 78–79 дБ, то у носителей русского языка независимо от пола они ограничивались 63–74 дБ в обоих типах фраз. Различия между амплитудами интенсивности на экспрессивных и нейтральных словах в составе экспериментальных фраз и на первой акцентной единице (первом полноударном слоге) фраз в речи студентов практически отсутствовала.

Еще одним признаком, отличающим просодическую организацию фраз, реализованных русскоязычными испытуемыми, от просодии носителей английского языка, является отсутствие у студентов различий общефразовых значений ч.о.т. и интенсивности между экспрессивными и нейтральными фразами. В речи носителей английского языка, в свою очередь, наблюдалась четкая тенденция к превышению общефразовых значений ч.о.т. и особенно интенсивности экспрессивных высказываний над аналогичными значениями в нейтральных фразах (рис. 1, 2).

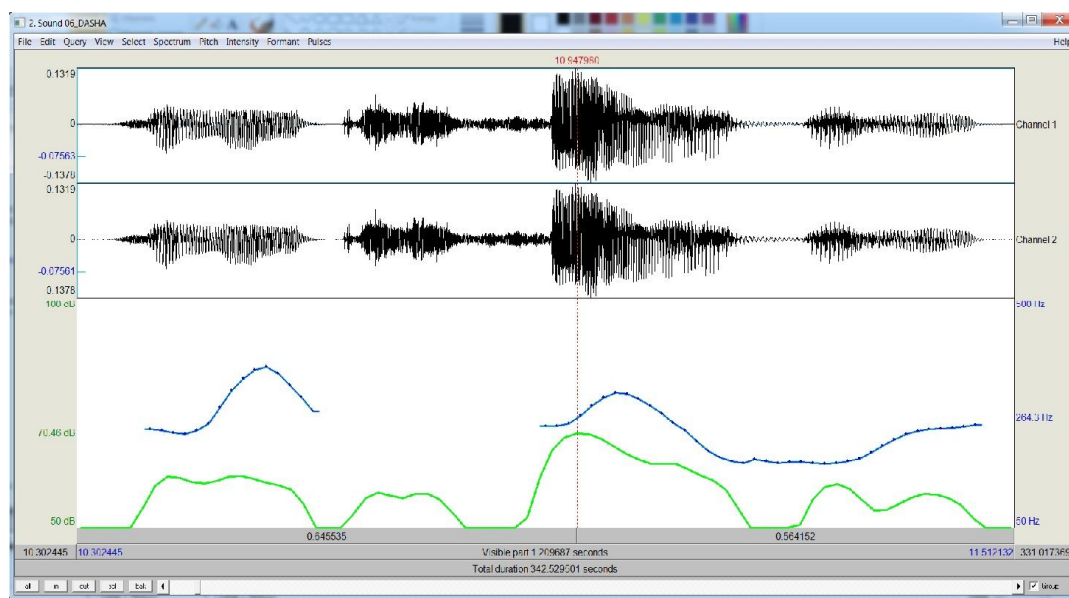


Рис. 1. Кривые ч.о.т. и интенсивности во фразе *He looks horrible* (Он выглядит ужасно) в речи белорусской студентки

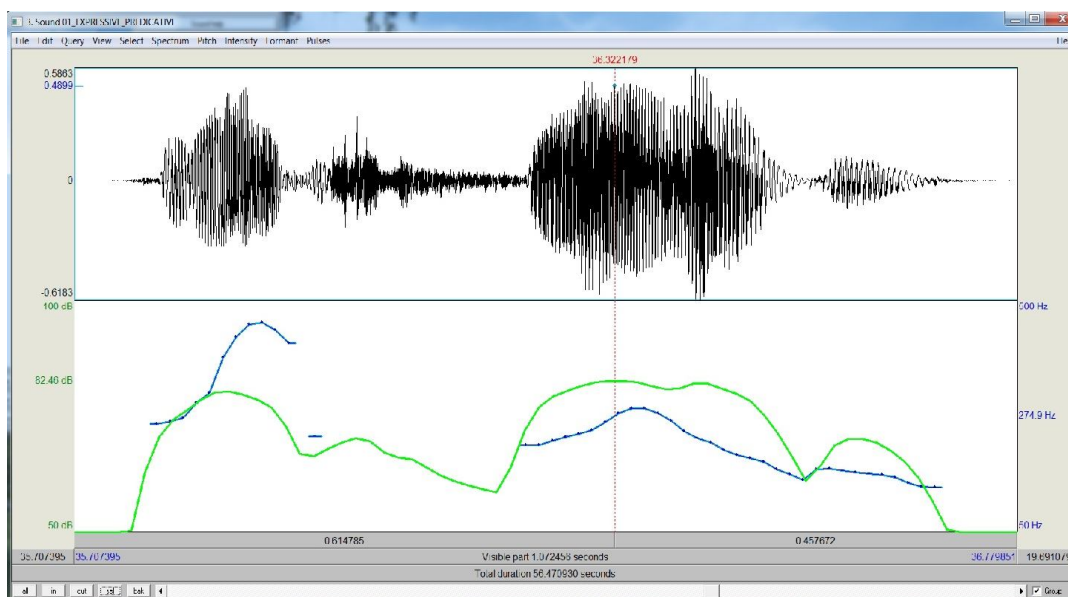


Рис. 2. Кривые ч.о.т. и интенсивности во фразе *He looks horrible* (Он выглядит ужасно) в речи носителя английского языка

Постоянной характеристикой эмфатической просодической выделенности слов экспрессивной семантики в речи носителей английского языка оказалось увеличение длительности начального согласного ударного слога в среднем на 200 %. В случае неперекрываемого ударного слога (например, в словах *awfully* ‘ужасно’, *absolutely* ‘абсолютно, совершенно’) слог начинался с так называемого твердого приступа (glottal stop). В речи студентов этот признак отсутствовал.

Проведенное исследование, таким образом, позволило выявить сходства и отличия просодической структуры высказываний с экспрессивной лексикой на английском языке в реализации студентов-лингвистов и носителей английского языка. Наибольшее сходство наблюдается на локальном участке фразы, занимаемом экспрессивной лексической единицей: студенты, прошедшие обучение в рамках курса фонетики английского языка, способны отразить различия в степени экспрессивности лексических единиц за счет модификаций частоты основного тона, являющегося акустическим коррелятом высотно-тонального компонента фразовой просодии (интонации). Однако, по сравнению с носителями языка, они недостаточно раскрывают экспрессивный потенциал интонации целого высказывания. Следует подчеркнуть, что мы связываем данный факт не с интерферирующим влиянием русского языка, который является родным для белорусских студентов, принимавших участие в исследовании, а с недостаточно полным, на наш взгляд, представлением об экспрессивности в английском языке как о комплексном охватывающем всю фразу и весь контекст явления, в котором взаимодействуют все языковые.

Проведенное нами исследование просодической интерференции в аспекте экспрессивности позволило определить наиболее заметные отклонения в просодической организации высказываний с экспрессивными лексическими единицами в речи студентов, изучающих английский язык. Однако исследование нуждается в дальнейшем расширении и уточнении, анализе большего числа характеристик, которые позволят более полно раскрыть все аспекты проникновения интонации родного языка в интонацию английского языка с целью более эффективного их устранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метлюк, А. А. Некоторые аспекты просодической интерференции / А. А. Метлюк, Е. Б. Карневская // Экспериментальная фонетика : сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: К. К. Барышникова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1974. – С. 140–158.
2. Broselow E. Prosodic phonology and the acquisition of a second language / E. Broselow // Linguistic theory in second language acquisition. – Springer, Dordrecht, 1988. – P. 295–308.
3. Crosby, C. F. L1 influence on L2 intonation in Russian speakers of English : Thesis M. A. / C. F. Crosby. – Portland State Univ., 2013. – 62 p.

4. *Lekova, B.* Language interference and methods of its overcoming in foreign language teaching / B. Lekova // *Trakia J. of Sciences.* – 2010. – Т. 8, № 3. – P. 320–324.
5. *Celce-Murcia, M.* Teaching Pronunciation : A Course Book and Reference Guide / M. Celce-Murcia, D. M. Brinton, J. M. Goodwin. – Cambridge Univ. Press, 2010. – 556 p.
6. *Дубовский, Ю. А.* Вклад минской фонетической школы в теорию межъязыковой просодической интерференции / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // *Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук : сб. науч. ст. / редкол.: В. О. Соколов (отв. ред.) [и др.].* – Самара, 2014. – Т. 16, № 2 (2). – С. 401–407.
7. *Brazil, D.* Pronunciation for advanced learners of English : student's book / D. Brazil. – Cambridge Univ. Press, 1994. – 151 p.
8. *Toivanen, J.* Tone choice in the English intonation of proficient non-native speakers / J. Toivanen // *Proc. of Fonetik.* – 2003. – С. 165–168.
9. *Scherer, K. R.* Emotion inferences from vocal expression correlate across languages and cultures / K. R. Scherer, R. Banse H. G. Wallbott // *J. of Cross-Cultural Psychology.* – 2001. – Vol. 32. – P. 76–92.
10. *Bent T.* Perception and production of non-native prosodic categories / T. Bent [Electronic resource] // Unpubl. Ph. D. thesis, Dep. of Linguistics, Northwestern Univ., Evanston, IL. – 2005. – Mode of access : <https://pdfs.semanticscholar.org/7a61/79ff34d8b5da167b935fc94f80ac167f5df0.pdf>. – Date of access : 20.03.2018.
11. *Wharton, T.* Pragmatics and prosody / T. Wharton // *The Cambridge handbook of pragmatics* / ed. by A. Keith, K. Jaszczołt. – Cambridge, 2012. – P. 567–584.
12. *Wichmann, A.* Where Prosody Meets Pragmatics: Research at the Interface / A. Wichmann, N. Deche, D. Barth-Weingarten // *Studies in Pragmatics.* – 2009. – Vol. 8. – P. 1–22.
13. *Nygaard, L. C.* Communicating emotion: Linking affective prosody and word meaning / L. C. Nygaard, J. S. Queen // *J. of Experimental Psychology: Human Perception and Performance.* – 2008. – Vol. 34 (4). – P. 1017–1030.
14. *Erickson, D.* Expressive speech: production, perception and application to speech synthesis / D. Erickson // *Acoustical Science a. Technology.* – 2005. – Vol. 26, № 4. – P. 317–325.

The article presents the results of a phonetic experiment, which was aimed at investigating the features of prosodic interference in English expressive utterances pronounced by Belarusian English language learners. The study has shown that they were capable of showing the difference in the prosody of lexically neutral and expressive utterances, although this difference was not as conspicuous as that of native speakers. Belarusian learners tend to modify the pitch characteristics of expressive words, while native speakers tend to change the pitch and loudness features of both the expressive word and of the whole utterance.

Поступила в редакцию 15.06.18

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**К. А. Белова****СРЕДСТВА ДЕМОНСТРАЦИИ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ, ЭМОЦИЙ
И МНЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ**

В статье представлены результаты исследования специфики реализации одной из стратегий самопрезентации личности в белорусском интернет-дискурсе, а именно стратегии демонстрации знаний, умений, эмоций и мнений. Так, сообщение выступает в качестве основной тактики актуализации указанной стратегии, экспликация которой происходит преимущественно за счет вербальных средств, выбор которых не зависит от гендерной принадлежности пользователей и языка общения.

На современном этапе развития мирового общества жизнь многих его представителей немыслима без услуг и сервисов Интернета, который представляет собой не просто масштабное техническое изобретение, но и важнейшее стремительно развивающееся социальное явление. Глобальная сеть не только отражает происходящие в обществе процессы, но и оказывает непосредственное воздействие (как положительное, так и отрицательное) на все сферы общественной жизни (экономику, политику, социальную сферу, культуру, язык и т.д.). В такой ситуации актуальной задачей современного научного знания оказывается многоаспектное изучение интернет-среды с целью минимизации негативных последствий влияния Интернета на личность и общество и максимизации положительного эффекта от деятельности в Сети.

С первыми шагами в мире интернет-общения пользователи сталкиваются с необходимостью представить себя интернет-сообществу. Дистанцированность, физическая непредставленность и потенциальная анонимность коммуникантов раскрывает безграничные возможности для самопрезентации в Сети. Самопрезентации личности в интернет-среде посвящены работы таких известных авторов, как Е. П. Белинская, Т. М. Гермашева, А. Е. Жичкина, З. С. Завьялова, К. С. Цибизов, М. С. Школовая, Н. Бэйм, Дж. Донат, Дж. Сулер, Ш. Текл и др. Однако ряд вопросов касательно данного многогранного явления до сих пор остается недостаточно изученным. Среди них – установление и описание стратегий, тактик и приемов самопрезентации; выявление специфики самопредставления в различных национальных сегментах. Сказанное определяет актуальность предпринятого нами исследования, результаты которого представлены в данной статье. Объектом нашего исследования является процесс самопредставления в Сети, а предметом – средства демонстрации знаний, умений, эмоций и мнений в белорусском интернет-сегменте. Цель нашего исследования – определить специфику вербальной/невербальной реализации стратегии демонстрации знаний, умений,

эмоций и мнений в белорусском интернет-сегменте. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: установлены тактики названной стратегии и выявлены типичные для белорусских интернет-пользователей приемы их актуализации. Поясним, что в основу определения границ белорусского сегмента Сети нами положен административный принцип [1, с. 15], согласно которому Байнет/ Белнет представляют все ресурсы с национальным доменом верхнего уровня для Республики Беларусь «.by» и «.бел». Отметим, что в нашем исследовании мы ограничились изучением специфики демонстрации знаний, умений, эмоций и мнений в наиболее частотных при письменной интернет-коммуникации белорусских пользователей жанрах (электронное письмо, форум, чат, блог), а именно в таких их субжанрах, т.е. вариантах реализации, как «личное произвольно написанное электронное письмо», «тематический форум», «групповой чат» и «авторский блог-дневник» [2, л. 39–44]. Изучение специфики самопрезентации белорусских пользователей производилось в ходе анализа общения 300 активных интернет-пользователей Байнета/ Белнета (150 женщин и 150 мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет, имеющих (незаконченное) высшее образование, на материале 4 500 текстов (2 250 женских и 2 250 мужских сообщений) четырех субжанров интернет-дискурса (1 125 личных произвольно написанных э-писем, 1 125 сообщений групповых чатов, 1 125 сообщений тематических форумов, 1 125 сообщений авторских блог-дневников) на русском (1 500 сообщений), белорусском (1 500 сообщений) и английском (1 500 сообщений) языках.

Применительно к интернет-дискурсу самопрезентация рассматривается как процесс сознательного и неосознанного предъявления пользователем себя интернет-аудитории при помощи определенного набора стратегий и тактик, а также вербальных и невербальных средств с целью формирования желаемого впечатления у собеседника по интернет-общению и построения дальнейшей коммуникации с ним [3, с. 12; 4, с. 13]. Придерживаясь приведенного выше понимания явления самопрезентации, мы полагаем, что для белорусского интернет-дискурса характерен определенный набор стратегий, тактик, а также конкретных языковых и неязыковых приемов, которые используются белорусами для самопредставления в коммуникативном пространстве национального сегмента Сети. Так, в ходе изучения специфики самопрезентации интернет-пользователей в Байнете/Белнете было установлено, что среди прочего самопредставление осуществляется за счет демонстрации своих знаний и/или умений, а также эмоций и мнений [2, л. 68–70]. Актуализация названной стратегии самопрезентации была обнаружена в 85,7 % сообщений тематического форума, 61,3 % сообщений авторского блог-дневника, 35,7 % личных произвольно написанных электронных писем, 23 % сообщений группового чата.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что стратегия демонстрации знаний/умений/эмоций/мнений представлена **тактикой сообщения**, которая реализуется в 84 % всех сообщений выборки языкового

материала и эксплицируется разным набором приемов в зависимости от того, что демонстрируется: знания, умения, эмоции или мнения. На основании этого мы выделяем четыре варианта данной тактики.

1. Для **сообщения о знаниях** употребляются словосочетания/предложения со значением 'обладать знанием о чем-либо', где часто используются переходные глаголы интеллектуальной деятельности (*знать, ведаць, забывать, памятаць, know* и т.д.), идиоматические выражения со значением 'владеть информацией' (*быть в теме, быть в курсе*), глаголы с переносным значением 'разбираться в чем-либо' (*шарить, сечь*). Например, *я вроде шарил в физике, но репетитарам идти... неа, не патяну!* – чат; *в теме всегда, а то завалят!* – чат; *да ням за што – вольга ведае шмат рацэнтая* ☺ – *звяртайцеся калі ласка!* – форум; *I know much about female tricks – you won't hook me!!* – э-письмо). Демонстрация знаний отмечается в 10,4 % всех сообщений выборки языкового материала.

2. При **демонстрации умений** тактика сообщения эксплицируется с помощью словосочетаний/предложений со значением 'могу/умею делать что-то хорошо', где используются глаголы с прямым и переносным значением возможности (*суметь, домучить, здюжыць, палучыцца, can* и т.д.), к которым добавляются переходные глаголы различной семантики. Кроме того, в таких предложениях распространено употребление обстоятельств образа действия. Например, *всю жизнь мог на память повторить все, что с вниманием слушал – поэтому и в универе канспектов не веду* – э-письмо; *да как-то так всё всегда получалось без особых усилий – может удача, а может и дар :D!!* – чат; *I can do 300 push-ups without a brake...wanna bet?* – чат. При этом сами глаголы с модальностью возможности могут опускаться, если из ситуации понятно, что речь идет о возможности/способности/умении коммуниканта что-то делать. Например, *я вельми добра раблю драники* – блог; *so what?? I do 500 ups and no rest!!* – чат. Демонстрация умений отмечается в 8,6 % всех сообщений выборки языкового материала.

3. При **демонстрации эмоций** тактика сообщения актуализируется посредством употребления глаголов, прилагательных и наречий со значением эмоционального состояния, переживания, отношения и внешнего проявления эмоций, а также эмоционально окрашенных междометий. Например, *ненавижу жару!* – форум; *плачу, калі бачу...тое, што бачу...* – форум; *рад, что сходил – пати была улётная!!* – э-письмо; *ух, слёзно мне одному, приходи, у-у-у!!* – э-письмо; *get scared every time when see a bat. and there are dozens of them every night flying around, brr!* – э-письмо. Иногда встречаются прецедентные слова и выражения из стихов, песен лирического и романтического характера, использующиеся для выражения положительных эмоций (*люблю грозу в начале мая!* – форум). Отрицательные эмоции могут передаваться употреблением грубой/нецензурной лексики (*задалбался снег чистить, маза фака!* – чат). Кроме того, здесь активно применяются приемы таких **невербальных тактик**, как тактика использования пазиграфических знаков в составе вербальных высказываний; тактика шрифтового и цветового оформле-

ния высказывания/сообщения; тактика нестандартного употребления знаков пунктуации; тактика использования иконических средств [2, л. 90–98]. Так, например, многократное употребление восклицательного знака сигнализирует о проявлении положительных эмоций (*каникулы!!!!!!* – чат), вопросительного знака – о проявлении недоумения/изумления/раздражения (*и что с того ??????* – чат). Аналогичные функции выполняют эмотиконы (*болею ☹* – чат) и шрифтовое варьирование (*УРА! ЗИма ПРИшла – даставай штаНИще!! ПОшли на хакеИще!!* – форум). Демонстрация эмоций отмечается в 26,4 % всех сообщений выборки языкового материала.

4. Для **сообщения мнений** характерно употребление глаголов интеллектуальной (*думаю, полагаю, кумекаю, лічу, разумею, think, believe, consider* и т.д.) и речевой деятельности (*говорить, озвучивать, выказваць, voice, tell* и т.п.), устойчивых словосочетаний и клише либо их аббревиатур (*моё мнение следующее, на майму разуменню, вось мая думка, from my opinion/point of view, here is my vision, as for me, personally, in my humble opinion/ІМНО* и т.д.), а также разговорных выражений (*мая тумкала лічыць, my mind cries* и т.д.) со значением ‘выражение мнения/своей позиции’. Например, *считаю, что ей цветов мало будет!* – чат; *имхо: ГЛУПО!!* – форум; *думка мая у тым, каб стары стол захаваць, трэба штосьці тына рэстаўрацыі яму зрабіць* – форум; *I wanna just voice in that there is no way we can skip her class!* – чат. Демонстрация мнений отмечается в 38,6 % всех сообщений выборки языкового материала.

Анализ языкового материала показал, что для реализации тактики сообщения, независимо от того, что сообщается (знания, умения, эмоции или мнения), во всех субжанрах присутствует упоминание имен известных людей и персонажей с цитацией их высказываний, т.е. употребляются прецедентные выражения или афоризмы. Например, как говорила *Монро: у весёлого человека сияет душа, и не важно улыбается он или нет – вот я не улыбаюсь, но чувство юмора есть и смешить других умею!!* – форум. в приведенном высказывании актуализируется тактика сообщения умений. в примере *Энштейн прав: все в мире относительно!!* (блог) реализуется тактика сообщения мнений.

Отметим, что для демонстрации мнений в сообщениях всех анализируемых субжанров часто используется дополнительно **тактика комментирования**. В ходе исследования было обнаружено, что реализация тактики комментирования происходит в 59,4 % всех сообщений выборки языкового материала. Она эксплицируется, прежде всего, в повторении ключевых слов, фраз, предложений или собственной вербализации основной идеи комментируемого в сочетании с предлогами (*про, по, насчет* и *относительно* – для русских сообщений; *пра, наконт* и *адносна* – для белорусских сообщений; *as for, on, about, concerning* – для английских сообщений). Например:

1) электронное письмо: *вот сижу фотки с Москвы листаю, Красная площадь – супер просто!!* + ответ на письмо: *Про Красную Площадь. Мне она тоже показалась не такой уж большой;*

2) чат-сообщение № 1: *у рэстаран хочацца, алеж грошы дзе узяць??? + чат-сообщение № 2: **Наконт грошаў** – не хвалюся, усе падараць \$\$\$ – заказвай!!;*

3) форум-сообщение № 1: *I doubt that there is anyone capable to submit paper like this before year end!! + форум-сообщение № 2: **concerning capability** I consider that it depends on motivation and anyone can do it, really!.*

Кроме того, здесь употребляются слова, словосочетания и предложения со значением ‘согласие/несогласие’ (да, и я о том же, ну прям уж, точно, стопудов, соглашусь/не соглашусь, по way, true, right и т.д.) либо несущие положительную или отрицательную оценку комментируемого (хорошо говоришь, дело глаголишь, здоро подловил, туфту гонишь, хлусня, great idea, stupid dream и т.д.). Например:

конер: этот фильм – классика синематографа!!

*арнольд30: **соглашусь!** тышу раз уже видел и тышу первый с удовольствием смотреть буду!*

*миха: цитата (конер: этот фильм – классика синематографа!!) **ну прям уж!** может классика жанра и своего времени – ДА, но не всего синематографа! до него были и после него тоже куча здоровских фильмов!!* (отрывок из форума).

Полученные результаты предпринятого нами исследования позволяют сделать следующие выводы.

В о - п е р в ы х, в белорусском интернет-дискурсе стратегия демонстрации знаний/умений/эмоций/мнений актуализируется в большинстве случаев посредством тактики сообщения, причем белорусские пользователи при общении в Сети чаще выражают собственное мнение, чем сообщают о знаниях, умениях или эмоциях.

В о - в т о р ы х, степень актуализации названной стратегии зависит от жанра интернет-дискурса. Так, демонстрация знаний/умений/эмоций/мнений характерна в большей степени общению на тематических форумах и в меньшей – в групповых чатах.

В - т р е т ь и х, экспликация стратегии демонстрации знаний/умений/эмоций/мнений происходит в белорусском интернет-сегменте преимущественно за счет языковых средств. Неязыковые средства используются в комплексе с языковыми лишь при выражении эмоций, интенсифицируя смыслы вербальной составляющей.

В - ч е т в е р т ы х, выбор языковых/неязыковых средств актуализации указанной стратегии не зависит от гендерной принадлежности пользователей и языка общения.

И, наконец, стратегия демонстрации знаний/умений/эмоций/мнений является неотъемлемой частью самопрезентации в Сети, с одной стороны представляя пользователя интернет-сообществу, с другой – содействуя конструированию впечатлений о собеседнике.

В заключении отметим, что изучение специфики реализации стратегии демонстрации знаний/умений/эмоций/мнений в частности и самопрезентации в целом в белорусском интернет-дискурсе, а также сопоставительные исследования национальных сегментов Глобальной сети по данному вопросу могут содействовать оптимизации межличностного взаимодействия как в Сети, так и за ее пределами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-коммуникация как новая речевая формация : коллективная монография / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 328 с.
2. Белова, К. А. Интернет-дискурс Беларуси в социолингвистическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / К. А. Белова. – Минск, 2014. – 176 л.
3. Гермашева, Т. М. Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингво-когнитивный аспект : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. М. Гермашева ; Рост. гос. эконом. ун-т. – Нальчик, 2011. – 20 с.
4. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / О. В. Лутовинова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2009. – 39 с.

The article presents the results obtained while studying specifics of demonstrating knowledge, skills, emotions and opinions in the Belarusian internet-segment.

Поступила в редакцию 25.05.18

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

И. К. Кудрявцева**АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ ЮГА США
(на примере романа П. Тейлора «Вызов в Мемфис»)**

В статье рассматривается специфика реализации категории художественного конфликта в романе «Вызов в Мемфис» американского писателя Питера Тейлора, представителя «южной школы» литературы США XX века. Анализ системы персонажей, сюжета, пространственно-временной организации романа и его повествовательной структуры позволил выявить в нем конфликты разных типов: межличностный и внутриличностный, которые представлены автором в единстве трех аспектов: психологического, архетипического, социокультурного. Система конфликтов в романе Тейлора является ключевым инструментом раскрытия проблематики, характерной для южного художественного дискурса.

Художественный конфликт является одной из центральных литературоведческих категорий, тесно связанных с содержанием и формой художественного произведения, а также с жизненным опытом и мировоззрением автора, историко-культурным контекстом его творчества. Понимаемый как противоборство, противоречие «между изображенными в произведении действующими силами – характерами и обстоятельствами, несколькими характерами или разными сторонами одного характера» [1, с. 165], художественный конфликт является ядром идейно-эстетического содержания произведения. Он многоаспектен и многофункционален, «организует художественное произведение на всех уровнях – от тематического до концептуального, придавая каждому образу – персонажу, детали и пр. – его качественную определенность в противопоставлении всем другим образам» [1, с. 166]. Исследователи отмечают, что художественный конфликт несет в себе те же свойства, что и жизненный, однако не сводится к простому изображению реальных противоречий действительности, так как они преломляются в сознании писателя и эстетически преобразуются в его творчестве. Вместе с тем категория конфликта является мощным связующим звеном между реальностью «первичной» и реальностью эстетической, так как она «гораздо прочнее других литературоведческих категорий включена в общественно-культурный контекст; в ней в наибольшей мере ощущается проникновение в искусство жизненной практики; в ней осуществляется взаимодействие поэтического и коммуникативного языков» и обнаруживается «то сложное взаимодействие художественного и внехудожественного, в котором выявляется специфика искусства» [2].

Данные наблюдения литературоведов в полной мере применимы при анализе произведений представителей «южной школы» литературы США

XX в., для которых отправной точкой художественных поисков стали история, культурные реалии и социально-экономические проблемы американского Юга¹. Поражение Юга в Гражданской войне 1861–1865 гг. и отмена существовавшей в южных штатах системы рабовладения повлекли за собой болезненную перестройку экономических и социальных институтов региона. В то же время нежелание многих белых южан отказываться от существовавших ранее расовых и классовых иерархических разграничений привело к поляризации общественных настроений и усугублению специфически «южных» противоречий и антагонизмов. Расовая нетерпимость, вспышки насилия, экономическое расслоение населения преобладали в регионе вплоть до 1950–60-х гг., когда на Юге развернулось движение афроамериканцев за гражданские права. Все это обусловило особую значимость категории художественного конфликта в идейно-смысловой и сюжетно-композиционной структуре произведений писателей-южан. Как выразился С. Кушман в предисловии к сборнику материалов конференции «Конфликт в литературе Юга», состоявшейся в г. Монтгомери (штат Алабама, 2004), «есть в конфликтах в южной литературе нечто, заслуживающее особого рассмотрения» [3, р. хiii]. Репрезентация устойчиво-конфликтного положения южанина, отягощенного бременем прошлого, находящегося на сломе исторических эпох, зависимо от существующих в южной общине расовых и классовых границ и диктата общественного мнения, стала своего рода визитной карточкой писателей-южан У. Фолкнера, Э. Колдуэлла, Р. П. Уоррена. Межличностный конфликт в их произведениях создает предпосылки для возникновения конфликта внутриличностного, сопряженного с нравственным выбором героя. В творчестве писателей-южан, тяготевших к субъективно-лирической художественной парадигме (Ю. Уэлти, К. Маккаллера, П. Тейлора), почвой возникновения конфликтов становятся уже не столько расовые и социально-статусные, сколько возрастные, гендерные и эмоционально-психологические различия между героями, и акцент переносится с этической значимости ситуации морального выбора на ее психологическую составляющую и потенциал для личностного развития.

Целью данной статьи является рассмотрение специфики реализации категории художественного конфликта в романе «Вызов в Мемфис» («A Summons to Memphis», 1986) американского писателя-южанина, уроженца Теннесси Питера Тейлора (Peter Taylor, 1917–1994). Для Тейлора средоточием истории и нравов американского Юга стала *южная семья* с ее разветвленными родственными связями, традиционалистскими установками и запасом легенд и анекдотов. Начиная с самых ранних своих рассказов, Тейлор был необычайно чуток ко всем тем конфликтам, которые неизбежно возникают при взаимодействии людей разных возрастов, характеров, полов.

¹ К Югу США традиционно относят штаты Алабама, Арканзас, Вирджиния, Джорджия, Кентукки, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Теннесси, Флорида, Южная Каролина.

Не является исключением и его отмеченный Пулитцеровской премией роман «Вызов в Мемфис». Основу сюжета романа составляет конфликт между 81-летним вдовцом Джорджем Карвером, в прошлом известным в Теннесси юристом и бизнесменом, и его дочерьми Бетси и Джозефиной, которые решили воспрепятствовать намерению отца жениться во второй раз. Сестры остро нуждаются в поддержке своего брата Филиппа, который давно покинул Теннесси и живет и работает в Нью-Йорке.

Филипп Карвер является не только главным героем романа, но и повествователем, а значит, и носителем системы взглядов и оценочных суждений. Наиболее очевидной причиной беспокойства сестер он считает потерю наследства, и его повествование начинается с изложения ряда историй, ставших частью мемфисского городского фольклора, в которых решающая роль отводится заинтересованным в наследстве детям «жениха». «Когда стало известно о намерении мистера Джоула [Мэннинга] жениться снова, его собственные дети подали на него в суд. (К несчастью для него, все его сыновья были юристами). И там, в суде, перед всем светом, если можно так сказать, сыновья мистера Джоула объявили его *non compos mentis*. <...> Когда полковник Филдинг заявил, что хочет вторично жениться, три его дочери, – замужем за мемфисскими врачами, заточили отца в частную клинику, как тогда назывались такие места. <...> В примечательном возрасте девяноста шести лет судья Гастон выразил неслыханное желание жениться на своей экономке, северянке ирландского происхождения, которая была специально выписана из Бостона в Мемфис, чтобы присматривать за ним после смерти жены. Сразу же после этого <...> дети судьи Гастона <...> увезли разменявшего девятый десяток старца на хлопковую ферму в Миссисипи <...> вне досягаемости какой-нибудь хищницы из Мемфиса» [4, p. 13–15]¹.

В то же время по мере развития повествования становятся очевидными другие причины разгоревшегося конфликта, уходящие в прошлое и являющиеся *психологическими*. О звонках сестер к Филиппу с просьбой приехать читатель узнает на первых страницах романа, однако сам момент принятия им решения поехать в Мемфис описан лишь в седьмой из двенадцати глав романа. За те несколько часов, которые проходят между этими опорными точками повествования, Филипп воссоздает в памяти важные события прошлого, прежде всего переезд семьи из Нашвилла в Мемфис, инициированный Джорджем Карвером после того, как его деловую репутацию погубил друг и партнер по бизнесу Льюис Шакельфорд. Для отца Филиппа переезд стал возможностью разорвать все контакты с Шакельфордом и начать все с чистого листа, однако для остальных членов семьи он оказался событием травматичным. На момент переезда Филиппу было 13 лет, его брату – 15, сестрам Бетси и Джозефине – 19 и 20 лет соответственно; в Нашвилле оставались жених Бетси, многочисленные родственники, друзья и зна-

¹ Здесь и далее перевод сделан автором статьи. – И. К. Кудрявцевой.

комые Карверов, дом, в котором семья прожила 20 лет. Как мы узнаем из рассказа Филиппа, после переезда в Мемфис, мать, которая была эмоциональным центром семьи, превратилась в зависимую от отца и отдалившуюся от детей женщину, не сложилась личная жизнь сестер Филиппа: его брат, устав от семейных неурядиц, ушел добровольцем на войну и погиб.

Если для Филиппа прошлое в Нашвилле – идиллическое время в жизни семьи, то переезд в Мемфис стал для него событием пороговым, актуализирующим в повествовании хронотоп «кризиса и жизненного перелома» [5, с. 397]. В воспоминаниях Филиппа о переезде формируется образ Джорджа Карвера как человека властного, требующего беспрекословного подчинения. Стремясь забыть Нашвилл, Джордж Карвер убедил Бетси разорвать отношения с ее нашвиллским женихом, мемфисских же ухажеров второй дочери, Джозефины, он не одобрил, считая их вульгарными и невоспитанными. Позднее отец вмешался и в личную жизнь самого Филиппа, расстроив его отношения с Кларой Прайс, девушкой из Чаттануги, которую двадцатитрехлетний Филипп встретил и полюбил, когда проходил службу в армии. Из воспоминаний Филиппа складывается впечатление о том, что именно по вине отца ни один из его детей так и не создал семью. Таким образом, сложившаяся в романе конфликтная ситуация обретает особую остроту: отец и дети меняются местами, и теперь его судьба в их руках.

Вместе с тем Филиппу тесно в образе жертвы отцовского характера. Выступая в роли рассказчика, он стремится не только управлять вниманием аудитории, используя приемы прямой адресации, вводя в повествование отступления уточняющего и поясняющего характера, но и сформировать образ себя как личности. Размышляя о письмах сестер, в которых они рассказывают о жизни отца после смерти матери, он приходит к выводу о том, что за их добродушным подшучиванием над его «выходками» скрываются жестокость и мстительность. Для Филиппа интриги Бетси и Джозефины – примета их ограниченности и провинциальности и, принимая решение поехать в Мемфис, он склоняется к тому, чтобы выступить на стороне отца, а не сестер. Возникающий при этом образ Филиппа как человека великодушного и независимого в своих решениях не вполне соответствует образу Филиппа, создаваемому автором с помощью особого подбора лексико-синтаксических средств и композиционного приема ретроспекции, – человека, отягощенного грузом обид и претензий, для которого субъективная реальность воспоминаний более осязаема, чем обстоятельства его теперешней жизни.

Точкой соприкосновения контрастирующих аспектов образа Филиппа и его разнонаправленных внутренних импульсов является фигура Джорджа Карвера. Эмоционально-психологическая зависимость Филиппа от отца согласуется с традиционными представлениями о фигуре отца как символе силы, власти, авторитета и выводит на первый план *архетипическую* значимость представленного в романе конфликта. Тейлор в своих интервью признавался, что эта тема была близка ему самому, так как в течение долгого

времени у него не складывались отношения с собственным отцом, не принимавшим его писательских устремлений [6, р. 145]. Д. Робинсон вычленяет связку «отец–сын» в качестве призматической для всего творчества Тейлора и ключевой – для романа «Вызов в Мемфис», где эти отношения, как считает американский критик, деструктивны, так как не позволяют Филиппу сформировать стабильную идентичность [7, р. 29]. Представляется, однако, что роль Джорджа Карвера в общей концепции романа заключается в том, чтобы вновь и вновь служить катализатором самоопределения героя-рассказчика. Предметом изображения в романе становится сам процесс поиска идентичности, предполагающий серьезную психологическую работу и обретающий форму повествования, так как, по мнению Тейлора, облечение в словесную форму мыслей, переживаний, желаний, впечатлений имеет функцию смыслопорождения и придания «некой упорядоченности хаосу нашей жизни» [6, р. 52]. При этом Тейлор глубоко проникает в психологию героя-рассказчика, где сложным образом переплетены прошлое и настоящее, сознательное и бессознательное.

В конечном итоге конкретных действий со стороны Филиппа в Мемфисе не потребовалось – под давлением Бетси и Джозефины невеста отца не явилась на бракосочетание. Вместе с тем, размышляя о необходимости поездки в Мемфис, Филипп задумывается о факторах, способствовавших формированию бескомпромиссного и авторитарного характера отца, и о том, почему его собственные отношения с Холли Каплан, которые длятся вот уже 12 лет, зашли в тупик. Акцентируя субъективно-психологическую, а не сюжетообразующую значимость решений Филиппа, Тейлор вновь переводит конфликт отцов и детей в плоскость личностного самоопределения.

Дальнейшие действия Бетси и Джозефины демонстрируют попытку разрешить конфликт путем установления новых иерархических отношений в семье: они переезжают к отцу, чтобы полностью контролировать его. Однако противостояние Джорджа Карвера и его детей получает дальнейшее развитие, когда три месяца спустя Филипп вновь приезжает в Теннесси, на горный курорт Аул Маунтен, чтобы повидать отца и сестер. Во время одного из обедов в ресторане отеля Филипп замечает Клару Прайс, его юношескую любовь, в окружении мужа и детей, а Джордж Карвер – Льюиса Шакельфорда, и если Филипп так и не решается подойти к Кларе, то его отец и Шакельфорд находят в себе силы, чтобы заговорить друг с другом и обняться в знак примирения. Эти события воскрешают в памяти Филиппа и его сестер прошлые страдания и обиды, и когда полтора месяца спустя Бетси и Джозефина просят брата вновь приехать в Мемфис, на этот раз чтобы помешать отцу отправиться с длительным визитом к Льюису Шакельфорду, он почти готов их поддержать. Однако Филиппу вновь не пришлось проявлять ни мстительности, ни великодушия, так как в кульминационный момент противостояния Джорджа Карвера и его детей приходит известие о смерти Шакельфорда. Сцена, когда Филипп кладет свою ладонь на руку

отца в знак поддержки, а Джордж Карвер решительно накрывает ее своей второй рукой, является метафорическим и несколько ироничным воплощением иерархичности семейных отношений.

В финале романа Филипп решает просто забыть былые обиды и наладить общение с отцом. Они активно обмениваются письмами и телефонными звонками вплоть до смерти Джорджа Карвера весной следующего года. Такое разрешение психологического конфликта Филиппа представляется амбивалентным, так как не указывает на преодоление героем внутренних противоречий и его выход на новый уровень личностного развития. Подруга Филиппа – Холли, у которой также складываются непростые отношения с овдовевшим отцом, представляет в романе тот зрелый подход к конфликту поколений, который можно считать выражением авторской позиции. Холли настаивает на том, что, только помня о прошлом, можно извлечь из него уроки и двигаться дальше. Здесь прослеживается идейно-тематическая связь романа «Вызов в Мемфис» с романом «Дочь оптимиста» («The Optimist's Daughter», 1972) писательницы-южанки, современницы Тейлора – Юдоры Уэлти. В нем главная героиня Лоурел Мак-Келва сталкивается с реальностью повторного брака своего отца, его смерти и раздела наследства, и для нее память о прошлом становится важнейшим духовным ориентиром.

Рассмотрев психологическое и архетипическое измерения представленного в романе конфликта, стоит отметить, что его характер и логика развития во многом обусловлены спецификой того *социокультурного контекста*, в котором он разворачивается. В Мемфисе, быстро развивающемся деловом центре штата Теннесси, царят иные нравы и структуры регулирования и упорядочивания конфликтов, чем в Нашвилле – столице штата, где семья Карверов жила раньше и где подобное поведение вдовца и его детей было бы немыслимым в силу существования более традиционалистской системы ценностей. В Мемфисе гендерные, классовые, морально-нравственные границы обозначены не так четко, и именно здесь дочери Джорджа Карвера проявили качества, ассоциирующиеся в патриархальном южном обществе с маскулинностью: замуж ни одна из них так и не вышла, однако сестры занялись страхованием и торговлей недвижимостью, основали собственный бизнес. Таким образом, их стремление контролировать отца отражает не только ценности нового поколения южан, но и существенные культурно-экономические различия между субрегионами Юга – так называемым Верхним Югом и Нижним Югом (Глубоким Югом).

Специфика развития межличностного конфликта в романе также обусловлена тем, что обеспеченная родовитая семья Карверов принадлежит к культурной и финансовой элите южного общества, образ жизни которой был хорошо известен самому писателю: среди многих поколений юристов и политиков Тейлоров были федеральный окружной судья, два губернатора штата Теннесси, а отец писателя возглавлял крупную страховую компанию. Атрибутами высокого социального статуса героев Тейлора становятся не только дом в престижном районе, автомобиль, членство в загородном клубе, но

и знание и соблюдение приличий и этикетных норм. В их речи высок удельный вес модальных глаголов, сослагательных конструкций, речевых актов приветствия, благодарности, извинения, а также обращений, уточняющих вопросов. К столу должным образом одеваются, прежде чем войти в комнату – стучатся, а выяснять отношения, устраивать скандалы считается неприличным, «вульгарным». Бетси, Джозефина и Филипп не могут открыто выступить против отца, так как в семье Карверов никогда не было принято выяснять отношения, а в детях воспитывались такие качества, как сдержанность, самоконтроль. Так, в день предполагаемой поездки Джорджа Карвера к Льюису Шакельфорду нервы у всех напряжены, однако никто не решается сделать первый шаг. Отец и дети ведут разговор о погоде и дорогах, при этом машина Филиппа намеренно припаркована так, что загораживает выезд автомобилю отца, и эта деталь недвусмысленно указывает на антагонистичность интересов участников конфликта, несмотря на преобладание в повествовании дискурса вежливости.

Таким образом, в романе Питера Тейлора «Вызов в Мемфис» категория художественного конфликта реализуется в противостоянии героев (Джорджа Карвера и его детей) и в изображении внутренних противоречий героя-рассказчика. Тейлор подчеркивает, что в семейных конфликтах нет победителей и побежденных, так как их последствия долговременны и болезненны для обеих сторон. Анализ образов Филиппа Карвера и Холли Каплан показывает, что продуктивное разрешение внутриличностного конфликта Тейлор связывает с ценностной парадигмой, характерной для южного художественного сознания: вербализация травматичного опыта, сохранение его в памяти коллективной и индивидуальной, осознание его значимости для процессов самоидентификации и самопознания. Представленные в романе межличностный и внутриличностный конфликты, помимо глубины психологической проработки и общечеловеческой значимости, характеризуются и социокультурной спецификой: источником конфликтов в романе во многом является сама модель семьи и общества, основанная на отношениях доминирования/подчинения и укорененная в южной культуре, а переезд семьи из одного субрегиона Юга в другой лишь обострил существовавшие противоречия. Вместе с тем в обозначенных в романе дихотомиях «отцы/дети», «тогда/теперь», «мужское/женское» проявилась художественная установка Тейлора на движение от локального к универсальному, характерная для представителей «южной школы» литературы США.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эпштейн, М. Н.* Конфликт / М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева ; редкол. : Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М. : Сов. энцикл., 1987. – С. 165–166.

2. Хомякова, О. Р. Конфликт как категория формы и содержания / О. Р. Хомякова // Весці БДПУ. – 2006. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elib.bspu.by/handle/doc/19576>. – Дата доступа : 28.01.2018.
3. Cushman, S. Preface / S. Cushman // Themes of conflict in the nineteenth- and twentieth-century literature of the American South /ed. by B. Robertson. – Lewiston. – N. Y. : Edwin Mellen Press, 2007. – P. xi–xiii.
4. Taylor, P. A Summons to Memphis / P. Taylor. – N. Y. : Ballantine Books, 1986. – 233 p.
5. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 502 с.
6. Conversations with Peter Taylor / ed. by H. McAlexander. – Jackson : Univ. Press of Mississippi, 1987. – 178 p.
7. Robinson, D. World of relations : the achievement of Peter Taylor / D. Robinson. – Lexington : Univ. Press of Kentucky, 1998. – 209 p.

The article deals with the specificity of representation of literary conflict in the works by writers from the American South, in particular in Peter Taylor's novel *A Summons to Memphis*. Two types of conflict in the novel, interpersonal and intrapersonal, are analyzed in terms of their psychological, archetypal and sociocultural dimensions.

Поступила в редакцию 08.06.18

Л. В. Левшун

«СМЕРТЬ ЖАНРА» В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОГО БОГОСЛОВИЯ ТВОРЧЕСТВА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье делается попытка объяснить, почему в литературе XIX–XX вв. наблюдается размывание жанровых границ и энтропия жанров: художественный канон христианской культуры для достижения целей, поставленных перед художественным творчеством христианской педагогикой, особым образом регулирует отношения автора, адресата, предмета изображения, с одной стороны, и творческого метода, жанра и стиля – с другой, охраняя их от саморазрушения. В процессе секуляризации художественного творчества категориальные отношения между методом, жанром и стилем изменяются до саморас- тождествления, что приводит к «смерти» этих категорий.

Генологическая система Аристотеля, как и теории литературных родов и жанров, выработанные немецкой классической эстетикой в начале XIX в., уже в XX в. перестали соответствовать потребностям литературоведческих исследований. Жанровое мышление исчерпало себя, наступила своего рода энтропия жанра. Исследователь Б. Кроче в своей книге «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902) назвал «самой значительной победой интеллектуалистического заблуждения учение о художественных и литературных родах... ибо, – по его мнению, – невозможно при эстетическом анализе отделить субъективную сторону от объективной, лирическое

от эпического, образ чувства от образа вещей. Из учения о художественных и литературных родах, — полагал Б. Кроче, — вытекают те ошибочные способы суждения и критики, благодаря которым, вместо того, чтобы заняться установлением того, выразительно ли данное художественное произведение и что оно собою выражает, ... спрашивают о том, соответствует ли оно законам эпической поэмы или законам трагедии» [1, с. 40]. Вместе с тем Б. Кроче указал на то, что «каждое подлинное произведение искусства было сопряжено с нарушением какого-либо установленного рода, внося этим дезорганизацию в мысли критиков, которым приходилось расширять пределы рода...» [1, с. 40, 42]. Описание художественных произведений с помощью этих категорий, по мысли Б. Кроче, «не дает определений и законов», а потому вводит в заблуждение, когда им «придается вес научного различия» [1, с. 44].

Мысль о том, что категорию «род/жанр» целесообразно исключить из искусствоведческого и литературоведческого исследовательского инструментария, высказывается и современными исследователями, хотя и не в столь категоричной форме, как у Б. Кроче, и в том плане, что «необходимо отказаться от догматического изложения определенной замкнутой в себе и претендующей на истинность “концепции” литературных жанров, родов, видов» [2, с. 4]. В частности, делаются попытки модернизировать классические теории, например, принципиально методологически разграничивая «канонические» и «неканонические» жанровые структуры (правда, при этом разграничении художественный канон ошибочно, но безоговорочно отождествляется с этикетом как готовой структурно-изобразительной схемой), или различая «теоретические» типы литературных произведений, то есть «идеальные», логически сконструированные их модели, и «исторические», то есть связанные с их местом и функцией в литературной системе определенной эпохи в целом: признается, что «незыблемым свойством литературы остаются ее родовые начала, они существуют извечно... Жанровое мышление — величина не столь постоянная... “жанры” существуют с тех пор, как существует литература, и в то же время они существуют не во исполнение теоретического априори их сущности, но как закономерные воплощения литературной и жизненной потребности, которая обобщается и “затвердевает” в жанровом сознании и в жанровой памяти... Жанр является производным истории, исторических сдвигов» [2, с. 4]. Именно этот исторически конкретный и исторически подвижный жанр стал сегодня одним из самых популярных инструментов нового прочтения произведения в западном литературоведении и это напоминает о том, как в известном романе М. Твена нищий, случайно принятый за принца, с большим успехом колол орехи королевской печатью, не подозревая об истинном предназначении этой вещи.

Все три обозначенные выше позиции оставляют неразрешенным (и даже, кажется, не поставленным как следует) вопрос о том, почему до какого-то периода в истории европейской культуры аристотелевская генология служила вполне достаточным инструментом для анализа литературных произведений, а потом вдруг стала недостаточной.

Между тем ответ на этот «непоставленный» вопрос очевиден, если обратиться к христианскому богословию творчества и его основной категории – художественному канону христианской культуры.

Словесная культура восточнославянского средневековья, сформировавшаяся в лоне христианской культуры Византии, переняла оттуда отрефлексированную в святоотеческой иконологии поэтическую систему, которую Риккардо Пиккио определил как «поэтику Истины» [3, с. 31]. Основные категории этой поэтики и отношения между ними принципиально отличаются от действующих в творческо-поэтической системе секулярной литературы, ориентированной на античные поэтики, прежде всего, поэтику Аристотеля и его последователей. Причем отличия эти касаются не столько формы и содержания, сколько смысла и цели.

В этой связи весьма остроумно наблюдение С. С. Аверинцева: «Историки византийской литературы спокойно говорят о “жанре” эпиграммы и “жанре” стихир, как если бы это были жанры в одном и том же смысле слова – только один мирской, а другой сакральный. Но это не так... стихира – не просто иной, совсем иной жанр, чем эпиграмма, но в другом смысле жанр» [4, с. 105–106].

И именно обнаружение закономерностей «поэтики Истины» позволяет понять, почему в поэтике «художественной модальности» (термин С. Н. Бройтмана [5, с. 47]) аристотелевские категории – прежде всего категории рода/жанра – перестают работать.

Основопологающей для «поэтики Истины» является разработанная еще в античной философии и адаптированная к христианскому учению святоотеческой иконологией *категория отношения*¹; так что вся категориальная структура «поэтики Истины» представляется как система различных модификаций категории отношения.

Организирующим и охраняющим фактором этой системы является *художественный канон*. В научном обиходе (и не только современном) он мыслится как некий устойчивый жанростилесодержательный комплекс, или набор поэтико-риторических норм и приемов, каковые по непонятным причинам обязательно должны воспроизводиться в каждом произведении традиционалистского творчества. На самом же деле художественный канон христианской культуры является своего рода «метаксю» между объектом изображения, «автором», «адресатом» и «творческим продуктом». Канон христианской культуры следит за тем, чтобы «творческий продукт»

¹ Категория отношения – философская категория, характеризующая определенные взаимозависимости определенной системы [6, с. 454]; то есть она характеризует не столько сам предмет, сколько его отношение к чему-то другому, которое существует не столько между предметами, сколько в них самих, причем существует независимо от нашего мышления, выражая отношение к другому бытию в самой природе данной вещи.

В частности, в VIII–IX вв., в период борьбы с иконоборчеством, категория отношения играла центральную роль в богословии иконы, когда необходимо было прояснить взаимоотношение иконы и ее первообраза.

(= художественный образ) отображал реальность в формах, доступных восприятию адресата. Таким образом, христианский художественный канон вовсе не является некой жесткой производственно-технологической или художественно-эстетической нормой, а представляет собой *творческий императив* и вместе с тем *способ создания художественного содержания*, то есть, по сути, он есть, *творческий метод*, который, во-первых, определяет смысл и цель произведений, созданных согласно «поэтике Истины»; во-вторых, задает и объединяет все другие ее значимые категории отношения, которые как раз и обеспечивают исполнение этого творческого императива.

Прежде всего, как мы уже отметили, художественный канон христианской культуры требует реалистичности изображения: художник (в том числе и художник слова) может изобразить лишь то, что действительно существует¹; это требование, в свою очередь, неизбежно предполагает, что «автор» в своем духовном развитии должен «соответствовать» изображаемому им объекту, поскольку невозможно изобразить (во всяком случае так, чтобы научить *истине* данного предмета/явления) то, чего сам не понимал. Таким образом, – и это, пожалуй, главный «нервный узел» христианской канонической культуры с ее специфическим отношением к творчеству – христианский художник *не может изображать то, что выше его разума и не должен изображать то, что выше разума его адресатов*.

Учитывая это, категорию «автор» в «поэтике Истины» следует рассматривать как *модификацию художественного канона в отношении «характера»² творящего субъекта*. Характер этот раскрывается через вспомогательную сложносоставную категорию, которую мы условно определим как «модус бытия»; его основными таксонами являются: гносеологический (тип познания); аксиологический (система ценностей); экзистенциальный (способ бытия).

Именно характер творящего субъекта создает³ то, что мы называем автором и его творческим методом; и каждый из методов, создаваемых разными творящими субъектами, является модификацией единого художественного канона. И это значит, что сам канон, в свою очередь, *существует в реальности не иначе как в своих конкретно авторских модификациях*.

Как отмечено выше, в «поэтике Истины» востребуемое художественным каноном и созданное художником реалистическое изображение может быть воспринято адекватно (то есть понято как именно реалистическое) лишь при условии, что художественный образ соответствует способностям восприятия

¹ Объем статьи не позволяет пространно говорить о границах реальности и типах реальностей в разных культурах; замечу лишь, что понятие реалистичности весьма относительно, поскольку для каждой культуры оно имеет специфическое значение.

² От др.-греч. χαρακτήρ ‘черта, знак, примета, отпечаток’, из χαράσσω ‘царапаю, мечу, клеймлю’.

³ Мы сказали «создаёт», но вряд ли этот процесс является сознательным; в «поэтике Истины» творческий метод предстает как «частный случай мировоззрения» – как выражение мировоззрения в художественных образах.

адресата. В противном случае неизбежно искажение смысла: реалистическое описание может быть воспринято как символическое, аллегорическое, фантастическое и т. д. Поэтому в системе «поэтики Истины» *категория «адресат» выступает как модификация творческого метода писателя в отношении «характера» реципиента.*

И именно с ориентацией на адресата тот или иной объект реальности оценивается творящим субъектом как потенциальный предмет художественного изображения. Значит, один и тот же объект действительности, описываемый разными авторами для разных адресатов, может породить в общем-то бесконечное множество различных по своему аксиологическому статусу предметов художественного изображения. Иначе говоря, *категория «предмет изображения» выступает как модификация творческого метода в отношении аксиологического статуса («характера») объекта изображения.*

Непонимание автором истинного для данной культуры аксиологического статуса объекта изображения или же создание автором смысла, превосходящего возможности понимания адресата приводят к нарушению принципа реалистичности в «поэтике Истины» и, значит, – к отступлению от каноничности, причем отступлению не сознательному субъективному, а системному объективному, и почти всегда вопреки творческой установке художника традиционалистской культуры.

Аксиологическим статусом предмета изображения, созерцаемого конкретным автором, в свою очередь определяется стиль как способ выражения художественного содержания: высоким предметам соответствует высокий стиль; средним – средний, низким – низкий. Однако специфика «поэтики Истины» состоит в том, что аксиологический статус предмета изображения определяется не художественной традицией и не самочинно-казуально, а в соответствии с целями христианской педагогики: высокий предмет, требующий изображения в высоком стиле, – тот, который путеводительствует к Истине и способствует спасению данного адресата. Иначе говоря, стилем в «поэтике Истины» маркируется степень спасительности художественного образа.

Именно зависимостью стиля от предмета изображения и объясняется стилистическая пестрота, обнаруживаемая в абсолютном большинстве произведений средневековой письменности. Чем шире в произведении охват разных аксиологических уровней действительности, то есть чем более аксиологически многообразно художественное содержание, тем стилистически более пестро оно оформляется.

Это наблюдение позволяет уточнить жанровые дефиниции многих памятников средневековой христианской письменности, которые Д. С. Лихачёв обозначил как жанры-ансамбли [7, с. 75]: в свете «поэтики Истины» их жанровый состав правильнее характеризовать не как совокупность малых жанров в составе одного ансамблевого жанра, но как многообразие стилистических модификаций одной и той же жанровой формы при описании предметов разного аксиологического статуса.

Таким образом, обращение к художественному канону христианской культуры позволяет дать дефиницию категории «стиль» в средневековой письменности: *стиль предстает как модификация творческого метода конкретного автора в отношении предмета изображения* и представляет собой своего рода маркер, которым для адресата отмечается «ценность» предмета изображения.

Наконец, *жанр* в художественном каноне христианской культуры предстает не как некая «образцовая» форма или норма («приличие»), пусть даже и метафизическая, вроде идеи Платона, идеи Аристотеля, «подобия» преп. Феодора Студита или внутреннего эйдоса платоновско-плотиновской традиции; жанр, как показывает опыт исследования произведений «поэтики Истины», не может быть определен и тем более ограничен некими формально-изобразительными признаками, – в противном случае категория жанра была бы неподвижно мертвой и жанр, «достигнув самотождественности, естественным образом “останавливался” бы» [8, с. 3], не мог бы развиваться. Канонические произведения христианского искусства, какую бы его область мы ни взяли, демонстрируют нам неисчислимое формально-изобразительное многообразие каждой жанровой ассоциации (термин Д. С. Лихачёва [9, с. 48]), тем самым подтверждая, что канон никак не ограничивает художественную форму жанра. И поскольку задача автора, руководствующегося в своем творчестве «поэтикой Истины», – сообщить падшему человеку знания о Творце, Его творении и человеке как венце творения, то выполнение этой задачи безусловно требует учесть особенности «падшести» конкретной аудитории и то, какие именно художественные образы могут быть поняты адресатом адекватно и с пользой для его духовного возрастания. Поэтому, в отличие от античного представления о жанре, развитого позднее западноевропейскими секулярными теориями поэзиса, в «поэтике Истины» христианской культуры жанр предстает не как статичная категория, определяемая известным набором субстанциальных признаков, а как категория отношения, отражающая «характер» (то есть степень просвещенности) адресата, каким он видится адресантом, и предписывающая не изображать то, что превосходит разумение адресата. В свое время С. С. Аверинцев весьма близко подошел к этой идее, определив жанр как «непосредственное продолжение правил ритуала... ясно, что такое, потому что ясно, при каких обстоятельствах он является уместным» [8, с. 12, с. 13].

Этим наблюдением объясняется то, почему «опыт одного жанра, – по верному замечанию Д. С. Лихачёва, – не скоро мог быть перенесен в другой» [10, с. 8]: именно потому, что жанр (включающий предмет, содержание, стиль, «обстоятельства уместности» и пр.) должен соответствовать уровню восприятия адресата, иначе функция данного жанра не будет актуализирована – произведение *не восполнит* знаний человека об Истине и не совершит в нем духовного преображения.

Следовательно категория «жанр» может быть определена как *способ оформления авторского отношения к субъекту восприятия*, или как *модификация творческого метода конкретного автора в отношении адресата*. Иначе говоря, в «поэтике Истины» признаки жанра «диктуются» адресатом, и именно в силу этого «диктата» жанр, по точному наблюдению С. С. Аверинцева, «как бы имеет свою волю, и авторская воля не смеет с ней спорить» [4, с. 111], и «каждый жанр имеет свой строго выработанный традиционный образ автора, писателя, “исполнителя”...» [11, с. 333, с. 332]. И именно поэтому абсолютно невозможно на основаниях, выдвигаемых античной и наследующей ей западноевропейской классической поэтикой, «установить структурные различия в поэтике жанров объединяющих и подчиняемых» [11, с. 325] христианского художества, как и определить принципы этого «объединения» и «подчинения».

Вместе с тем очевидно, что ориентация авторов традиционалистской культуры на адресата влияет также и на выбор предмета изображения (не объекта! Он может быть одним и тем же): полезное и актуальное для одних может быть совершенно недоступно для восприятия других.

Но поскольку предметом изображения, как было отмечено выше, определяется стиль произведения, то избранный «автором» жанр системно взаимодействует со стилем, что является отражением категориальных отношений «предмет» – «адресат» в структуре «поэтики Истины».

Ввиду того, что христианский автор никогда не творит «для себя», но всегда – для духовного просвещения других, *решающим в жанрово-стилевых отношениях «поэтики Истины» следует признать* именно выбор формы изображения художественного содержания, подходящей для предполагаемой аудитории. А это и есть *жанр произведения* (точнее, жанровая ассоциация).

При этом отметим, если жанровые ассоциации одного творческого метода средневековой письменности исчислимы и достаточно устойчивы, то их жанровые модификации бесконечно многообразны и изменчивы, как многообразны и адресаты этих произведений.

Таким образом, в «поэтике Истины» *метод творчества в отношении субъекта восприятия разрешается в жанр; а в отношении предмета изображения – в стиль*.

При всей своей кажущейся жесткости эта система удивительно гибкая как по отношению к адресату, чьи особенности восприятия учитываются во всех категориях поэтики, так и по отношению к автору, которому в рамках безусловной реалистичности описываемого предоставлена широчайшая свобода выбора выразительно-изобразительных средств.

С изменением представления о творчестве, его источнике, задачах и целях, изменяются не только художественные стили и жанры, но и сами принципы жанро- и стилеобразования.

Разрушение «поэтики Истины» начинается тогда, когда творящий субъект упускает из поля зрения адресата и сосредоточивается на предмете изображения и своем личном к нему отношении. Как только это происходит, жанр начинает определяться предметом изображения на основании существующих образцов (исторические события востребуют жанр летописи и воинской повести; жизнеописание святого – жанр жития; нравственное наставление – жанр проповеди и т.д.). Категория жанра «застывает» в некую форму, превалирующую над смыслом. (Думается, именно этот момент бытия античной жанровой системы и зафиксирован в «Поэтике» Аристотеля).

Но поскольку предметом изображения в «поэтике Истины» определялся стиль, а не жанр, то эти категории постепенно отождествляются. Этим постепенным слиянием двух категорий объясняется такое отмеченное В. О. Ключевским явление, как «ораторская мантия» автора [12, с. 303, с. 332], а также – обнаруженный Д. С. Лихачёвым феномен «жанрового стиля» («жанрового мундира») [13, с. 351; 11, с. 337] и выявленная М. М. Бахтиным «органическая неразрывность стиля с жанром» [13, с. 254], и почему «часть жанровых признаков в определенной творческой ситуации может выступить... в роли стилеобразующих» [15, с. 54]. Данный процесс завершается в поэтической системе Феофана (Прокоповича) и М. Ломоносова. Феофан Прокопович, напомним, разделяет «предметы изложения» на «высокие» «средние» и «низкие», а в соответствии с ними различает три основных стиля изложения: высокий, средний и низкий. Предметами описания в высоком стиле являются «вещи очень значительные... или чудесные, бессмертные деяния богов, или дела человеческие, но достойные удивления или вызывающие боль, сожаление, негодование... наконец, все самое примечательное и выдающееся в своем роде» [цит. по 16, с. 85, 86]. «Средним стилем излагаются вещи средние... например, визиты гостей, знаки внимания, выражение радости по поводу наград, побед... похвальные речи знаменитым людям, если среди их добродетелей не окажется чего-либо более достойного удивления, что можно излагать высоким стилем» [16, с. 89]. «Низкий стиль удобен для вещей незначительных, когда речь идет о сельских работах, семейных делах, когда мы любезно обращаемся в письменной форме к друзьям, когда что-нибудь познаем, объясняем, высказываем, шутим и т.д.» [16, с. 90].

М. В. Ломоносов, следуя в целом той же традиции, в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» обосновывал «теорию трех штилей», отметив: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий» [17, с. 588]. «От рассудительного употребления и разбору трех родов речений, – отмечает ученый, – рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий». Высоким «штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях»; средним следует «писать все театральные сочинения, в которых

требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия... Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных». Наконец, низким «штилем» пристойно писать «комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел» [17, с. 589–590].

В поэтике художественной модальности автор уже не столько выбирает соответствующий предмету изображения жанр, сколько создает его в соответствии со своим индивидуальным вкусом и художественными целями, подчас уже никак не связанными с педагогикой.

Реагируя на это изменение, стиль, в свою очередь, также изменяется – из маркера, отмечающего ценность предмета изображения, он превращается в авторский, становится «лицом автора». Сначала (в рефлексивно-традиционалистской культуре) каждый автор через стиль выражает свое личное отношение к предмету изображения, который уже не соотносится с «восприимательными» способностями адресата, а отражает личные пристрастия автора. В конце концов единственным предметом изображения становится сам автор – его богатый внутренний мир; его мировосприятие; его эмоции и переживания и т.д., поэтому в поэтике художественной модальности, каждый автор формирует свой собственный неповторимый стиль. «Стиль – это я», – может сказать любой автор секулярной культуры (поэтики).

Так, постепенно категории поэтики канонического словесного искусства «переплавляются» в категории поэтики секулярной литературы; и происходит это не путем сознательной ломки канона, а системно и перманентно.

В результате этих процессов в секулярной культуре наблюдается системное отождествление жанра, стиля и творческого метода: жанровые признаки могут выступать в роли стилевых и/или как показатели творческого метода: сатира, полемика, пародия, метапроза, фэнтези, перформанс и др. в зависимости от точки зрения интерпретатора могут восприниматься и как жанровые формы, и как стилевые характеристики, и как особые разновидности творческого метода того или иного писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кроче, Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. 1: Теория / Б. Кроче. – М. : Изд-во. Сабашниковых, 1920. – 171 с.
2. Теория литературы: в 6 т. Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 592 с.
3. Пиккио, Р. *Slavia orthodoxa*: Литература и язык / Р. Пиккио / отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; предисл. В. В. Калугина. – М. : Знак, 2003. – 720 с. – (Studia Philologica).

4. *Аверинцев, С. С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации / С. С. Аверинцев // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения: сб. статей / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; редкол.: М. Б. Храпченко и др. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.
5. *Бройтман, С. Н.* Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ / С. Н. Бройтман. – Тверь, 2003. – 66 с.
6. *Философский энциклопедический словарь* / ред. С. С. Аверинцев [и др.]. – М.: Сов. Энцикл., 1989. – 815 с.
7. *Лихачёв, Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили / Д. С. Лихачев // Избр. работы: в 3 т. / Д. С. Лихачёв. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 1. – С. 24–260.
8. *Аверинцев, С. С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости / С. С. Аверинцев // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. – М.: Наука, 1989. – С. 3 – 25.
9. *Лихачёв, Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Славянское языкознание: V Междунар. съезд славистов, София, сентябрь 1963 г.: доклады советской делегации / гл. ред. В. В. Виноградов; Акад. наук СССР, Советский комитет славистов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 47–70.
10. *Лихачёв, Д. С.* Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Избр. работы: в 3 т. / Д. С. Лихачёв. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 3. – С. 3–164.
11. *Лихачёв, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв // Избр. работы: в 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 1. – С. 261–654.
12. *Ключевский, В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М.: Изд-во Астрель, 2003. – 395 с.
13. *Лихачёв, Д. С.* Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв // Избр. работы: в 3 т. – Л.: Худ. лит., 1987. – Т. 2. – С. 343–417.
14. *Бахтин, М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 250–296.
15. *Вагнер, Г. К.* Канон и стиль в древнерусском искусстве / Г. К. Вагнер. – М.: Искусство, 1987. – 287 с.
16. *Вомперский, В. П.* Риторика в России XVII–XVIII вв. / В. П. Вомперский. – М.: Наука, 1988. – 180 с.
17. *Ломоносов, М. В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 586–590.

The article shows how category relations between the method, genre and style are modified to self-destruct in the process of secularization of artistic creativity, which leads to the "death" of these categories.

Поступила в редакцию 04.07.18

ЛИТЕРАТУРА ПОЛЬСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ США: ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

В статье рассматривается репрезентация литературы польской эмиграции в эстетическом поле США. Определяются параметры литературы польской эмиграции, выявляется проблемно-тематический диапазон творчества наиболее значимых писателей, рассматриваются особенности их мировидения и художественных программ.

Современная американская литература характеризуется динамичными процессами, в которых на первый план выходит «множество литературных явлений в общем и эстетическом пространстве» [1, с. 26], обусловленных «конкретными историческими особенностями развития США, всем комплексом факторов, которые определили характер, менталитет американцев, ... и их образ жизни» [2, с. 6]. Этническая многосоставность является ключевой характеристикой американской культуры, а «многонациональное стало одним из основных признаков американской культуры в эстетическом плане» [3, л. 4]. Растущее культурное многообразие американского общества и расширяющийся многонациональный и многоязычный спектр американской цивилизации нашли отражение в этнических литературах, «создающихся сегодня большей частью на английском языке» [4, р. 3] и знакомящих широкую читательскую аудиторию с традициями и ценностями различных народов и этнических групп.

Неотъемлемой частью и важным компонентом мультикультурного литературного пространства США является художественная территория, сформированная литературами славянской эмиграции, которые являются феноменом внутри общеэстетического поля Америки. Они привносят культурное разнообразие в американское общество, представляют свой неповторимый опыт (и, соответственно, идеи, образы), раскрывают историю и традиции славянского мира, выявляют особое мировоззрение, мировосприятие и мироощущение, идущие от славянских традиций. Феномен их присутствия в США детерминирован своими историческими, временными, территориальными условиями. Литературы славянской эмиграции прошли своеобразный процесс развития, который имеет несколько волн (этапов); они являются частью культуры/литературы принимающей страны, испытывают влияние как национальных традиций, так и эстетических направлений, характерных для американского общества, формируя кросс-культурные переключки между Старым и Новым Светом.

Большое значение в общехудожественном поле США имеет литература польской диаспоры или Американской Полонии, неотъемлемой частью которой является литература эмиграции (или «литература изгнания»). Данный литературный феномен является недостаточно изученным, понятым и проанализированным. Поскольку в течение нескольких десятилетий XX в.

«полноценное изучение творчества писателей, находящихся в эмиграции, в странах социалистического лагеря было затруднено, то в 1990–2000-е гг. перед литературоведами этих стран встала нелегкая задача: необходимо было осмыслить целый период в истории литературы, основываясь преимущественно на немногочисленных исследованиях ученых-эмигрантов, в условиях, когда не все художественные, но и научные тексты были легко доступны» [5, с. 6]. В настоящее время все еще существует серьезная проблема доступа ко многим произведениям польских писателей-эмигрантов, так как книжная «продукция» авторов-эмигрантов выходила в Америке чаще всего небольшими тиражами, причем в издательствах, просуществовавших недолго. Актуальной является задача восстановления забытых имен авторов и исследования еще малоизвестных литературных текстов.

Недостаточная изученность польской эмигрантской литературы отмечалась в трудах влиятельных современных исследователей Д. Бетеа, Н. Окла, Г. Дж. Козачки [6, р. 70], Х. Филлипович [7, р. 228], Ф. Лиры [8, р. 65], Х. Стефан [9, р. 1769]. Об этом пишут также известные ученые Дж. Васкович, В. Соллорс, Дж. С. Роусек, Т. Гладски, Дж. Втулич, Т. Наперковски др. Наиболее изученным «является творчество Чеслава Милоша, Йозефа Мацкевича, Витольда Гомбровича, Густава Херлинг-Грудиньского, Станислава Бараньчака и Славомира Мрожека» [10, р. 79]. По мнению Х. Филлипович, тщательный анализ глубинных связей между развитием польской литературы эмиграции и постоянно меняющейся ситуацией в Польше «был давно просрочен и не был должным образом осуществлен... Не были подняты значимые вопросы творчества в эмиграции и не были рассмотрены ускользающие, сложные для понимания особенности функционирования литературы эмиграции» [11, р. 164]. Лишь в 1990-х гг. началось теоретическое осмысление феномена польско-американской литературы как эстетического явления, имеющего четко выраженное художественное качество, созданного на пересечении сложных культурных координат и отличающегося от литературы метрополии «наличием особой “двойной перспективы”, компенсирующей потерю ежедневной творческой подпитки, которую обеспечивает родная культура» [12, р. 284].

В настоящее время теоретики интенсивно разрабатывают различные литературоведческие подходы для анализа творчества в эмиграции. Многие признают «несостоятельность применения лишь политических критериев для определения особенностей литературы польской эмиграции и поэтому анализируют ее как художественной феномен, ... используя весь арсенал специфически литературных средств..., а не только как явление, появившееся в результате политических обстоятельств» [7, р. 230]. Из фрагментарных материалов постепенно восстанавливается история литературы польской эмиграции в США. Потребуется время, чтобы детально изучить наследие писателей, которое не учтено, рассредоточено по разным этническим ассоциациям, общественным библиотекам и частным книжным коллекциям. Известно, что в 1990-е гг. раздел между литературой, созданной

на родине, на внутренней территории Польши (*homeland literature*), и эмигрантской литературой (*émigré literature*) был окончательно преодолен. Сегодня творчество представителей эмиграции рассматривается как имеющая свои особенности составная часть общехудожественного пространства польской литературы. Творчество польских эмигрантов в США представлено произведениями как на польском, так и на английском языках, или одновременно на двух, а также переводами с польского на английский. Так или иначе, оно связано с польской национальной традицией, но в то же время прямо или опосредованно передает приобретенный авторами американский опыт. Соответственно, в художественных исканиях нескольких поколений польской эмиграции поднимаются вопросы национального и этнического своеобразия, особенности славянского менталитета, исследуются взаимосвязи между Старым и Новым Светом, выявляются глубинные ностальгические связи с родиной, историей, специфически отражается архетип Дома.

Литература польской эмиграции создавалась эмигрантскими волнами разной интенсивности, которые начались в XIX в. и продолжались до последних десятилетий XX века. Причем именно она в сложные периоды жизни помогала эмигрантам сохранять свое национальное самосознание, поскольку «выполняла роль хранителя польской идентичности, ...отражая особенности души народа в художественных произведениях» [13, р. 163]. В частности, польскими писателями-романтиками была создана модель значимой роли поэта в изгнании – он признавался идейным лидером и защитником аутентичной польской культуры, которая по причинам политическим в определенные периоды истории не могла нормально развиваться на родине.

По мнению исследователя Е. Матюшко, связи между польской литературой и Америкой можно проследить еще со времен колониального периода (т.е. существования английских колоний в Северной Америке), когда Вавржинец Гослицки (*Wawrzyniec Goślicki*, 1530–1607), польский сенатор и политический аналитик, опубликовал свой трактат *Di Optimo Senatore*, широко обсуждавшийся в разных странах. Известно, что «первое издание трактата появилось в 1598 г., а второе вышло в свет в 1607 г. Несмотря на то, что этот труд был сокрыт английскими властями, он значительно повлиял на ход английской революции 1648 года. Опосредованно данный трактат оказал влияние и на создание Американской Декларации Независимости» [13, с. 163].

Что касается Нового времени, то вопросы периодизации различных волн польской эмиграции в США рассматривались многими исследователями, среди которых, например, Сестра Люсиль. «Причины польской иммиграции в Соединенные Штаты» (*Sister Lucille. The Causes of Polish Immigration to the United States*, 1951); Дж. Вытрвал. «Польское культурное наследие в Америке» (*J. Wytrwal. America's Polish Heritage in America*, 1961); П. Фокс. «Поляки в Америке» (*P. Fox. The Poles in America*, 1970); Ф. Ренкевич. «Поляки в Америке, 1608–1972 : Хронология и факты» (*F. Renkiewicz. The Poles in America, 1608–1972: A Chronology and Fact Book*, 1973);

У. С. Куничак «Нас – миллион: иллюстрированная история поляков в Америке» (W. S. Kuniczak. *My Name is Million: An Illustrated History of Poles in America*, 1978); Х. Знанецка Лопата. «Польские американцы» (H. Znaniecka Lopata. *Polish American*, 1994); Э. Моравска. «Сохранение этничности: анализ состояния польского американского сообщества на территории Большого Бостона» (Ewa Morawska. *The Maintenance of Ethnicity: A Case Study of the Polish American Community in Greater Boston*, 1977); Дж. С. Пула. «Польские американцы: Этническое сообщество» (J. S. Pula. *Polish Americans: An Ethnic Community*) (*Twayne's Immigrant Heritage of America series*, 1995); А. Д. Ярошиньска-Кирчманн. «Миссия изгнания: Польская политическая диаспора и польские американцы 1939–1956» (A. D. Yaroszyńska-Kirchmann. *The Exile Mission: The Polish Political Diaspora and Polish Americans, 1939–1956*; 2004); М. П. Эрдманс. «Противоречия в польском сообществе: Иммигранты и этнические группы в польском Чикаго» (M. P. Erdmans. *Opposite Poles: Immigrants and Ethnic in Polish Chicago*, 1976–1990; 1998); Дж. Буковчик. «История польских американцев» (J. Bukowczyk. *A History of the Polish Americans*, 2007); С. Джонс (S. Jones. *Polish Americans*, 2015); С. Шабадос. «Польская иммиграция в Америку: когда, почему, как и где?» (S. Szabados. *Polish Immigration to America: When, Why, How and Where*, 2016) и др.

Это лишь малая часть того материала, который включает информацию относительно различных периодов польской эмиграции в США. Многие теоретические работы как в США, так и в Польше посвящены историко-культурному и экономическому развитию польских эмигрантских общин в США. Изучение литературного наследия эмиграции значительно отстает от социологических исследований.

Для автора статьи вполне приемлема та периодизация, которую предлагает Х. Стефан – известная исследовательница польской литературы эмиграции в США:

- первая Великая (начальная) волна обозначила себя в конце XIX – начале XXI века. Она включала главным образом эмигрантов крестьянского происхождения, выехавших из Польши, разделенной между Россией, Пруссией, Австрией. Данная волна содержит и так называемую незначительную межвоенную эмиграцию. После получения независимости Польши в 1918 г. эмигранты продолжали прибывать в США, но лишь небольшими группами;

- вторая волна значительно отличалась от предыдущей и состояла преимущественно из людей среднего класса – перемещенной интеллигенции, вынужденной эмигрировать в связи с началом Второй мировой войны (1939) и установлением Народной Польши (People's Poland) «под Советами»;

- третья волна началась после 1956 г., когда политическая атмосфера в Польше позволила людям путешествовать и выезжать за границу. Однако «эти переезды не одобрялись, часто преследовались, и люди искали прибежища за рубежом» [9, р. 1767–1768]. Эта волна продолжалась до 1989 года;

- экономическо-политическая эмиграция/иммиграция конца XX – начала XXI в. со свободным выездом из страны проживания и возвращением в нее.

Существенно, что массовая эмиграция поляков в США после 1863 г. способствовала возникновению больших национальных общин, которые очень скоро приобрели свою социальную и культурную уникальность. Термин «Полония» вошел в историю с 1875 г. благодаря Владиславу Дыневичу (Władisław Dynewicz) – журналисту и публицисту [8, р. 67]. Пожалуй, с тех пор была определена и основная задача польской диаспоры – сохранение национального своеобразия своей культуры внутри американского государства.

Внимательный взгляд на литературную деятельность эмигрантов со времен Великой волны эмиграции и до конца 1930-х гг. разбивает стереотипы о польских (и славянских в целом) американцах как о молчаливых, инертных, бездеятельных людях. Собственно, были созданы вполне приличные условия для просвещения и образования. Внутри сообщества поляков активно распространялись газеты и журналы, даже в малых общинах открывались библиотеки, возникали театры, публиковались книги. Издательства функционировали во всех штатах, где жили поляки, особенно в Чикаго, Баффало, Детройте, Нью-Йорке, Стивенс Пойнте. Например, Антони Париски (Antoni Paryski, 1865–1935), известный общественный деятель и писатель, руководил наиболее интенсивно и плодотворно работающей в Толедо, штат Огайо, издательской компанией Полонии, выпускающей газеты и книги с 1889 до 1935 года [14, р. 23–26]. Многие издательства печатали недорогие книги, распространявшиеся как дополнение к газетным подпискам, зачастую бесплатно. Специально обученная группа людей, реализующая идею просвещения и повышения образованности жителей Полонии (*агенты по образованию – educational agents*), разносили книжную продукцию по тавернам, трактирам и другим местам, где собирались эмигранты. Известно, что среди тысяч названий книг художественной литературы и публицистики, изданных в эти годы, большинство составляли созданные самими эмигрантами романы, повести, рассказы, сборники поэзии и пьесы, «основанные на историях жизни в новых условиях польско-американской реальности» [15, р. 1751]. Многие книги издавались самими писателями и публиковались только в газетах или журнальных сериях.

Уже в 1870-м г. органы польской эмигрантской печати издали стихи Полонии. В 1873 г. была опубликована пьеса «Эмансипация женщин» (*Emancypacja kobiet / The Emancipation of Women*). С 1880-х гг. стали публиковаться польские эмигрантские романы. За ними последовали многочисленные произведения иных жанров, в которых осмысливался опыт в новых социокультурных условиях, а также проблемы творчества.

Наиболее востребованными для эмиграции первого поколения стали драматические произведения, что объяснялось двойственной театрално-литературной природой драматического произведения, особыми пространственно-временными условиями восприятия событий драмы, аудиовизуальными характеристиками и зрелищностью. Важное значение имела также связь с устной культурой – «доминирующим видом крестьянского эсте-

тического опыта» [8, р. 65]. Пьесы на польском языке воспитывали солидарность с другими членами общины и вызывали чувство принадлежности к культуре Польши. Ставились классические драмы, однако приоритет был отдан развлекательным пьесам. Возникли и ростки нового направления, в рамках которого работали Антони Якс (Antoni Jax) и Щесней Жайкевич (Szczęsney Zhajkewicz). Известны случаи своеобразного плагиата и заимствования сюжетов из популярных в то время американских пьес, которые лишь подвергались переработке и переводились на польский язык любителями польского театра. Создавались постановки в стиле водевилей (*vodeville-style stage reviews*), патриотические пьесы (*patriotic plays*), социальные сатиры (*social satires*), религиозные пьесы (*religious conversion plays*) и антиклерикальные зарисовки (*anti-clerical exposes*) [15, р. 1751]. Более сорока лет функционировали многочисленные любительские театры и клубы, в то же время некоторые создавались и быстро исчезали. Спад в деятельности таких театров был вызван постепенным переходом на английский язык, который становился средством межкультурного и межличностного общения внутри польской диаспоры. Известно, что эта традиция продолжается и сегодня в некоторых мегаполисах США, «где продолжают разыгрываться развлекательные пьесы на польском языке на темы из польско-американской действительности (как, например, в остроумных комедиях Йозефа Ситковского (Joseph J. Sitkowski))» [8, р. 65]. Современные авторы и в XXI в. продолжают черпать вдохновение из творческого опыта польских писателей-эмигрантов.

Литература польской эмиграции характеризуется интенсивными жанровыми поисками. Большое значение в свое время приобрели *произведения социального протеста*. Одним из наиболее ярких примеров данного жанра является роман «На рынке труда» (*Na ludzkim targu / In the Human Market*, 1910 г.) весьма плодотворно работавшей писательницы Хелены Стась. Большое значение приобретали иммигрантские саги (*immigrant sagas*) (например, произведение Чеслава Лукашкевича «Ангел-Хранитель и Падший Ангел» (*Aniol stróż i djabel stróż / Guardian Angel and Guardian Devil*, 1931)). Исключительно популярными становились легкие развлекательные детективные истории (*detective stories*) и крутые детективы (*potboilers*), а в числе самых читаемых книг был роман Генриха Нагеля (Henryk Nagiel) «Кара Божия через океан» (*Kara Bożaidzie przez oceany / God's Punishment Crosses the Ocean*, 1896). Внимание читателей привлекали политические интриги (*political intrigue*), поэтому одной из наиболее востребованных книг на эту тему стало произведение Станислава Осады (Stanisław Osada) «В дни невзгод и злодейства» (*W dniach nędzy i zbrodni / In Days of Misery and Crime*, 1908), в котором отражается убийство американского Президента МакКинли (McKinley) польским американцем Леоном Чолгошем в 1901 году. Востребованными также были романтические романы, «мыльные оперы» для радио, многочисленные песни.

Выходили, конечно же, *сборники поэзии*, произведения из которых были позже включены в антологию *Antologia poezji polsko-amerykańskiej (Anthology of Polish-American Poetry, 1937, ed. Tadeusz Mitana)* [15, p. 1751]. В центре внимания авторов находились проблемы социальной адаптации, поиска работы, преодоления межличностных коллизий. В ряде случаев акцентировалось сопротивление американизации, содержалась критика американских устоев, их культурных образцов поведения. Однако на этом временном этапе не ставились остро специфические вопросы, связанные с сохранением этнического своеобразия эмигрантов, не рассматривались мировоззренческие и онтологические проблемы бытия в эмиграции. Хотя в творчестве многих авторов присутствовала глубокая тоска по родине, ностальгия по семье, по прошлому, но в них с трудом «можно найти выражение патриотического чувства по отношению к Польше. Несмотря на вынужденную эмиграцию в силу сложной социальноэкономической и политической ситуации в Польше, каждый из них индивидуально приехал в США, чтобы улучшить свое экономическое положение» [16, p. 318]. Поэтому многие произведения, наполненные тяжелым чувством одиночества и мыслями о возвращении на родину, как правило, не содержали глубокого идейного компонента, политической повестки и размышлений о создании общества, которое бы заботилось о своих согражданах.

К 1920-м гг. польская литература эмиграции в мультикультурном пространстве США утвердила себя. Появились авторы, имена которых вошли в историю литературы эмиграции, их творчество еще предстоит исследовать. Некоторые вернулись на родину; в то же время появилось второе поколение писателей-эмигрантов, которые стали билингвами и имеют возможность выражать свой творческий потенциал как на польском, так и на английском языках. Например, Моника Кравчик (Monica Krawczyk, 1888–1955) – первая профессиональная писательница, создававшая свои произведения на английском языке, которая стала своеобразным «летописцем польско-американской жизни» [17, p. 13]. В 1920–1930-е гг. она затрагивала проблемы этнической принадлежности и национального своеобразия польских американцев, повествовала об их сельской жизни в Миннесоте. Ее литературные зарисовки (сборник *If the Branch Blossoms*, опубликованный лишь в 1950 г.) воспроизводят драматические потрясения и испытания семей эмигрантов при изменении условий жизни и культурных установок в США. Семьи поддерживают обычаи и традиции Старого Света, что приносит радость и утешение, дает стабильность и смысл жизни. С произведениями М. Кравчик перекликается и творчество Ванды Кубяк (Wanda Kubiak), отражающей сложные процессы социального расслоения внутри польских фермерских групп, а также подчеркивает значимость польской этничности через детальное описание польских привычек, обычаев, традиций.

Виктория Янда (1888–1976?) – известная польско-американская поэтесса, творчество которой приобрело международную известность. Автор опубликовала три сборника поэзии в 1940–1950-е гг. (*Star Hunger*, 1943;

Walls of Space, 1945 и *Singing Furrows*, 1953) и была номинирована на получение Пулитцеровской премии за сборник «Поющие борозды» (*Singing Furrows*). Как и М. Кравчик, поэтесса исследовала сложный процесс пересечения гендерных и этнических составляющих идентичности личности и осмысливала его в литературном творчестве. В. Янда получила известность и как общественный деятель, выполняя обязанности Президента Лиги поэтов Миннесоты, она также была включена в состав Национальной лиги американских писательниц, входящих в пен-клуб.

Идентичность эмигрантов неизбежно подвергалась культурной трансформации. Они стали считать себя не столько поляками, сколько польскими американцами (*Polish American rather than Polish*). Многие писатели-эмигранты продолжали творить на польском языке, но в возрастающей степени исследовали проблемы, характерные для второго поколения эмиграции. Все же они стремились детально осмыслить процесс вхождения в новое общество и адаптации к нему, так как прежде всего остро чувствовали стереотипы по отношению к славянам, которых в то время воспринимали как «чужестранцев, иноземцев, чужаков» [18, р. 21]. Этому способствовала практика принятия в Америке ряда дискриминационных актов, нашедших свое высшее выражение в законе о квотах 1924 г., согласно которому славяне в США были отнесены к «низкосортным» (*inferior*) нациям и расам. Данная ситуация «явилась следствием попыток властей упорядочить эмиграцию и использовать дешевые трудовые ресурсы; такие планы внедрялись в жизнь промышленниками, фермерами, энергичными националистами, расистами и интеллектуалами, а также историками и социологами» [19, р. 32]. Соответственно, в Америке появились признанные критикой художественные произведения, в которых культивировался негативный образ этнического поляка/славянина с его идентификацией как человека низкого происхождения, способного лишь к тяжелому труду на ферме. В числе таких романы Н. С. Аллена «Захватчики» (N. S. Allen. *The Invaders*), Г. Х. Карролл «Когда перевернется земля» (G. H. Carroll. *As the Earth Turns*), Е. Д. Минитер «Наши соседи Напутские» (E. D. Minitier. *Our Naputski Neighbors*), А. Эстри «Гордость» (A. Estry. *The Proud House*), Э. Фербер «Красота по-американски» (Edna Ferber. *American Beauty*, 1931), М. Е. Чейза «Путешествие в Бостон» (M. E. Chase. *Journey to Boston*) и др. [18, р. 128]. Поэтому для писателей-эмигрантов важным было рассмотреть сложные процессы аккультурации и американизации, определить степень своего самосознания, найти себя в новом обществе и подчеркнуть свое национальное своеобразие.

Особого внимания заслуживает информативное и глубокое исследование Карен Маевски «Предатели и настоящие поляки. Повествуя о польско-американской идентичности, 1880–1939» (*Traitors and True Poles. Narrating a Polish-American Identity, 1880–1939*, 2003), в котором открываются имена забытых польских писателей-эмигрантов, относящихся к межвоенной эмиграции, и представляется краткая информация об их деятельности.

Известно, что до Второй мировой войны в США работали ярко талантливые поэты, сатирики, драматурги, журналисты и общественные деятели, среди которых Балдыга Казимеж (1893 – после 1929), Барц Франтишек (1883–1958), Бартош Адам (1894–1980), Буйновски Адам (1868–1960), Боржецки Луциан (1899–1976), Бурке Кароль (1892 – после 1929), Челховски Телесфор (1860 – после 1920), Чувара Станислав (1882–1995), Чупка Юлиан (1854–1924), Дангель Станислав (1873–1938), Хайман Мечислав (1888–1949), Ходур Франтишек (1866–1953), Яблоньски Франтишек (1963–1908), Якс Антони (1850–1926).

Большой вклад в развитие культуры и литературы Полонии также внесли Кружка Вацлав (1868–1937), Лаудин-Чжрановска (Боровска) Стефания (1872–1942); Лемпицки Станислав (1880–1935), Лукашевич Чеслав (1882–1946), Моравски Войцех (1873–1954), который помогал Нобелевскому лауреату 1924 г. Владиславу Реймонту с английской версией его романа «Мужики», признанного как национальный эпос (*Chłopi / The Peasants*, 1924); Нестерович Мелания (1876–1931), Йозеф Орловски (1862–1943); Осада Станислав (1864–1934); Островски Януш (1886–1960); Париски Антони (1865–1935); Пиотровска Хелена (1873–1928); Побуг Иза (? – после 1920-х); Пржиправа Ян (1884–1944); Романовска Станислава (1867 – после 1909); Сихрава Мечислав (? – после 1945); Слиж Станислав (1856–1908); Слупски Зигмунт (1860–1925); Стахович Станислав (1890–1964); Станиевски Альфонс (1879–1941); Стась Хелена (Мержиньска) (1868–1930); Тарчиньски Рудольф (1876–?); Кароль Вахтл (1879–1946); Вальдо Артур (1896–1985); Ватра Йозеф (1887–1963); Ведда Йозеф (? – 1947) – автор англоязычной книги о Полонии; Вротновски Бронислав (1878–1946); Захайкевич Щесней (1861–1917); Заславска Алина (1882–1911) и др. [20, р. 249–264]. Этот список можно продолжать и продолжать.

Необходимо отметить также творчество видной писательницы – Мелании Нестерович (Melania Nesterowicz, 1877–1951), создающей особые романы нравов (*novels of manner*), в которых рассматривается сложный опыт польских эмигрантов, выявляются процессы постепенной американизации и противостояния ей через сохранение этнической культуры как в жизни отдельного человека, так и в функционировании польского сообщества в многонациональной стране. Герои романов М. Нестерович «нередко возвращаются домой, к истокам своей культуры» [21, р. 5]. Наиболее читаемое ее произведение – «Продавщица с Бродвея» (*Sprzedawaczka z Broadwayu / The Salesgirl from Broadway*, 1937) было адаптировано для радиопостановки и нашло сценическое воплощение в одноименной пьесе.

В период Второй мировой войны появился сильный импульс для возникновения новой модели эмигрантской литературы (1939–1956) из наиболее продуктивного течения польской культурной традиции – ее романтического направления. Авторы определяли себя не столько как польско-американские авторы, сколько как писатели-изгнанники (*exiles*) и таким образом подчеркивали свою оппозицию, противостояние ситуации в Польше.

Новая волна польской эмиграции в США принесла и новые возможности для литературной жизни Полонии – прежде всего, возрождение (*revitalization*) творчества на родном языке и создание польско-американской литературы. Значительно обновилась издательская сеть, к тому времени разваливавшаяся, пришедшая в негодность и «признанная неадекватной или несоответствующей (*irrelevant*) для новой когорты эмигрантов, члены которой, в отличие от Великой волны эмиграции, были хорошо образованы и, как правило, воспитывались в больших городах» [15, p. 1752]. Некоторые издательские компании, среди которых – «Рой» («*The Roy*» / «*Rój*»), перебрались из Польши, открыв свои филиалы также во Франции и Англии, что подтверждает «важность издательской работы, которая приобретает международный масштаб и объединяет читателей и писателей-эмигрантов в разных странах» [13, p. 1752]. Продолжал существовать и театр на польском языке, однако ведущие театральные группы (*performing companies*) предпочитали произведения, созданные европейскими поляками, а не созданные в новой среде, подобно тому, как ранее создавались постановки А. Якса и С. Захайкевича.

В 1941 г. три знаковых автора Ян Лехонь (Jan Lechoń, 1899–1956), Казимеж Вежиньски (Kazimierz Wierzyński, 1894–1969) и Юзеф Виттлин (Józef Wittlin, 1896–1976) прибыли в Нью-Йорк, который стал одним из известных центров политического польского изгнания, хотя иногда его значимость затушевывалась литературной славой Лондона и Парижа. Новые иммигранты во многом следовали требованию сохранения памяти о польской культуре в условиях относительной изоляции как от родной Польши, так и от американской действительности. Например, Ян Лехонь – поэт, критик, публицист – исследовал роль творчества в изгнании и осмысливал значимость миссии польского писателя в эмиграции. Помимо поэзии, он издал книгу скетчей-зарисовок об американской действительности «Американские трансформации» (*American Transformations*, 1959), а также автобиографический «Дневник» (*Diary*, 1967) в трех томах. Казимеж Вежиньски, по мнению исследовательницы Х. Стефан, был, пожалуй, наиболее известным поэтом польской эмиграции периода Второй мировой войны. В его сборниках поэзии «Кресты и мечи» (*Crosses and Swords*, 1946), «Суть земли», (*The Earth Substance*, 1960) и «Черный полонез» (*Black Polonaise*, 1968) затрагивались проблемы национальной идентичности поляков и содержалась глубокая ностальгия по родине, поэтому они были исключительно популярными, признанными польской аудиторией. Его перу также принадлежит биография великого Ф. Шопена «Жизнь и смерть Шопена» (*Life and Death of Chopin*, 1949).

Один из ведущих писателей-эмигрантов Юзеф (Ёзеф) Виттлин был номинирован на получение Нобелевской премии в области литературы. Он – автор значимого произведения «Блеск и нищета изгнания» (*The Splendour and the Squalor of Exile*, 1957), в котором описываются надежды эмигрантов на лучшую жизнь и вскрываются мерзость, нищета духа, убожество мысли,

скудость идей и низость человеческого падения, которые также высветила эмиграция. В сборнике его эссе «Орфей в преисподней двадцатого века» (*Orpheus in the Inferno of the Twentieth Century*, 1963) рассматриваются проблемы духовного кризиса человека XX века. Более всего известен его роман «Соль земли» (*Salt of the Earth*, 1937, 1943) о Первой мировой войне и часть задуманной им трилогии «История многострадального пехотинца», в качестве заглавия которого взято выражение, использованное Иисусом Христом в Нагорной проповеди. Именно это произведение было удостоено престижных литературных наград, переведено на многие языки и номинировалось на Нобелевскую премию. Среди иных его наград стоит указать премии Американской академии искусств и Национального института искусств [9, p. 1770].

Творчество Тадеуша Виттлина (1909–1998) – писателя (поэта, публициста), журналиста и историка до сих пор совсем мало исследовано. Книга его очерков «Принужденный путешественник в России» (*An Unwilling Traveler in Russia*, 1966; в первой редакции книга была опубликована под названием *A Reluctant Traveler in Russia*, 1952) основывается на личном опыте автора, который познал участь заключенного в трудовом лагере в Сибири. Книга была переведена на французский, испанский, голландский, японский языки. Есть у Т. Виттлина также документальное произведение о трагедии в Катыни «Время остановилось в 6.50» (*The Time Stopped at 6.50*, 1965), высоко оцененное критиками, т.к. он «сделал многое для выяснения обстоятельств Катынской трагедии» [22]. Помимо этого, Т. Виттлин является первым биографом Л. П. Берии. Его последняя книга, написанная на английском языке – «Комиссар: Жизнь и смерть Лаврентия Павловича Берии» (*Comissar, The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria*, 1972), получила широкий общественный резонанс. Примечательно, что в свое время семья Виттлиных держала свой дом в г. Вашингтоне открытым для встреч и общения с польскими писателями, художниками, музыкантами.

У литературы послевоенной волны польской эмиграции большой интеллектуальный потенциал. Ряд писателей имеют международное признание как в Старом, так и в Новом Свете. В их числе, прежде всего, лауреат Нобелевской премии по литературе Чеслав Милош (*Czesław Miłosz*, 1911–2004), Станислав Бараньчак (*Stanisław Barańczak*, 1946), Ежи Косински (*Jezzy Kosinski*, 1933–1991) и Леопольд Тырманд (*Leopold Tyrmand*, 1920–1985). Ч. Милош и С. Бараньчак редко писали об Американской Полонии, они концентрировали свое внимание на философских вопросах бытия, на осмыслении происходящих социополитических процессов и анализе репрезентации писателя в мировом пространстве. Ч. Милош исследовал формы исторического развития и размышлял о трагической судьбе человека в современной цивилизации, прямо или опосредованно затрагивал вопросы национальной идентичности. По мнению исследователя Е. Квятковского, проницательность, дальновидность и ясность видения Милошем реальности и чистота его стиля, которые вряд ли присутствуют в творчестве любого из

его современников, являются «результатом не столько его опыта жизни за границей в течение многих лет, сколько характеристикой особого философского конструкта – “планетарной оптики” (*optyka planetarna*)» [23, с. 85]. Согласно исследованию А. Фиута, национальная идентичность автора имела большое значение для конструирования и функционирования его мировоззренческих и эстетических установок: «Милош всегда рассматривал действительность, в которой находился, как будто из удаленной перспективы. Вот почему, находясь в Польше, он подчеркивал свое происхождение как литвина, во Франции рассматривал себя славянином, а сейчас взирает на Америку глазами восточного европейца» [24, с. 339]. Как указывает А. Хаданович, «...паэт найчасцей апавядае з дапамогаю розных масак і роляў, гаворыць “чужымі галасамі”, дыстанцыруецца ад лірычнага героя, выяўляючы сябе адно ў лаканічнай паэтычнай “кропцы” твора, у ледзь прыкметнай усмешцы» [25, с. 64]. Идентичность Ч. Милоша шире, чем принадлежность к одной нации.

В многочисленных поэтических сборниках С. Бараньчака – политического диссидента, одного из наиболее известных польско-американских авторов, очевидно сопряжение поэзии с политикой. Через творчество он доносит до людей свою идеологическую повестку, в которой содержатся требования правды, гуманности, человечности. Автор обращается к опыту Восточной Европы и выражает надежду на сохранение мира в книге «Дыхание под водой и другие восточно-европейские эссе» (*Breathing under Water and Other East European Essays*, 1990). Его идеологически окрашенная поэзия разрушает «автоматическое восприятие языка и преодолевает грань между искусством и жизнью» [9, р. 1771], становясь неотъемлемым компонентом реальности. Поэзия С. Бараньчака на английском языке опубликована в книге «Под родной крышей» (*Under my Own Roof: Verses for a New Apartment*, 1980) и сборнике избранной поэзии «Вес тела» (*Selected Poems: The Weight of the Body*, 1989).

Иной вид творчества у Т. Карповича. Его поэзия функционирует как способ мышления, как философия восприятия и осознания мира. Гипотезы о строении универсума и состоянии человеческой души заключены автором в строгие философско-математические-поэтические формы (например, *Alef Bez Zera*, *Algorythm*, *Astygmetyzm Jasności*, *Factura*, *Granica*, *Oznaczenie*, *Zero Zero*). Это и своеобразное философское осмысление действительности, облеченное в поэтическую форму, специфическая исповедь эмигранта с зашифрованными ностальгическими мотивами (*Las*, *Droga*, *Glina*, *Woda*) [26]. Отдельные его стихи являются лишь фрагментами объемной «картины» мира, а общий смысл появляется в законченных циклах, состоящих из ряда произведений. Творчество Т. Карповича мало переводится в связи со сложностями передачи тонких нюансов мышления автора в поэмах, нередко исключительно развернутых по масштабу.

Е. Косинский – автор-прозаик, который воспринимается и как польский, и как американский автор, так как принадлежит и к польской, и к аме-

риканской литературе, – писал по-английски. Его перу принадлежат две публицистические книги и девять романов, среди которых наиболее известны «Разрисованная птица» (*The Painted Bird*, 1965), «Ступени» (*Steps*, 1968), «Садовник» (*Being There*, 1971), «Страсти Господни» (*Passion Play*, 1979), «Затворник с 69-й улицы» (*The Hermit of 69th Street*, 1988). Косинский рассматривает «сложности взаимоотношений общества и “чужого”, показывая инаковость как нечто отнюдь не всегда враждебное людям, а поиски человеком собственной сущности – как восхождение на Голгофу» [27, с. 8]. Все его книги объединены идеей поиска собственной многомерной идентичности, постижением глубинных основ человеческого бытия.

Польский журналист, романист и музыкальный критик Леопольд Тырманд эмигрировал в США с идеей внести в американское общество своеобразие польской культуры, традиций и мировосприятия. Он писал для разных периодических изданий и опубликовал в них «Тетради для дилетанта» (*Notebooks for a Dilletante*, 1967), издал книгу, в которой осмысливал особенности коммунистического строя, – *The Rosa Luxemburg Contraceptive: A Primer on Communist Civilization* (1972) и роман-предупреждение «Это Америка или добрый совет для поляков» (*Tu w Ameryce, czyli dobre rady dla Polaków / Here is America or Good Advice for Poles*, 1975).

В связи с радикальными переменами в Восточной Европе, которые были обусловлены изменением политического режима, ломкой существовавшей системы и радикальной перестройкой общества, в 1980-х гг. возникла современная, новая волна эмиграции. К писателям-эмигрантам присоединяется большая группа «отпускников» (*wakacjusze / vacationers*), тех поляков, которые въезжают в США по туристским визам с намерением работать нелегально, задерживаясь на годы и организуя там свою жизнь. Появляются новые иммигрантские издательства в Чикаго и Нью-Йорке, писатели имеют возможность поддерживать международные контакты.

Для литературы польской эмиграции данного периода характерны интенсивные жанровые поиски, экспериментальность, пародийно-ироническое переосмысление действительности. Критическая направленность творчества современных авторов-эмигрантов/иммигрантов сочетается с сатирическим эффектом, высмеиванием негативных проявлений современного высокоразвитого общества. Отмечаются более тесные культурные отношения между Старым и Новым Светом, определяются параметры сложной гибридной идентичности, а ностальгия рассматривается не только как определенное состояние души, но и «как специфическая повествовательная стратегия» [28, р. 31]. Наиболее значимыми авторами, в творчестве которых проявились данные тенденции, являются Данута Моствин (*Danuta Mostwin*), Януш Гловацки (*Janusz Głowacki*), Зофия Мержиньска (*Zofia Mierzyńska*) и Эдвард Редлиньски (*Edward Redliński*). Важным для литературоведческих исследований представляется и творчество Эвы Хоффман – писательницы и теоретика, особенно ее работа «Потерян в переводе: Жизнь на новом языке» (*Lost in Translation: A Life in New Language*, 1989).

Как справедливо отмечает К. Маевска, «несмотря на важные исторические изменения и особенности опыта каждого сообщества в США и Польше, функции эмигрантской литературы остаются во многом теми же. В них отражаются серьезные проблемы бытия, рассматриваются опыт и социальные проблемы, раскрываются транснациональные переключки Старого и Нового Света» [17, р. 149]. В качестве иллюстрации конкретно направленной остросоциальной критики может служить творчество Зофии Мержиньской, которая рассматривает проблемы жизни современных иммигрантов (роман *Wakacjuszka / The Vacationer*). Она же поднимает вопросы межличностных отношений в чикагской общине поляков (произведение *Jaskovo Story*), показывая слишком большие ожидания от эмиграции, иллюзии и разочарования, жестокую реальность жизни на чужбине. Напряженная атмосфера в польской общине вызвана новыми волнами эмигрантов/иммигрантов, которые «привносят серьезные культурные различия, чуждое эгоистичное восприятие окружающего мира, свои принципы адаптации к действительности, свои способы проникновения в социальную и культурную сеть, стремясь создать свои новые Полонии» [17, р. 148].

Налицо разрушение семьи под влиянием общей атмосферы коммерциализации, изменение сознания в результате следования требованиям американской культуры, потеря личной независимости. Автор открыто и остро критикует институт эмиграции на конкретном примере из жизни польских эмигрантов, выявляет внутреннюю эксплуатацию и подавление личности: «В Америке семья и национальные связи не трансформируются в общий интерес или общее понимание. Совершенно наоборот. Самое страшное, что поляк действует как волк среди других поляков; один готов утопить другого в ложке воды. Это не американские капиталисты, которые эксплуатируют нелегальных рабочих, а иммигранты, которые владеют агентствами по трудоустройству, обманывают своих клиентов и рабочих» [17, р. 150]. Автор вносит вклад в развитие особого жанра в литературе США – остросоциальной, критически направленной прозы о жизни иммигрантов/эмигрантов в мультикультурной и многонациональной стране.

Появляются в XXI в. авторы – потомки представителей второго и третьего поколения эмигрантов, которые стремятся реконструировать прошлое и воссоздать историю середины XX века. Их литературные поиски объединены темой сохранения культурного польского наследия в США и отличаются пристальным вниманием к жизни в существующих этнических общинах. Эти авторы выражают глубокую озабоченность исчезновением польских сообществ, традиций, обычаев, размыванием этнических культур. Под влиянием ностальгии ими создаются проникновенные, наполненные глубоким чувством повествования, в которых выявляется целый комплекс проблем современного общества. Среди таких авторов – Дж. Климкевич (Joann Klimkewicz), Стюарт Дубек (Stuart Dybek), Сюзанна Стремpek Шая (Suzanne Strempek Shea), Ханна Бакула (Hanna Bakula), Гэри Гилднер (Gary Gildner), Анне Пелловски (Anne Pellowski), Филлип Боноски (Phillip

Bonosky), Энтони Букоски (Anthony Bukoski), Мэтт Бабински (Matt Babinsky), Ричард Банковски (Richard Bankowsky), Дэррил Понискан (Darryl Poniscan), Элизабет Керн (Elizabeth Kern), Каролина Вацлавяк (Karolina Wacławiak) и др.

Темы Второй мировой войны и Варшавского восстания заново осмысливаются в произведениях Бриджид Пасулки «Правдивая история о прошлом» (*A Long Time Ago and Essentially True*, 2009), Марии Пилатович «Ступая по льду» (*Walking on Ice*, 2011), Марии Зонтаг «Восходящая надежда» (*Rising Hope*, 2015) и др.

Особое значение для польских и всех славянских авторов-эмигрантов имеют поиски смысла бытия и восстановление культурно-исторической памяти в условиях изгнания, отдаления от своего дома, отчуждения от культурных традиций, при географическом, пространственно-временном перемещении, при разрыве жизненно важных корней, связывающих писателей с родной землей. Осмысление новых реалий и возрождение в американской действительности своей культурной, национальной, этнической идентичности имеют решающее значение в становлении самосознания творческой личности, что прямо или опосредованно отражается на идейно-художественных поисках авторов, в обращении к разнообразным стратегиям литературной репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тлостанова, М. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН: «Наследие», 2000. – 399 с.
2. Гиленсон, Б. А. История литературы США / Б. А. Гиленсон. – М. : Издат. центр «Академия», 2003. – 704 с.
3. Воронченко, Т. В. Основные тенденции становления и развития литературы чикано США: К проблеме взаимодействия культурных традиций : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.05 / Т. В. Воронченко. – Чита, 1995. – 305 л.
4. Ong, W. Introduction On Saying We and Us to Literature / W. Ong // Three American Literatures: Essays in Chicano, Native American, and Asian American Literature for Teachers of American Literature. – N. Y. : The Modern Language Association of America, 1982. – P. 3–7.
5. Боярская, А. А. Проза чешской эмиграции 1980–1990-х годов. Автор. Герой. Повествователь : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / А. А. Боярская. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.dissercat.com/content/prosa-cheshskoi-emigratsi-1980-1990-kh-godov-avtor-geroi-povestvovanie. – Дата доступа : 12.01.2018.
6. Kozaczka, G. J. Writing Poland and America: Polish American Fiction in the Twenty-First Century / G. J. Kozaczka // Polish American Studies. – Vol. LXXIII. – No. 1 (Spring 2016). – P. 69–82.
7. Fillipowicz, H. Beginning to Theorize ‘Polish Émigré Literature’ / H. Fillipowicz // Between Lvov, New York and Ulisses’ Ithaca: Jozef Wittlin : Poet, Essayist, Novelist. – Toru : Wydawn. Univ. Miko aja Kopernika, 2001. – P. 225–242.

8. *Lyra, F.* Following the Cycle: The Ethnic Pattern of Polish-American Literature / F. Lyra // MELUS. – Vol. 12. – No. 4 (Winter 1985). – P. 63–71.
9. *Stephan, H.* Polish Émigré Writers in the United States / H. Stephan // The Greenwood Encyclopedia of Multiethnic American Literature / ed. E. S. Nelson: in 6 Volumes. – Vol. 4. – Connecticut : Greenwood Press, 2005. – P. 1767–1772.
10. *Dorosz, B.* Co można wyczytać z bibliografii Literatura i krytyka poza cenzurą 1977 – 1989 / B. Dorosz // Puls. – No. 56. – 1992. – C. 77–86.
11. *Fillipowicz, H.* Fission and Fusion: Polish Émigré Literature / H. Fillipowicz // The Slavic and East European Journal. – Vol. 33. – No. 2 (Summer 1989). – P. 157–172.
12. *Milosz, Cz.* Notes on Exile / Cz. Milosz // Books Abroad. – Vol. 50 (Spring 1976). – P. 281–284.
13. *Maciuszko, J. J.* Polish-American Literature / J. J. Maciuszko // Ethnic Perspectives in American Literature / ed. R. J. Di Pietro and E. Ifkovic. – N. Y. : The Modern Language Association of America, 1983. – P. 163–182.
14. *Jaroszyńska-Kirchmann, A. D.* The Polish Hearst: Ameryko-Echo and the Public Role of the Immigrant Press / A. D. Jaroszyńska-Kirchmann. – Illinois : The University of Illinois Press, 2015. – 356 p.
15. *Majewski, K.* Polish-American Literature in Polish / K. Majewski // The Greenwood Encyclopedia of Multiethnic American Literature / ed. E. S. Nelson. – in 6 Volumes. – Vol. 4. – Connecticut : Greenwood Press, 2005. – P. 1749–1753.
16. *Thomas, W.* The Polish Peasant in Europe and America / W. Thomas, I. Znanieski : in 5 Volumes. – Vol. 3. – Boston : The Gorham Press, 1919. – 415 p. (kindle edition)
17. *Blicksilver, E.* Monica Krawczyk: Chronicler of Polish-American Life / E. Blicksilver // MELUS. – Vol. 7. – No. 3, 1980. – P. 13–20.
18. *Wtulich, J.* American Xenophobia and the Slav Immigrant. A Living Legacy of Mind and Spirit / J. Wtulich. – N. Y. : The Columbia University Press, 1994. – 203 p.
19. *Roucek, J. S.* The Image of the Slavs in U.S. History and in Immigration Policy / J. S. Roucek // The American Journal of Economics and Sociology. – Vol. 28. – No.1, 1969 – P. 29–48.
20. *Majewski, K.* Traitors and True Poles. Narrating a Polish-American Identity / K. Majewski. – Ohio : Ohio University Press, 2003. – 316 p.
21. *Majewski, K.* Wayward Wives and Delinquent Daughters: Polonia's Second-Generation Flappers in the Novels of Malania Nesterowicz / K. Majewski // Polish American Studies. – Vol. 53. – No. 1 (Spring 1996). – P. 5–16.
22. *Вумлин, Т.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.e-reading.club/...Svyanevich_-_V_teni_Katyni.html. – Дата доступа : 3. 08. 2018.
23. *Kwiatkowski, J.* Miejsce Miłosza w poezji polskiej / J. Kwiatkowski // Poznawanie Miłosza: Studia iszkice o twórczasci poety. – Cracow: Wyd. Literackie, 1985. – P. 81–88.
24. *Fiut, A.* The Poetry of Czesław Miłosz: The Parable of the Great Distinheritance / A. Fiut // Cross Currents. – No. 2. – 1983. – P. 333–346.

25. *Хадановіч, А.* Праўда і справядлівасць / А. Хадановіч // Роднае слова. – № 12. – 2001. – С. 59–65.
26. *Karpowicz, T.* Utwory Poetyckie / T. Karpowicz. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2014. – 518 p.
27. *Стулова, Е. Ю.* Творческая эволюция Ежи Косинского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. Ю. Стулова. – Минск, 2003. – 20 с.
28. *Mysak, S.* Simple Sentimentality or Specific Narrative Strategy? / S. Mysak. – Canuke Literture: Critical Essays on Canadian Ukrainian Writing. – N. Y. : Nova Science Publications, Inc., 2001. – P. 31–48.

The article deals with the representation of Polish émigré literature in the multicultural American society. The creative activity of the most influential Polish-American writers is revealed and their world views are considered. The peculiarities of the émigré authors' experience as members of an ethnic group are determined. The value of Polish-American literature is recognized and the authors' literary heritage which is an important element in the development of multicultural American aesthetic territory is considered.

Поступила в редакцию 13.08.18

В. І. Радкевіч

ГЕНЕЗІС ПАНЯЦЦЯ «ІНТЭРТЭКСТУАЛЬНАСЦЬ» У ТЭОРЫІ ЛІТАРАТУРЫ

Артыкул прысвечаны разгляду генезісу паняцця інтэртэкстуальнасці, перадумоў яго з'яўлення. Тэорыя інтэртэксту, якая склалася галоўным чынам у ходзе даследавання інтэртэкстуальных сувязей ў мастацкай літаратуры, глыбока змяніла ўяўленне пра тэкст, спосабы яго прачытання і аналізу. Тэорыя інтэртэкстуальнасці была падрыхтавана працамі М. Бахціна, рускіх фармалістаў і прадстаўнікоў структуралізму, але яе з'яўленне было дэтэрмінавана сацыяльнымі трансфармацыямі і няздольнасцю тагачасных філосафа-метадалагічных устаноў патлумачыць і выправіць дадзеныя трансфармацыі. Думка пра аўтаномнасць тэксту дазволіла з'явіцца на свет паняццю «інтэртэкст».

Інтэртэкстуальнасць – паняцце ў літаратуразнаўстве адносна новае, але ў літаратуры яно ахоплівае і старажытныя формы пісьма, сцвярджаючы, здавалася б, простую ісціну: любы тэкст не можа быць створаны незалежна ад таго, што было напісана раней. Тэрмін прапанаваны французскай даследчыцай балгарскага паходжання, постструктуралістам Юліяй Крысцевай у артыкуле «Бахцін, слова, дыялог і раман», напярэдадні 1968-га года, пераломнага не толькі для Францыі, але і ўсяго тагачаснага грамадства. Ю. Крысцева, вучаніца Р. Барта і інтэрпрэтатар ідэй М. Бахціна, прапанавала навуковай грамадскасці новае паняцце, якое адпавядала духу часу. «Любой текст, – піша Крысцева, – строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [1].

Тэрмін быў распрацаваны ў межах постструктуралізму, які з'явіўся як адказ на няздольнасць папярэдніх філосафа-метадалагічных устаноў патлумачыць сацыяльныя трансфармацыі таго часу. Знакаміты лозунг-графіці «Структуры не выходзяць на вуліцы!» на парыжскіх сценах сцвярджаў той факт, што масавыя дэманстрацыі студэнтаў і працоўных нельга патлумачыць катэгорыямі структуралізму [2].

Карані паняцця *інтэртэкстуальнасць* палягаюць у працах М. Бахціна «Творчасць Франсуа Рабле і народная культура Сярэднявечча і Рэнесансу» і «Праблемы паэтыкі Дастаеўскага» [3], «Эстэтыка слоўнай творчасці» [4]. Канцэпцыя М. Бахціна пра дыялагізм адыгрывае найважнейшую ролю ў генезісе паняцця інтэртэкстуальнасці. Яна сфармавала падыход да інтэрпрэтацыі інтэртэкстуальнасці як узаемадзеяння мноства тэкстаў унутры аднаго тэксту, які суадносіцца з імі як цэлае з часткамі.

Сама асоба М. Бахціна шматгранная. Навуковы шлях ён распачаў не як філолаг, а як філосаф. Першыя яго працы «Да філасофіі ўчынку» і «Аўтар і герой у эстэтычнай дзейнасці» паказваюць глыбіню поглядаў даследчыка, філасофскія вытокі некаторых яго ідэй. Таксама М. Бахцін займаўся літаратуразнаўствам, філалагічнай і філасофскай інтэрпрэтацыяй тэкстаў.

Паняцце дыялагізму, што адыграла вырашальную ролю ў генезісе інтэртэкстуальнасці, распрацавана М. Бахціным у дзвюх манаграфіях – «Творчасць Франсуа Рабле і народная культура Сярэднявечча і Рэнесансу» і «Праблемы паэтыкі Дастаеўскага». Карнавальная мадэль культуры, прадстаўленая ў першай кнізе, мае дыскусійны характар адносна таго, ці ўсё можа быць высмеяна, ці не згубяць сваю значнасць тыя або іншыя каштоўнасці, якія могуць патрапіць пад высмейванне. Сама мадэль актуальная для філасофіі постмадэрнізму, дзе няма абсалютных каштоўнасцей (усё можа стаць прадметам карнавалу), а культура – факт нашай інтэрпрэтацыі.

М. Бахцін лічыць, што чалавек падчас зносін заўсёды выступае як суразмоўца і спасціжэнне глыбінь чалавечай душы немагчыма на шляху знешняга даследавання, паколькі ўнутраны свет чалавека раскрываецца толькі ў зносінах, дыялагічна. Свядомасць герояў раманаў Ф. Дастаеўскага адлюстроўваецца ў словах, рэпліках іншых персанажаў, што спрыяе ўспрымання гэтага тэкстаў як цалкам жыццёвых з'яў. Сам аўтар не ведае, што чакае яго героя ў будучыні, бо той жыве ўласным жыццём, кантактуючы і паўстаючы тым самым у зносінах. За героем застаецца апошняе слова пра сябе самога. Дыялог М. Бахцін разумее як штохвілінна стваральную «жывую» падзею быцця, якая мае бясконцы характар [3].

У кнізе «Эстэтыка слоўнай творчасці» М. Бахцін сцвярджае міжіндывідуальны характар слова, яго адначасовую прыналежнасць наратару і чытачу. Таксама ён выводзіць сувязь выказванняў, нават аддаленых у часе і прасторы, праз агульную тэму, пункт гледжання наратара і т.п. Выказванне заўжды ўплецена ў тканіну іншых выказванняў, якія яго фарміруюць, і знаходзіцца ў сітуацыі дыялогу [4].

Працы і навуковыя погляды М. Бахціна ў сённяшняй сітуацыі шматпланавай камунікацыі даволі актуальныя. Ідэя дыялогу культур была закладзена ў працах М. Бахціна і развітая У. Біблерам.

Таксама ўзнікненне паняцця інтэртэкстуальнасці было падрыхтавана тэарэтычнымі выказваннямі рускіх фармалістаў (адзін з напрамкаў структуралізму), якія дазволілі тэксту сканцэнтравана на самім сабе. У пачатку XX ст. група рускіх тэарэтыкаў аб'ядналася ў «Таварыства па вывучэнні паэтычнай мовы» і ўзялася адстойваць спецыфіку літаратурнага тэксту, адмаўляючыся тлумачыць яго з дапамогай пабочных прычын (гістарычных, сацыяльна-палітычных, псіхалагічных і г. д.). Супраціўнікі асноўнага палажэння гэтай тэорыі літаратуры ахрысцілі яе аўтараў «фармалістамі». Рускія фармалісты лічылі, што гісторыя літаратуры не можа тлумачыцца ўздзеяннем пазалітаратурных прычын, здольных прыводзіць да абнаўлення твораў, адмаўлення ад таго ці іншага жанру ці ўзнікнення новага. Наадварот, рухомая сіла развіцця літаратуры закладзена ў саміх адносінах літаратурных тэкстаў. Такім чынам, вырашальную ролю набываюць сувязі паміж тэкстамі. Узнікненне, а пасля заняпад літаратурных жанраў адбываецца выключна праз падхопленне старых форм, якія, трапляючы ў новы кантэкст, дэфармуюцца, а з цягам часу зноў аднаўляюцца дзякуючы трансплантацыі ў новы кантэкст.

Постструктуралізм перагледзеў некаторыя ключавыя паняцці структуралізму. Так, ва ўяўленні постструктуралістаў, тэкст – гэта адкрытая, аўтарэфэрэнцыяльная сістэма цытавання, якая чытаецца з дапамогай бязмежнага мноства кодаў і ў якой адсутнічаюць сувязі як з рэальным планам, так і з планам выражэння – суб'ектам. Так, у 1968 г. Р. Барт абвясціў «смерць аўтара» ў аднайменным артыкуле: «<...> ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» [5, с. 387–388]. Такім чынам, у постструктуралізме здымаецца праблема запазычанняў і ўплываў, першаснасці і другаснасці: праз прызму інтэртэксту свет выступае як велізарны Тэкст, у якім усё калісьці было сказана, а новае магчыма толькі па прынцыпе калейдаскопа.

Тэкст, на думку Р. Барта, складаецца з мноства розных відаў пісьма, што ўзяты з разнастайных культур. Гэтыя віды пісьма ўступаюць у адносіны дыялогу, пародыі, спрэчкі, аднак усё мноства факусіруецца ў адной кропцы пад назвай «чытач», а не «аўтар», як сцвярджалі раней. Тэкст здабывае адзінства не ў паходжанні, а ў прызначэнні быць прачытаным і разабраным на цытаты, з якіх складаецца пісьмо. Чытач выступае той прасторай, у якой адбіваецца і раскрываецца інтэртэкст [5].

Тэрмін Ю. Крысцевай атрымаў шырокае распаўсюджанне ў працах многіх даследчыкаў, але яго трактоўка залежала ад філасофска-метадалагічных устаноў, якіх прытрымліваўся канкрэтны аўтар.

У межах тэорыі пра чытача структураліст М. Рыфатар звязвае інтэртэкстуальнасць з самім працэсам чытання. «Интертекстуальность есть восприятие читателем отношений между данным произведением и другими – предшествующими или последующими – произведениями. Эти произведения

и образуют интертекст первого произведения» [6, с. 57]. Даследчык прапаноўвае адрозніваць інтэртэкстуальнасць факультатыўную і неабходную, апошняю чытач не можа не заўважаць, бо інтэртэкст пакідае след, які нельга прыбраць, кіруе дэкадзіраваннем дадзенага выказвання ў літаратурным ключы.

М. Рыфатар прызнае эвалюцыйны характар інтэртэксту: з цягам часу памяць і кругагляд чытачоў мяняюцца, і адпаведна корпус рэфэрэнцый, агульных для дадзенага пакалення, становіцца іншым праз некалькі дзесяцігоддзяў. Усё выглядае так, нібыта тэксты павінны становіцца нечытэльнымі, ці, прынамсі, страчваць свой сэнс па меры таго, як іх інтэртэкстуальнасць страчвае зразумеласць.

Пры такіх умовах інтэртэкст становіцца прыладай селекцыі, з дапамогай якой праводзіцца мяжа паміж адукаванымі чытачамі, здольнымі распазнаць сляды іншых тэкстаў, і «шараговымі» чытачамі, якія, магчыма, успрымаюць усё прачытанае за выключна аўтарскае і не бачаць міжтэкставага следу.

Гэты погляд на паняцце інтэртэкстуальнасці не з'яўляецца адзіным. Зусім ў іншым ракурсе разглядае дадзенае паняцце ў кнізе «Палімпсесты» Ж. Жанэт. Аўтар вызначае інтэртэкстуальнасць як адзін з тыпаў літаратурных узаемазалежнасцей. Ж. Жанэт уводзіць паняцце «транстэкстуальнасць», якое абазначае ўсё, што ўключае пэўны тэкст у адносіны з іншымі, далучае яго да літаратуры ў цэлым [7]. Транстэкстуальнасць, як лічыць аўтар, уключае ў сябе пяць тыпаў адносін:

- **Архітэкстуальнасць.** Вызначаецца тымі адносінамі, якія дадзены тэкст падтрымлівае з родавай катэгорыяй, да якой належыць.
- **Паратэкстуальнасць.** Абазначае сувязь тэксту са сваім паратэкстам (прадмовы, эпіграфы, ілюстрацыі і г. д.). Паратэкстуальнасці Ж. Жанэт прысвяціў кнігу «Парогі» (1985).
- **Метатэкстуальнасць.** Уяўляе сабой адносіны каментавання, пры якіх адзін тэкст гаворыць пра іншы, прычым цытаванне альбо проста намінацыя не абавязковыя.
- **Інтэртэкстуальнасць.** Адносіны супрысутнасці паміж двума ці некалькі тэкстамі праз цытаванне, алузіі, плагіят.
- **Гіпертэкстуальнасць.** Пад гэтым паняццем Ж. Жанэт разумее любыя адносіны, якія звязваюць вытворны тэкст (гіпертэкст) з утвораным (гіпатэкстам). Такія адносіныносяць характар не ўключанасці, а прышчэпкі [6, с. 2].

Сам Ж. Жанэт настойвае на тым, што апісанія тыпы не замкнёныя, а ўзаемапрапікальныя. Такім чынам, аўтара цікавіць не аб'ект пад назвай інтэртэкст, а сувязь, што ўзнікае паміж гіпатэкстам і гіпертэкстам.

У савецкае і расійскае літаратуразнаўства паняцце інтэртэкстуальнасці і інтэртэксту прыйшло з заходнеўрапейскай тэорыі. І хоць тэрміналогія адрозніваецца паміж сабой, сутнасць разважанняў пра спецыфіку «чужога слова» і дыялог тэкстаў супадаюць паміж сабой. У святле праблемы інтэртэксту заслугоўвае ўвагі манаграфія Ю. М. Лотмана «Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история», напісаная для лонданскага

выдавецтва і апублікаваная на рускай мове ў 1996 годзе. Вучоны не карыстаецца тэрмінамі *інтэртэкст* і *інтэртэкстуальнасць*, аднак паняцці сям'ясферы, сям'ятычнай прасторы, культурнай памяці непасрэдна звязаныя з праблематыкай інтэртэкстуальнасці. Ю. Лотман увёў паняцце агульначалавечай сістэмы знакаў – сям'ясферы (па аналогіі з біясферай Вернадскага).

Літаратура, мастацтва, культура разглядаюцца як сям'ятычныя сістэмы, створаныя чалавецтвам. Інфармацыя захоўваецца і перадаецца праз тэксты, якія выконваюць тры асноўныя функцыі: перадача паведамлення, генерацыя новага сэнсу і кандэнсаванне культурнай памяці. Тэкст, паводле Ю. Лотмана, уяўляе сабой звязаны знакавы комплекс, які валодае здольнасцю захоўваць памяць пра свае папярэднія кантэксты.

Тэкст – адкрытая сям'ятычная сістэма, якая пад уплывам кантактаў з іншымі тэкстамі стварае сэнсавы патэнцыял для ўласнай інтэрпрэтацыі. Тэкст і чытач выступаюць суразмоўцамі [8]. Погляды Ю. М. Лотмана зрабілі ўплыў на распрацоўку праблемы інтэртэкстуальнасці расійскімі даследчыкамі.

Навуковец І. У. Арнольд звязвае інтэртэкстуальнасць непасрэдна з філалагічнай герменеўтыкай. Чытач – актыўны ўдзельнік творчага працэсу, ён дэкадзіруе тэкст і інтэлектуальна ўсведамляе яго сэнс, духоўны змест. Ад якасці і глыбіні дэкадзіравання залежыць характар асабістай рэакцыі на прачытанае. Аб'ект дэкадзіравання – тэкст – уяўляе сабой дыялог аўтара не толькі з чытачом, але і з усёй сучаснай і папярэдняй культурай. Пад інтэртэкстуальнасцю даследчыца разумее ўключэнне ў тэкст цэлых іншых тэкстаў з іншым суб'ектам маўлення альбо фрагментаў у выглядзе цытат, рэмінісцэнцый і алюзій [9].

Разглядае інтэртэкстуальнасць з пункту гледжання філалагічнай герменеўтыкі і С. Р. Абрамаў. Калі пагадзіцца з тым фактам, што культура ёсць сукупнасць тэкстаў у бесперапынным дыялогу, а чалавечае быццё ў свеце – існаванне «тэксту ў тэксце», то аўтар робіць вывад, што *інтэртэкстуальнасць* ёсць адзіны спосаб існавання культуры і, значыць, няма і не можа быць праблемы *інтэртэкстуальнасці*, але ёсць праблема разумення і інтэрпрэтацыі тэксту [10]. *Інтэртэкстуальнасць* ён прапаноўвае разглядаць як другую назву ўсеагульнай сувязі і счаплення тэкстаў.

За апошнія дзесяцігоддзе ў беларускім літаратуразнаўстве назіраецца актыўны зварот да аналізу «чужога слова» ў мастацкіх творах айчынных пісьменнікаў. Аб'ектам даследавання сталі як найноўшыя творы прыгожага пісьменства, так і ўзоры класічнай беларускай літаратуры. Даследаванне інтэртэксту ў паэзіі канцэнтруецца на аналізе як асобных адзінак (алюзій, цытат, рэмінісцэнцый, эпіграфаў), найбольш характэрных для творчасці таго ці іншага паэта, так і комплексным аналізе розных відаў інтэртэксту. Яно (даследаванне) таксама пацвярджае той факт, што міжтэкставыя ўзаемадзеянні характэрныя для твораў розных часоў і абумоўлены аўтарскай інтэнцыяй і кругам аўтара. Для сучаснай беларускай прозы характэрны зварот яе аўтараў да лепшых узораў айчыннай і сусветнай літаратурнай класікі як крыніц арыгінальных вобразаў, сюжэтных ліній, тэм, матываў.

Апошнім часам літаратуразнаўцы адмовіліся ад канцэптуальнага палажэння структуралістаў пра «смерць аўтара». Тэорыя інтэртэксту выкарыстоўваецца для новага прачытвання мастацкіх твораў, раскрыцця індывідуальнага стылю пісьменніка, яго моўнай карціны свету. У гэтым варта бачыць спосаб пераадолець крызісную сітуацыю постмадэрну, выпрацаваць новыя каштоўнасныя арыенціры.

Такім чынам, тэорыя інтэртэкстуальнасці, падрыхтаваная працамі М. Бахціна, рускіх фармалістаў і прадстаўнікоў структуралізму, была дэ-тэрмінавана сацыяльнымі трансфармацыямі і няздольнасцю тагачасных філосафа-метадалагічных устаноў патлумачыць і выправіць дадзеныя трансфармацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Кристева, Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М., 2000. – С. 427–457.
2. *Жижек, С.* В 1968-м структуры впервые вышли на улицы. Сделают ли они это снова? / С. Жижек // Русский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russ.ru>. – Дата доступа : 30.05.2018.
3. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. – 320 с.
4. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1996. – 444 с.
5. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
6. *Пьеге-Гро, Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро. – М. : URSS: ЛКИ, 2008. – 238 с.
7. *Женнет, Ж.* Фигуры: работы по этике / Ж. Женнет ; пер. Е. Васильевой [и др.] ; под общ. ред. С. Зенкина. – М. : Изд-во им. Собашниковых, 1998 – 469 с.
8. *Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 447 с.
9. *Арнольд, И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 443 с.
10. *Абрамов, С. Р.* Интертекстуальность как конституирующий признак и условие сосуществования семиотических систем / С. Р. Абрамов // Интертекстуальные связи в художественном тексте : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Арнольд. – СПб. : Образование, 1993. – С. 12–20.

The theory of intertext which developed mainly in the study of intertextual relationships in fiction, deeply changed the idea of the text as well as the ways of reading and reviewing it. The theory of intertextuality was investigated in the works by M. Bakhtin, Russian formalists and representatives of structuralism, but its appearance was determined by social transformations and the inability of the philosophy of methodological systems to explain and correct the data transition. The idea of text autonomy has allowed the concept of “intertext” to be born.

Поступила в редакцию 22.06.18

СЛОВЕСНО-АССОЦИАТИВНЫЕ ПОЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОДТЕКСТА

Статья представляет собой описание языкового и текстового словесно-ассоциативных полей как одного из факторов формирования художественного подтекста. Проводится анализ короткого англоязычного рассказа Э. Хэмингуэя *“Cat in the rain”* («Кошка под дождём») с целью выявления в нем ключевых слов и их текстовых ассоциативных полей, которые сравниваются с ассоциативными полями эквивалентных им стимулов из Эдинбургского ассоциативного тезауруса. Рассматривается роль каждого из словесно-ассоциативных полей в структуре художественного текста и их влияние на смысловую организацию рассказа. В ходе анализа было показано, как раскрывается главная тема рассказа, его глубинный смысл, основанный на подтексте, создаваемом автором.

Одной из актуальных задач современной психолингвистики является исследование словесно-ассоциативных полей и их текстообразующих функций. В процессе текстообразования ведущую роль в обеспечении семантической связности текста играют лексические единицы. Лингвистами было доказано, что лексика художественных произведений имеет системный характер, и эта системность тесно связана с категорией поля [1; 2].

Словесно-ассоциативные поля позволяют активизировать имеющиеся в сознании носителя языка ассоциации, которые являются отражением основных идей и замыслов автора того или иного художественного текста. В художественном тексте в большей степени просматривается личностная авторская установка.

Художественный рассказ выполняет эстетическую функцию, он воздействует не только на сознание реципиента, но и на его чувства, вызывает определенные эмоции. Автор художественного произведения как бы создает свой собственный, воображаемый мир и приглашает в него читателя. Тот же в свою очередь пытается перенести этот мир в свою реальность, провести аналогии со своей жизнью, найти в нем что-то общее с описываемыми в рассказах событиями, сравнить себя с главными героями. Все это становится возможным благодаря ассоциациям, поскольку ментальный лексикон человека обладает ассоциативным потенциалом, который активизируется в момент получения импульса (стимула) и становится готовым к производству своих собственных идей и смыслов, существующих в тексте.

Художественной литературе свойственна образность, лексическое разнообразие, эмоциональность при описании событий и главных героев. Автор использует множество различных ассоциаций, поскольку появление одной мысли, идеи влечет за собой появление иных. Слова, семантически связанные друг с другом и с основной темой и идеей произведения, формируются в ассоциативные поля, представляя как бы основу, остов художественного произведения, вокруг которого автор создает текст, делая его логичным и связанным, насыщенным и интересным для прочтения. В широком смысле ассоциативное поле являет собой «фрагмент образов сознания, оценок,

мотивов, интересов», а ассоциативно-вербальная сеть является, таким образом, одним из «способов репрезентации языка и существующих в сознании человека знаний и представлений о языке и мире» [3, с. 6].

В лингвистике интерес к ассоциативным полям, и в частности к ассоциации слова-стимула, обусловлен самой природой языкового значения: слово как знак связано со всем обозначаемым прежде всего по ассоциации, эта связь на современном уровне развития языка зачастую не мотивирована [4].

А. А. Леонтьев неоднократно отмечал принципиальное единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов [5, с. 268]. Ассоциативное поле слов-реакций можно рассматривать как аналог значения.

Рассматривая роль каждого из словесно-ассоциативных полей в структуре текста, можно увидеть и то, что автор непосредственно передает читателю, и тот подтекст, который лежит в основе художественного произведения, с чего формировался авторский замысел и начиналось создание текста. В текстовое ассоциативное поле вовлекаются только присутствующие в тексте словесные ассоциации, поэтому «... поле, построенное из конкретного текста, становится текстовым ассоциативным полем» [6, с. 152].

Если языковое ассоциативное поле дает нам знания о всех возможных ассоциативно-связанных со стимулом значениях, то текстовое ассоциативное поле в первую очередь раскрывает те значения, которые важны для понимания темы и идеи каждого конкретного художественного произведения. При сопоставлении этих полей можно получить наиболее полную картину ассоциативных значений слова как индивидуальных, так и общепринятых.

Текстовое ассоциативное поле характеризуется повышенной внутренней динамикой, ориентированной на развитие сюжета. В то время как в языковом ассоциативном поле реакции предопределяются только самим стимулом, его границы размыты [3, с. 2].

Основными смысловыми элементами в текстовых ассоциативных полях выступают ключевые слова. Умение выделять эти слова – это одно из условий понимания текста, поскольку для читателя они становятся стимулами для образования ассоциативных полей, которые, взаимодействуя друг с другом, выполняют текстообразующую функцию. Лексическая связность текста зависит от того, как ключевые слова связаны с остальными словами в тексте и как они раскрываются при помощи создаваемых вокруг них ассоциативных полей.

Ключевые слова объединяют весь текст или его фрагменты и создают связность текста в целом. Единство темы текста проявляется в регулярной повторяемости ключевых слов и их синонимов. Ключевые слова притягивают к себе другие слова, семантически и ассоциативно с ними связанные, тем самым передавая основное содержание текста в сжатой форме. Выбор ключевых слов основывается на их лексическом значении, частоте их встречаемости в тексте, их местоположении, он определяется авторской

интенцией, его творческим замыслом, коммуникативной стратегией текстового развертывания. По мнению лингвистов, исследовавших эту проблему, в каждом тексте можно выделить целый набор ключевых слов – от 5 до 10, их количество может варьироваться в широких пределах [7].

В настоящей статье представлен ассоциативный подход к изучению механизма текстообразования как проявления бессознательного ассоциирования автора и читателя при создании подтекста в процессе порождения художественного произведения. Целью автора является анализ художественного текста с выделением ключевых слов в качестве слов-стимулов для текстовых ассоциаций и их сравнение со словами-стимулами из Эдинбургского ассоциативного тезауруса. Создается определенная система ассоциаций, состоящая из текстовых ассоциативных полей авторского текста и тезаурусных полей эквивалентных им стимулов.

По утверждению Ю. Н. Караулова, ассоциативный словарь является «инструментом анализа языковой способности», а «за текстом стоит языковая личность», поэтому, сравнивая языковое ассоциативное поле с текстовым ассоциативным, можно выявить, как при помощи языковых способностей отображаются художественное содержание текста и замысел автора как языковой личности [8, с. 23].

Для того чтобы показать, как формируются ассоциативные поля художественного текста, рассмотрим рассказ Э. Хэмингуэя *“Cat in the rain”* («Кошка под дождём»). Речь в нем идет о супружеской паре, о мужчине и женщине, о пустоте жизни и одиночестве каждого из них. Эти образы символичны. Рассказ начинается с описания отеля в маленьком итальянском городке, в котором остановилась американская супружеская пара. С самого начала создается определенное настроение: тоскливый дождливый день, обычный, ничем не выделяющийся отель и обычная супружеская пара, чья жизнь скучна и тосклива, как и описываемый дождливый день. И неожиданно появляется кошка, сидящая под дождем. Именно она вносит разнообразие в описываемую жизненную ситуацию. Следует отметить, что автор не называет по именам своих главных персонажей. Он дал им название *husband* и *wife*, тем самым показывая, что они символизируют многие супружеские пары, чья жизнь весьма стереотипна и подчинена определенному алгоритму.

В коротком рассказе каждое слово значимо, весомо и играет особую роль в создании художественных образов. На нескольких страницах описывается вся жизнь главных героев, окружающая их реальность: *There were only two Americans stopping at the hotel. They did not know any of the people they passed on the stairs on their way to and from their room;* их мысли и чувства: *Something felt very small and tight inside the girl. The padrone made her feel very small and at the same time really important. She had a momentary feeling of being of supreme importance;* их переживания и желания: *Oh, I wanted it so much. I wanted a kitty; I wanted it so much... ‘I don’t know why I wanted it so much. I wanted that poor kitty. It isn’t any fun to be a poor kitty out in the rain’.*

Эмоционально-чувственная сторона очень важна для такого рассказа, поскольку короткое художественное произведение вызывает всю бурю эмоций сразу, в отличие от объемных произведений, где читатель получает их как бы по частям.

В анализируемом рассказе, наравне с главной темой и основной идеей, можно выделить еще и подтемы, каждой из которых соответствуют ассоциативные поля, создаваемые в тексте.

Опираясь на мнение известных исследователей (Л. В. Сахарного, А. С. Штерн, Ю. Н. Караулова, Н. С. Болотновой) о том, что ключевые слова передают текст в сжатой форме и помогают выявить текстообразующую направленность ассоциирования, выделим в исследуемом тексте следующие ключевые слова: *wife, cat, hote li rain*. Каждое из них образует текстовое ассоциативное поле, состоящее из нескольких лексико-тематических групп и представляет одну из подтем рассказа. Вокруг выделенных ключевых слов мы построили текстовые словесно-ассоциативные поля, включающие в себя различные тематически связанные ассоциации, помогающие организовать ту часть текста, основой которой выступает каждое из выделяемых нами ключевых слов. Здесь под словесно-ассоциативным полем мы (вслед за Н. С. Болотновой и А. П. Клименко) понимаем совокупность вербальных ассоциатов на слово-стимул (или ключевое слово в тексте) [2; 1].

В текстовом ассоциативном поле ключевого слова *hotel* мы видим тихую маленькую гостиницу, символизирующую спокойную, ничем не насыщенную жизнь главных героев. Ключевое слово *hotel* и ассоциативно связанные с ним слова *room, door, window, sea, public garden, square* и др. являются главными при описании места действия. Второе текстовое ассоциативное поле, центром которого является ключевое слово *rain*, – это проливной дождь, как будто смывающий это спокойствие, символизирующий другую, бурную, наполненную событиями жизнь, о которой мечтает главная героиня. Ключевое слово *rain* и его текстовое ассоциативное поле (*weather, water, window, umbrella, wet square, green, bright*) позволяют показать, при каких обстоятельствах развиваются события и что им сопутствует. Ассоциативное поле *wife* показывает образ главной героини в рассказе, ее внешность, личностные качества. Ассоциативное поле ключевого слова *wife* представляет образы главных героев (*pretty, tired, small, disappointed, husband, boy, man, etc*); благодаря ассоциативному полю следующего ключевого слова *cat* (*kitten, wet, big, tortoiseshell, purr, sit, etc.*) в рассказ вводится вторая героиня – кошка, которая стала символом желаемой жизни главной героини. Эти ключевые слова и их ассоциации влияют на формирование авторских идей и помогают понять основное содержание этого художественного произведения.

В табл. 1 представлены текстовые ассоциативные поля выделенных ключевых слов из рассказа «Кошка под дождём»: *wife, cat, hotel* и *rain* соответственно. В верхней строке таблицы указываются ключевые слова, или слова-стимулы, а ниже расположены ассоциации, объединенные в определенные тематические группы. Таким образом, таблица показывает все ассоциативные поля выделенных ключевых слов.

Текстовая модель ассоциативных полей рассказа

Тематические группы	Ключевые слова			
	wife	cat	hotel	rain
Название лиц	<i>signora</i> <i>husband</i> <i>hotel-keeper</i> <i>girl</i> <i>maid</i> <i>man</i> <i>owner</i> <i>boy</i>	<i>signora</i> <i>husband</i> <i>girl</i> <i>maid</i> <i>padrone</i>	<i>husband</i> <i>artist</i> <i>padrone</i> <i>maid</i> <i>Americans</i> <i>people</i> <i>owner</i> <i>wife</i>	<i>wife</i> <i>husband</i> <i>maid</i> <i>padrone</i> <i>owner</i>
Общие характеристики в рассказе	<i>pretty</i> <i>tired</i> <i>small</i> <i>disappointed</i> <i>light</i> <i>important</i> <i>supreme</i>	<i>kitty</i> <i>gatto</i> <i>crouched</i> <i>poor</i>	<i>small</i> <i>green</i> <i>Italian</i>	<i>dripped</i> <i>hard</i> <i>bad</i> <i>wet</i> <i>empty</i> <i>bright</i> <i>green</i> <i>weather</i> <i>tempo</i>
Внешние признаки	<i>profile</i> <i>head</i> <i>neck</i> <i>hair</i>	<i>wet</i> <i>compact</i> <i>big</i> <i>tortoiseshell</i>	<i>door</i> <i>floor</i> <i>stairs</i> <i>desk</i> <i>table</i> <i>beds</i> <i>mirror</i> <i>window</i>	<i>water</i> <i>wet</i>
Место действия	<i>hotel</i> <i>room</i> <i>square</i> <i>door</i> <i>window</i>	<i>hotel</i> <i>square</i> <i>table</i> <i>bed</i>	<i>public</i> <i>garden</i> <i>sea</i> <i>big palms</i> <i>square</i>	<i>hotel</i> <i>path</i> <i>square</i> <i>public</i> <i>garden</i>
Предметы обихода	<i>mirror</i> <i>dressing-table</i> <i>hand glass</i> <i>silver candles</i> <i>clothes</i> <i>umbrella</i>	—	<i>mirror</i> <i>dressing-table</i> <i>table</i> <i>bed</i> <i>pillows</i>	<i>umbrella</i> <i>rubber cape</i>

Подобно текстовым ассоциативным полям были проанализированы и словесно-ассоциативные поля словарных слов-стимулов, эквивалентных ключевым словам рассказа. Эти поля построены на материале Эдинбургского ассоциативного тезауруса и результаты их анализа приведены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Тезаурусная модель ассоциативных полей

Тематические группы	Ключевые слова			
	wife	cat	hotel	rain
Название лиц	<i>spouse baby children child daughter husband man lover mother woman mistress</i>	<i>boss kin Millie Tom</i>	<i>staff maid manager</i>	—
Общие характеристики в рассказе	<i>pregnant</i>	<i>kitten animal Cheshire feline</i>	<i>inn hostel boarding-house motel count flat rooms lodgings</i>	<i>water weather shower hail fall snow storm thunder</i>
Внешние признаки	<i>apron bra</i>	<i>Black claws furry pussy eyes</i>	<i>rich luxury extortionate strong</i>	<i>cold grey wet plain bad cool dear dry hard</i>

Тематические группы	Ключевые слова			
	wife	cat	hotel	rain
Место действия	<i>house</i> <i>home</i> <i>bed</i>	<i>mat</i> <i>hearth</i> <i>house</i>	<i>sea</i> <i>seaside</i> <i>ville</i> <i>Spain</i>	<i>Spain</i> <i>U.K.</i> <i>Leicester</i> <i>forest</i> <i>lake</i> <i>district</i>
Предметы обихода	<i>fridge</i> <i>food</i>	<i>milk</i>	<i>bed</i> <i>blinds</i> <i>meal</i> <i>tea</i> <i>bill</i>	<i>umbrella</i> <i>hat</i>

В обеих моделях ассоциативных полей, и текстовой и тезаурусной, слова, располагаясь в разных тематических группах внутри ассоциативного поля, реализуют такие подтемы, как названия лиц, чувств, действий, общие характеристики героев, их внешние признаки, место действия, предметы обихода. Названия групп в обоих полях совпадают, но их лексическое наполнение различно, хотя оно и соответствует названию группы.

Все выделенные тематические группы возникают в ассоциативных полях всех ключевых слов рассказа. Такие же группы слов отмечены и в ассоциативных полях слов-стимулов из ассоциативного тезауруса. В некоторых текстовых полях отсутствуют определенные тематические группы. Так, в текстовом поле ключевого слова *cat* нет тематической группы, описывающей предметы обихода, зато отмечена группа ассоциаций, называющих действия: *sit, purr, keep, want, stroke, held, bring*. В словесно-ассоциативном поле слова *rain* отсутствует группа, называющая лица, но имеется тематическая группа слов, указывающих на действия: *pour, came, dance, grow, shine*, а также группа слов, обозначающих чувства: *depression, coolness, love*.

Как уже упоминалось выше, ассоциативные поля представляют подтемы в рассказе, совокупность этих подтем представляет подтекст, затрагивающий основную тему и идею произведения, а из подтекста образуется и сам текст рассказа, состоящий из очевидного, описываемого автором напрямую, и скрытого, зашифрованного смысла, который читателю предстоит разгадать, опираясь на собственное ассоциативное поле, существующее в его сознании, и на текстовое.

Под подтекстом мы понимаем имплицитный, глубинный смысл особым образом организованного текста, который не выражается прямо и одноз-

начно, а актуализируется при прочтении в результате взаимодействия текстовых и тезаурусных словесно-ассоциативных полей (индивидуально-авторских и общепринятых, читательских) [9; 10].

Для понимания подтекста, создающего основу рассказа, очень важны ассоциации *house – hotel, cat – kitten, signora – boss*. Ассоциация *house*, имеющаяся в тезаурусе, в тексте рассказа соотносится с *hotel*, поскольку на данный момент местом жительства героев выступает отель. Здесь просматривается скрытое желание женщины, находящейся в данный момент в отеле, иметь свой дом. Ассоциации *cat и kitten*, отмеченные и в тексте рассказа, и в ассоциативном тезаурусе, символизируют то, что женщине нужен ребенок, о котором она будет заботиться. Текстовая ассоциация *signora* соотносится со словарной ассоциацией *boss*: и женщина, и кошка хотят быть значимыми, главными для кого-то, требуют к себе внимания.

В исследуемом рассказе из слов, ассоциирующихся в нашем сознании с ключевым словом-стимулом *wife*, выделим такие основные ассоциативно связанные слова, как *pretty, tired, small, disappointed, light, husband, cat, profile, clothes*. В ассоциативном тезаурусе на эквивалентный стимул *wife* даны следующие ассоциации: *marry, unhappiness, love, marriage, never, children, mother, son, daughter*. Сопоставив эти части текстового и тезаурусного ассоциативных полей, мы понимаем очевидность авторского подтекста. Он состоит в том, что женщина, жена – *wife, American wife, American girl*, как ее называет автор, несчастлива в своем браке, у нее нет взаимопонимания с мужем (*disappointed* ‘текст’, *unhappiness* ‘словарь’).

Образ кошки также важен в рассказе, поскольку женщина нередко отождествляется с ней. С одной стороны, кошка – это символ независимости, с другой – домашнего уюта. Поэтому в текстовом ассоциативном поле ключевого слова *cat* находим слова *signora, wife, maid*. Ассоциации *weather* и *rainy* усиливают драматичность происходящего момента. Это была именно та кошка, о которой хотелось заботиться, хотелось спасти ее от дождя. Очевидна ассоциация – женщине тоже было необходимо, чтобы ее, подобно кошке, приютили и позаботились о ней. В исследуемом ассоциативном поле нами отмечены также слова *keep, want, have, stroke, get, hold*. Они позволяют увидеть и понять стремление главной героини получить то, чего у нее нет. Слова *wet, poor, big, tortoiseshell* описывают кошку и также являются неотъемлемой частью ассоциативного поля.

Сопоставляя модель словесно-ассоциативного поля, полученную в ходе анализа текста, и тезаурусное ассоциативное поле, можно отметить, что практически каждую ассоциацию, отмеченную в тексте, можно сопоставить с ассоциацией из словарной статьи ассоциативного тезауруса. Это свидетельствует о том, что в сознании каждого носителя языка существует определенная система ассоциаций. Эта система способна активизироваться в нужный момент и участвовать в процессе текстопорождения. Благодаря этому автор создает свой оригинальный текст, а читатель, опираясь на идеи автора, понимает имеющийся в данном художественном произведении подтекст.

Из проведенного анализа видно, что общая тема рассказа об отношениях между мужчиной и женщиной представлена здесь набором подтем, каждая из которых состоит из ряда ассоциаций, соответствующего содержанию тематических групп ассоциативных полей. Все они помогают увидеть создаваемый автором подтекст, который очень важен в процессе текстообразования, поскольку смысл многих произведений может быть понятным только при помощи декодирования авторского подтекста.

Таким образом, ассоциативное поле можно рассматривать как способ экспликации подтекста через анализ сюжетной организации художественного произведения. Изучение текстового ассоциативного поля позволяет раскрыть глубинный смысл произведения, основанный на подтексте, на том, что мы должны увидеть и прочесть между строк. Сопоставление тезаурусных ассоциаций, которые представляют собой возможные читательские ассоциации, и текстовых – авторских – позволяет еще раз убедиться в правильности прочтения и понимания текста произведения. Скрытое между строк, недосказанное читатель должен увидеть сам, основываясь на ассоциациях, возникающих у него в сознании под воздействием прочитанного текста. Вероятно, в образе «американской жены» (*“American wife”*), описываемой в рассказе, многие женщины увидят себя и свой образ жизни, не удовлетворяющий их на определенном этапе, и почувствуют в себе желание изменить что-либо в ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клименко, А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособие / А. П. Клименко. – Минск: МГПИИЯ, 1974. – 108 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – М., 2009. – 520 с.
3. Абрамов, В. П. Теория ассоциативного поля / В. П. Абрамов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/lexfraz.doc>. – Дата доступа : 03.06.2018.
4. Горошко, Е. И. Использование метода свободных ассоциаций в психолингвистике / Е. И. Горошко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=92>. – Дата доступа : 21.05. 2018.
5. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьева. – М. : Наука, 1969. – 308 с.
6. Баркова, Т. П. Текстовое ассоциативное поле и моделирование структуры концепта / Т. П. Баркова // Концепт. – 2015. – № 11 (ноябрь). – С. 151–155.
7. Сахарный, Л. В. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности / Л. В. Сахарный, А. С. Штерн. – Пермь: Перм. политехн. ун-т, 1988. – С. 34–51.

8. *Караулов, Ю. Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 180 с.
9. *Арнольд, И. В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И. В. Арнольд // Вопросы языкознания. – № 4. – 1982.
10. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1969.
11. *Hemingway, E.* Cat in the Rain // The First Forty-Nine Stories / E. Hemingway. – London: Arrow Books, 2004.
12. *Kiss G.* The Edinburgh Associative Thesaurus, Edinburgh / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy, 1972. [Electronic resource]. – <http://www.eat.rl.ac.uk/>. Mode of access: Date of access: 17.010.16.

The article is devoted to the study of the word-associative fields as the subtext forming factors. Textual and thesaurus associative fields were built and compared with the purpose to form the system of the associations which helps the author to create the artistic implication of the story.

Поступила в редакцию 04.06.18

НАШИ АВТОРЫ

Бартенева Инга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков БГЭУ. Тел. 209-88-23.

Белова Ксения Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессионально ориентированной английской речи БГЭУ. E-mail: k-belova@hotmail.com.

Борзенец Светлана Евгеньевна – доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Гладко Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 294-71-14.

Годжаева Хатир Аваз кызы – преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета образования Азербайджанского университета языков. E-mail: mamedaliyev@rambler.ru.

Гэн Цзянь – кандидат филологических наук, доцент Хунаньского университета КНР.

Каримова Шуджаэт Машриф гызы – соискатель, Азербайджанский государственный экономический университет. E-mail: bitkovskaya@inbox.ru.

Карневская Елена Борисовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Козлова Татьяна Александровна – аспирант кафедры славянских языков МГЛУ. Тел. 288-25-64.

Кудрявцева Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Куценко Надежда Владимировна – бывший аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Крючкова Анна Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Левшун Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Лобанова Татьяна Сергеевна – преподаватель кафедры немецкого языка факультета социокультурных коммуникаций БГУ. Тел. 209-53-41.

Ляшенко Елена Станиславовна – старший преподаватель кафедры английского языка № 2 БНТУ. Тел. 293-93-37.

Макееенко Анна Сергеевна – студентка 5 курса факультета романских языков МГЛУ.

Махмудова Айгюн Вахид гызы – соискатель, Бакинский славянский университет. E-mail: bitkovskaya@inbox.ru. Тел. (+994 55) 616-58-67.

Мижегули Уфур – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета БГУ. E-mail: wufuer@mail.ru. Тел. (+375 25) 787-26-16.

Михалькова Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики китайского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.

Первушина Любовь Владимировна – докторант БГУ, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.

Радкевіч Віялета Ігараўна – аспірант кафедры беларускай і замежнай літаратуры БДПУ імя Максіма Танка. Тел. (+375 33) 379-60-40.

Репина Ксения Петровна – преподаватель кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Рингевич Виктория Викторовна – аспирант кафедры общего и славянского языкознания Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Тел. (8-022) 228-40-30.

Рускевич Людмила Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.

Турчинская Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 364-70-35.

Хомич Виктория Викторовна – аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (95), 2018

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 30.08.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 11,66. Тираж 100 экз. Заказ 34.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172